

МАКС ГЛЕБОВ

БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ

РУБЕЖ АТАКИ

Annotation

Бывший бригадный генерал Дин, а теперь капитан Игорь Лавров все еще далек от выполнения своей главной задачи, но самые острые проблемы, казалось бы, решены. Атака внешнего врага отбита, все обвинения сняты, а новая высокая должность открывает отличные перспективы. Но, как известно, если вам кажется, что все хорошо, значит вы просто не все знаете... Противник готовит новый удар, сила которого угрожает флоту Федерации неизбежным сокрушительным поражением, внутренний враг еще далеко не побежден, а откуда-то из глубины космоса на сцену выходит третья сила, роль которой в предстоящей схватке пока совершенно не ясна.

- [Макс Глебов](#)

-

-

Макс Глебов

Рубеж атаки

Я вошел в командный пост среднего разведчика, специально модернизированного нами для глубокого рейда в тыл противника. Командир корабля, китаец Юн Гао, стоял перед главным проекционным экраном, на котором медленно вращалось объемное изображение огромного пустотного дока. Размеры сооружения впечатляли. Сквозь внешние конструкции просматривался остов корабля с легко узнаваемыми очертаниями корпуса, которые выдавали в строящемся гиганте брата-близнеца сверхтяжелого линкора Титан, захваченного нами в системе звезды Барнарда.

Юн Гао задумчиво рассматривал снимок, доставленный беспилотным зондом с орбиты газового гиганта в очередной посещенной нами звездной системе кваргов.

– А ведь это уже девятый такой док, – произнес командир корабля. Капитану второго ранга уже, вроде как, и не по званию было командовать средним разведчиком, перерос он его, но к моей просьбе принять участие в рейде Юн Гао прислушался, – Судя по стадиям готовности тех линкоров, что мы уже видели, их все заложили примерно в одно время. Я не знаю, сколько кварги еще будут их достраивать, но, боюсь, через несколько месяцев, максимум через полгода, наш флот столкнется с очень серьезной проблемой, и это с учетом того, что мы наверняка не все еще видели.

– Того, что мы уже нашли более чем достаточно, – невесело ответил я, – у меня нет уверенности, что даже с этими кораблями весь наш объединенный флот справится в лобовом столкновении. Нам пора возвращаться, Юн, рисковать больше нельзя. Информацию нужно как можно быстрее доставить на Землю.

– Я не уверен, что это правильно, хотя, возможно ты и прав – в сомнении покачал головой командир корабля, – но разведка еще не закончена. Добытые нами данные важны, но их нельзя назвать полными. Придется снова лететь сюда, таких доков может оказаться еще несколько штук..., или несколько десятков. Требуется более глубокий рейд, причем одновременно по нескольким направлениям.

– Такой корабль у нас пока только один, – напомнил я разведчику, – Могу предложить тебе возглавить следующую вылазку. А мне нужно в

столицу. Мои обязанности главы комиссии минобороны по новой технике и вооружениям с меня никто не снимал, а в свете увиденного у меня появилось много новой работы, не терпящей отлагательства.

* * *

Сама возможность отправиться в глубокий разведывательный рейд по тылам противника появилась у нас благодаря тому, что моя научно-инженерная группа добралась, наконец, до кораблей флота, а точнее, до разведчиков. Формально говоря, теперь это уже была не совсем моя группа. Мой новый пост в министерстве обороны категорически не совмещался с положением главы оружейной компании. Пришлось всячески изворачиваться и искать выход, который, с одной стороны, позволил бы мне не потерять контроль над новыми разработками, а с другой, не вызывал бы вопросов у многочисленных борцов с коррупцией, расплодившихся до совершенно неприличного количества после крупнейшего за последние годы скандала вокруг оружейных компаний. На меня и так-то многие смотрели весьма косо, но теперь для прямых обвинений у них, вроде как, не имелось весомых оснований.

Я договорился с президентом Тобольским о национализации Оружейной компании Лавровых, чем выбил из рук моих противников, начавших сразу после моего назначения обвинять меня в лоббизме, один из главных козырей. Национализация, правда, проводилась по довольно хитрой схеме. Министерство обороны выкупило у моей мамы сто процентов акций нашей компании за полтора миллиарда рублей, то есть по цене, заниженной, по моим скромным подсчетам, как минимум, раз в десять. Даже самые оголтелые журналисты из желтой прессы только досадливо морщились, узнавая эту новость, ибо придраться к такой сделке не имелось ни малейшей возможности. Один только трофейный линкор Титан явно стоил не меньше десяти миллиардов, а скорее, раз в несколько дороже. Но была у этой сделки и обратная сторона. Во-первых, я оставался председателем совета директоров компании, уже не как частное лицо, а как чиновник минобороны, а во-вторых, за мной сохранялось право обратного выкупа акций после окончания войны с кваргами за те же полтора миллиарда. Конечно, я терял всю прибыль на много лет вперед, ведь все дивиденды теперь причитались министерству обороны, но зато все активы компании, которыми она неизбежно обрстет в процессе дальнейшей работы, после войны перейдут ко мне бесплатно, ведь цену

обратного выкупа увеличить будет невозможно.

Захваченный у кваргов линкор мы продали флоту почти сразу после завершения сделки по национализации. В результате у компании появились серьезные средства для дальнейших разработок, и нам даже не пришлось обращаться за финансированием к министерству обороны, хотя теперь, как казенная компания, мы имели такую возможность.

Как председатель совета директоров, я настоял на принятии стратегического плана, направленного на продолжение работ по системам маскировки наземной и космической техники, а также на совершенствование систем связи. Первым результатом этой деятельности и стал корабль, на котором мы с Юн Гао отправились в разведывательный рейд. От стандартного среднего разведчика у него остались только корпус, двигатели и частично системы жизнеобеспечения. Все освободившееся место заняли наши новые станции РЭБ и усовершенствованные сканеры. В результате экипаж корабля сократился до пяти человек, против изначальных двенадцати.

Испытания нового разведчика мы проводили на орбите Каллисто, над полигоном минообороны. Я, естественно, знал, чего ожидать, а вот два моих помощника, генерал-лейтенант Ляпин и вице-адмирал Фернандес, которых я не стал менять после ухода генерала Баррингтона с поста главы комиссии, были повергнуты увиденным в состояние легкого шока.

– Господин председатель, – голос вице-адмирала ощутимо дрогнул, – это что же, через него Юпитер просвечивает?

После включения оборудования РЭБ корабль действительно приобрел эффект частичной прозрачности в видимом диапазоне излучений. Конечно, полной невидимости достичь не удалось. На самом деле, даже маскировочные поля из моей прошлой жизни, не давали иллюзии полной прозрачности объекта, по крайней мере, с такого расстояния. До настоящего маскполя нашему изделию оставалось еще очень далеко, но первые признаки того, что мы на верном пути, явно имели место.

– Я рекомендую вам обратить внимание на показания многодиапазонных сканеров, господа, – вывел я членов комиссии из задумчиво-созерцательного состояния. Они обратили...

* * *

Мое решение, как председателя комиссии по новой технике и вооружениям, лично возглавить боевые испытания новинки вызвали глухое

недовольство министра обороны адмирала флота Бронштейна, моего непосредственного начальника. Однако его бухтение по поводу неуместности таких действий для лица, занимающего столь значимую должность в министерстве, совершенно не плясали против прямого указания верховного главнокомандующего не препятствовать капитану Лаврову в подобных начинаниях, чем я бессовестно и воспользовался.

Юн уговорил-таки меня задержаться в пространстве кваргов еще немного, и, возможно, за это ему когда-нибудь поставят памятник, по крайней мере, я такую идею поддержу обязательно. Мы нашли совсем не то, за чем отправились осматривать еще две системы, подконтрольные кваргам, но на дальнейший ход войны эта находка повлияла куда сильнее, чем все, обнаруженное нами ранее. Нет, еще один док со строящимся аналогом Титана мы тоже наши. И кварги, и люди имели склонность строить судостроительные заводы на орбитах газовых гигантов. Почти дармовой источник неограниченного количества водорода, а также множество зачастую богатых необходимыми рудами спутников, делали такие места привлекательными для промышленного производства. Вот именно в таком месте, на орбите пятой планеты Дельты Треугольника, мы и обнаружили один из военно-промышленных центров противника – несколько десятков разнокалиберных верфей и мощный судоремонтный комплекс.

Ничего, вроде бы, необычного, мы такое уже не раз видели, но наше внимание привлек идущий к планете откуда-то с окраины системы крейсер кваргов. Деталей мы пока различить не могли, но судя по скорости хода и ринувшимся к нему сразу после выхода из гипера нескольким малым кораблям сопровождения, крейсер имел повреждения, причем довольно сильные.

– Юн, откуда этот корабль?

– Сканеры зафиксировали его выход из прыжка за орбитой восьмой планеты около трех часов назад. С тех пор он неспешно движется к ремонтному заводу. Видимо, повреждения затронули двигательную установку, иначе он добрался бы быстрее.

– Я не об этом. Откуда ЗДЕСЬ поврежденный корабль? Да и вообще, ты не задумывался, зачем кваргам понадобился судоремонтный комплекс в таком глубоком тылу? Таскать сюда битые корабли весьма накладно.

– Отправим зонд?

– Лучше два. Один к крейсеру, один к ремкомплексу.

Через шесть часов, тихо проскользнув мимо объектов разведки, зонды по широкой дуге вернулись к нашему кораблю. Пользоваться связью мы не

рискнули и приняли зонды на борт. Когда обработанный компьютером видеопоток начал выводиться на проекционный экран, мы некоторое время потрясенно молчали, а потом Юн Гао произнес изменившимся голосом:

– Ну что ж, господин председатель комиссии минобороны, вот теперь нам действительно пора домой.

Мы еще долго стояли перед экраном и рассматривали изображение вражеского крейсера, изъязвленного в носовой части множеством даже не пробоин, а каких-то неровных каверн и сквозных отверстий, то ли проплавленных, то ли проеденных сильной кислотой или чем-то подобным. Весь корпус вокруг них был покрыт неприятным белесым налетом. При этом странное оружие, исковеркавшее часть борта крейсера, похоже, еще продолжало свое действие, хоть и в сильно ослабленном виде. От поврежденных участков продолжали отваливаться какие-то лохмотья, в которые превратился броневой сплав, а корабли сопровождения выпустили множество небольших ремонтных роботов, и те обрабатывали пораженные участки брони струями какого-то порошка, вступающего с белесым налетом в бурную реакцию с выделением быстро рассеивающихся в вакууме газов.

– Мы должны найти тех, кто это сделал, Юн. Враги наших врагов могут и не стать нашими друзьями, но не воспользоваться таким шансом мы не имеем никакого права.

* * *

Как только мы достигли зоны досягаемости ближайшего гипермаяка, информационный пакет ушел по цепочке ретрансляторов в столицу Федерации. Я воспользовался служебным положением и отправил его напрямую министру обороны, так что к моменту нашего прибытия все руководство министерства вместе с генеральным штабом и лично господином верховным главнокомандующим стояло на ушах и пританцовывало от нетерпения. Собственно, ничего нового мы добавить к переданной информации не могли, но, как оказалось, совещание по итогам разведрейда все же решили отложить до моего прибытия, что меня сильно удивило.

Министерский флайкар с целым полковником в качестве сопровождающего поперек всяких правил плюхнулся на взлетное поле прямо перед только что опустившимся на сталобетон средним разведчиком. Спустя десять минут я уже входил в зал совещаний, расположенный на верхнем этаже знакомого мне здания минобороны. Юн Гао я тоже

прихватил с собой на всякий случай, все-таки личные наблюдения и комментарии профессионального космического разведчика могли помочь не упустить важные детали. Но командира нашего корабля в зал не пустили, вежливо сославшись на закрытый список участников совещания и попросив подождать в комнате отдыха вызова в зал, если таковой последует.

– Итак, господа, – открыл совещание Тобольский, – вы все в курсе результатов рейда капитана Лаврова. Добытая им и его людьми информация имеет высший приоритет важности, поэтому я попросил вас в столь сжатые сроки подготовить свои соображения и предложения к этому экстренному совещанию. Господин Лавров, – нашел меня взглядом президент, – пока вы летели к Земле, у нас всех было достаточно времени для подробного ознакомления с переданной вами информацией. Есть ли у вас что-то еще, что вы бы хотели добавить к уже известным нам фактам?

– Все факты мы с капитаном второго ранга Юн Гао изложили в информационном пакете максимально полно, господин президент, – произнес я, вставая, – все остальное уже мои личные соображения и выводы, которые более уместно будет озвучить в процессе общего обсуждения.

– Ну что ж, тогда с вас и начнем в соответствии с древней традицией, как с младшего по званию из присутствующих, – усмехнулся Тобольский, – излагайте ваши соображения, господин Лавров.

Я вышел к кафедре, установленной рядом со столом президиума, за которым в удобных креслах разместились президент Тобольский, министр обороны Бронштейн, начальник генштаба генерал армии Мазилеску, а также министр военной промышленности Зверев, на чье место я столь нагло претендовал в личной беседе с президентом. В зале напротив меня сидели крупнейшие воинские начальники Федерации и руководители министерств и ведомств, имеющих отношение к войне и военному производству. Именно возможность выступить перед такой аудиторией я и видел одной из своих промежуточных целей, причем не только выступить, но и добиваться того, чтобы к моему мнению прислушивались. Что ж, в длинном списке ступенек к выполнению задачи можно ставить очередную галочку. Начнем, пожалуй.

– Господа, я постараюсь изложить свои мысли максимально сжато, – бросил я в зал вступительную фразу, – то, что я видел в тылу кваргов, говорит о двух вещах. Во-первых, мы недооценили военно-промышленный потенциал врага. Через три-шесть месяцев наш флот получит в качестве противника не менее десяти, а скорее гораздо больше, кораблей класса Титан, которые при совместном применении будут способны подавить

оборону любой из наших звездных систем, включая Солнечную.

Зал задвигался и по нему прошел тихий гул, но я спокойно продолжил:

– Это произойдет, если мы ничего кардинально не изменим в нашей военной промышленности и экономике, хотя не факт, что даже если мы захотим провести необходимые изменения, мы успеем это сделать. Во-вторых, можно считать доказанным, что у кваргов есть еще один враг, с которым они ведут войну. На первый взгляд, для нас это хорошая новость, но у меня складывается стойкое ощущение, что наш потенциальный союзник эту войну проигрывает, причем перелом в ней произошел относительно недавно, иначе как объяснить, что кварги смогли позволить себе резкую активизацию боевых действий на нашем направлении? Таким образом, в обозримом будущем Земная Федерация может столкнуться с тем печальным фактом, что у противника высвободится весьма значительное количество войск и единиц флота, которые будут переброшены на наш театр военных действий. В результате сложения этих двух факторов перед нашей армией и флотом встанет задача, которую они при всем своем героизме и высоком качестве боевой подготовки решить будут не в состоянии просто из-за подавляющего превосходства противника в численности и мощи вооружения.

– А вы не слишком сгущаете краски, господин Лавров? – задал мне вопрос министр обороны, – ведь многие ваши выводы сделаны исключительно на базе ваших собственных предположений, не основанных на достоверных фактах.

– Я лишь озвучиваю негативный сценарий, господин министр, – аккуратно ответил я, зная вспыльчивый характер Бронштейна, – там, за этими стенами, от наших решений зависят жизни более чем двухсот миллиардов человек, и мы должны быть готовы к любому варианту развития событий, даже к такому пессимистичному.

– У вас есть конкретные предложения, господин Лавров? – негромким, но твердым голосом задал вопрос министр военпрома Зверев, – что, например, мое министерство может противопоставить врагу при реализации вашего сценария?

– Временную национализацию оборонных предприятий, господин министр, – без колебаний ответил я, – только поставив военное производство под жесткий контроль государства можно быстро нарастить выпуск военной продукции до нужных нам объемов при разумных затратах, но, опять же, только этой меры будет явно недостаточно.

В зале поднялся возмущенный гул. Такого ответа от меня никто не ожидал. Тобольский поднял руку и шум стих.

– Господа, – твердо произнес президент, – мы здесь собрались для принятия важных государственных решений. Прошу помнить об этом и сдерживать эмоции. Я тоже не ожидал от господина Лаврова такого предложения, но я хотел бы выслушать его аргументы до конца. Продолжайте, капитан, – назвал меня президент по моему невеликому званию, то ли давая понять, что надо думать, что говоришь, то ли просто не желая использовать гражданское обращение в данных обстоятельствах.

И я продолжил:

– Земная Федерация стала слишком рыхлым и аморфным образованием, господа, – решил я вывалить на собравшихся давно бродившие в моей голове соображения, а то пока еще дождешься следующего такого случая, – в нашей истории уже были подобные прецеденты. Все вы помните вторую мировую войну. Германия, великая держава, сумевшая на начальном этапе войны подчинить себе практически всю Европу, опоздала с переводом на военные рельсы своей промышленности и сделала это только к концу тысяча девятьсот сорок второго года. Три года войны немцы в тылу продолжали жить так, будто войны и нет. И что в результате? Армия, вступившая в войну самой мощной и боеспособной боевой силой в мире, к концу третьего года противостояния растеряла свое преимущество и потерпела решающие поражения в России и северной Африке. Мы уже пятнадцать лет идем этим же губительным путем. Вспомните первые, самые тяжелые, как еще недавно казалось, годы войны. Вот тогда была мобилизация экономики. Никто не думал о прибыли, о рентабельности, о правах и свободах. Все понимали – или мы, или они. И мы выстояли. Но стоило нам выбить кваргов с нашей территории, да даже не со всей территории, ведь часть ее мы до сих пор не вернули, и настроения стали меняться. И вот теперь мы имеем экономику, производящую явно избыточное для воюющего государства количество товаров невоенного назначения, предметов роскоши, разнообразных услуг и массу прочего барахла, пожирающего производственные и людские ресурсы, которые можно и нужно было бы направить в военную промышленность. А враг все эти годы вел себя иначе. Мы думали, что добились перелома в войне своими силами, а оказалось, что значительную часть войск и ресурсов противника оттянул на себя еще один, неизвестный нам, театр военных действий. Вместо того чтобы мобилизовать все силы и нанести врагу решительное поражение, мы дали противнику возможность сосредоточиться на уничтожении наших потенциальных союзников, оставив на нашем фронте только силы сдерживания. И вот теперь мы имеем закономерный результат. Союзник на

границ поражения, а нам предстоит остаться один на один с врагом, силы которого мы до последнего момента даже себе не представляли, и я не уверен, что до конца представляем их сейчас.

Меня слушали. Выражения лиц были разными, от раздражения до мрачной задумчивости, но вот безразличных я не видел.

– Разрешите вопрос к господину Лаврову? – поднялся со своего места министр труда.

Тобольский молча кивнул.

– Правильно ли я понимаю, что вы предлагаете перевести значительную часть предприятий, выпускающих мирную продукцию в сферу оборонной промышленности?

– Совершенно верно, господин министр.

– А как вы себе это представляете, господин Лавров? В этом секторе экономики восемьдесят процентов компаний представлены малым и нижним сегментом среднего бизнеса. Вы все эти предприятия тоже будете национализировать?

– Ни в коем случае. На это не хватит никаких управленческих ресурсов государства, да и эффективность их работы упадет в разы. Они будут централизованно получать заказы от предприятий ВПК. Опять же, прецеденты имеются в истории той же Германии или Японии.

– Господа, это уже детали. Их можно обсудить позже, – прервал нашу дискуссию министр обороны, – господин Лавров, вы сказали, что одной национализации будет недостаточно. Вы хотите удивить нас еще какой-то социальной бомбой?

– Нет, господин министр, не хочу, – не отреагировав на сарказм Бронштейна ответил я, – это будут меры чисто военного характера. Необходимо провести три операции: уничтожение или вывод из строя доков со строящимися суперлинкорами противника, разведывательный рейд на территорию потенциальных союзников и неожиданную демонстративную атаку на одну, а лучше две звездные системы на территории кваргов. Только так мы сможем если не предотвратить, то существенно отсрочить смертельный для нас удар врага.

– Это утопия и пустое прожектерство, капитан, – раздался из-за стола президиума голос начальника генштаба. Генерал армии Мазилеску был возмущен моей наглостью и дерзостью, что явно читалось на его лице. – Верховный главнокомандующий назначил вас, капитан, на генеральскую должность председателя комиссии по новой технике и вооружениям, и, я уверен, он знал, что делал, принимая это решение. Именно в этой роли вы и находитесь на данном совещании высшего командного состава, хотя ваше

звание совершенно не соответствует его уровню. Тем не менее, вы берете на себя смелость выдвигать стратегические инициативы, от которых зависит судьба Федерации, хотя, как я помню, даже еще не закончили академию генштаба.

– Господин генерал армии, – ответил я максимально нейтрально. Портить отношения с Мазилеску в мои планы никак не входило, – верховный главнокомандующий дал мне слово на этом совещании, чтобы я высказал свои соображения, и я их высказываю. Оценкой моих слов и принятием окончательных решений, естественно, займутся высшие офицеры, в чьи непосредственные обязанности это входит.

– Э... господин Мазилеску, – услышал я вдруг из зала знакомый голос. В поднявшемся генерале, форма на котором как обычно сидела не по фигуре, я узнал индонезийского профессора Супармана Алатаса, в своей обычной манере игнорирующего уставные обращения к старшим по званию и вообще чихать хотевшего на все регламенты и правила, – извините, что вмешиваюсь, но ведь это именно господин Лавров добыл для нас информацию, ради обсуждения которой мы все здесь собрались. Мне кажется, один лишь этот факт обязывает нас, как минимум, внимательно его выслушать...

Дискуссия, периодически трансформирующаяся в жаркий спор, продолжалась более пяти часов. Высказывались, обсуждались и отбрасывались самые разные предложения, но итог оказался совсем не таким, как мне бы того хотелось.

Меня выслушали, но не услышали. Идею отвлекающего удара по внутренним планетам кваргов, призванного вселить в противника сомнения в безопасности своих тылов и заставить его отложить наступательные планы до решения этой проблемы, отвергли, как нереальный проект ввиду недостатка у Федерации сил даже на эффективную оборону собственных систем, что уж говорить о крупной наступательной операции.

По поводу внезапной атаки на верфи противника у адмиралов тоже возник неприкрытый скепсис. Такие сооружения находятся в хорошо охраняемых звездных системах, незаметно просочиться в которые достаточными для эффективного удара силами практически невозможно. Следовательно, придется прорываться с боем, а это потери, причем, скорее всего, очень немалые.

Более-менее нормально участники совещания отнеслись только к идее разведывательного рейда с целью поиска звездных систем потенциального союзника, но и то мне указали на отсутствие во флоте кораблей с нужными характеристиками незаметности и дальности хода.

В итоге на меня свалили срочную подготовку необходимых кораблей для разведрейда, а в стратегическое военное планирование вежливо, но твердо попросили не лезть со своими капитанскими погонами.

Высокое собрание решило ограничиться традиционными мерами вроде «увеличить выпуск», «пересмотреть финансирование», «форсировать постройку», «всемерно содействовать» и «провести дополнительный набор в...». Самоуспокоение, короче. Я бы назвал такое поведение преступной халатностью, но кто меня будет слушать?

В общем, выходя с совещания, я почти физически ощущал близость печальной развязки и свое полное бессилие что-либо изменить в сложившейся ситуации. Эти люди с большими звездами на погонах не хотели понимать, что ситуация изменилась. За последние пятнадцать лет они привыкли к равновесию на фронтах и теперь воспринимали новую угрозу, как что-то обычное, с чем уже не раз сталкивались и успешно справлялись. А вот хрен вам, господа, в этот раз не прокатит.

* * *

Я отпустил Юн Гао, которого так и не вызвали на совещание, и вернулся в свой кабинет. На занятия в академию я сегодня опять не попал. После моего назначения председателем комиссии минобороны начальнику академии О'Салливану пришлось разрешить мне свободное посещение занятий и частично заочную форму обучения. Это решение ему совершенно не нравилось, но генерал понимал, что иных вариантов просто нет. А мне академия была нужна, как воздух. Без нее ни о какой дальнейшей военной карьере и речи идти не могло. Так что старому ирландцу я был весьма благодарен. Он уже второй раз выручал меня, а я стараюсь такое не забывать.

Моей депрессии хватило ненадолго. Я позвонил Инге, и мы отправились гулять в центральный парк. В изящно сидящей по фигуре форме с погонами старшего лейтенанта, с железным крестом на груди и зеленеющим длинными полосами боевого опыта квалификационным шевроном, Инга смотрелась неотразимо во всех смыслах. Досрочный выпуск из ВВУ Планетарного Десанта и мои личные отношения с начальником училища позволили мне наложить свою наглую лапу на ее дальнейшую карьеру. Внеочередное звание и железный крест Инга получила за абордаж вражеского флагмана в системе звезды Барнарда. Офицера с таким боевым опытом с удовольствием взял бы в свою часть

любой командующий, но мой запрос не оставил им шансов, и Инга поступила в мое распоряжение в качестве командира роты испытателей наземных вооружений вместе с лейтенантами Фултоном и Джасвиндером, а также еще десятком бывших курсантов генерала Шиллера. Некоторое время назад я пытался, но не смог отговорить Ингу от военной карьеры. Теперь же, по крайней мере, у меня получилось сделать так, чтобы она находилась под моим присмотром. Не хочу я, чтобы Инга высаживалась на вражеские планеты в первой волне десанта. Вот не хочу, и все. Кстати, именно острое нежелание посылать ее в атаку натолкнуло меня на очень, как оказалось, правильную идею, но об этом не сейчас.

– Послушай, Игорь, – произнесла Инга, выслушав мой эмоциональный рассказ о совещании в минобороны, – а чего ты от них ждал? Что они будут смотреть в рот какому-то, пусть и героическому, но всего лишь капитану, которому едва исполнилось восемнадцать? Ты ведь, как я успела убедиться, неплохо знаешь людей, мог бы и не рассчитывать на положительные результаты своей попытки.

– Ты права, конечно, – я невесело улыбнулся, – но вот что нам теперь делать? Через полгода мы начнем терять одну систему за другой, и эта агония долго не продлится...

– Ну, я-то вряд ли смогу помочь тебе решить этот вопрос, хотя, если надо будет опять лезть в какую-нибудь авантюру, всегда можешь на меня рассчитывать. А если серьезно, вспомни, какую должность ты сейчас занимаешь. В твоих руках сосредоточены серьезные ресурсы. Вот скажи мне, господин председатель комиссии минобороны, можешь ты, к примеру, организовать боевые испытания нового оружия, выбрав в качестве цели тыловую верфь противника?

Я задумался.

– Наверное, могу. Но это будет локальная операция, которая ничего не решит. Кварги разместили свои доки в разных звездных системах, и бить по ним нужно одновременно.

– Ну, на то ты и сидишь на генеральской должности, чтобы уметь думать головой. Вот и думай, только не сейчас. Сейчас мы с тобой гуляем и наслаждаемся редкими минутами отдыха, если ты не забыл.

Я обнял Ингу и мы медленно направились к уютному павильончику на берегу пруда, в котором стайками плавали откормленные разноцветные рыбки. По берегу бегали дети, кидая рыбешкам корм и веселясь, когда рыбы сталкивались лбами, пытаясь первыми добраться до вкусных кусочков.

– Последнее время мне очень трудно заставить себя отвлечься и

отдохнуть, – негромко сказал я Инге, – мне все время кажется, что люди вокруг меня уже мертвы. Я смотрю вокруг и вместо всей этой красоты и беззаботности вижу совсем другие картины. Посмотри на них. Они веселятся и улыбаются, как будто война это только страшная сказка, как будто можно просто закрыть глаза и она исчезнет вместе со всеми проблемами. Почему они ведут себя так, Инга?

– Не все знают то, что известно тебе, Игорь, – настроение Инги явно испортилось, – да и знай они все, не уверена, что что-нибудь бы изменилось. Большинство обычных людей до последнего не верят в то, что привычный для них мир может внезапно рухнуть и продолжают вести себя так, как будто ничего не происходит.

– Извини, что испортил тебе отдых.

– Не испортил, но вот гулять мне что-то и впрямь расхотелось. Пойдем куда-нибудь поужинаем, ты ведь сможешь выкроить для меня вечер?

Я встряхнул головой, прогоняя прочь мрачные мысли, и усмехнулся.

– До завтрашнего утра я вполне способен отложить все планы по спасению этого мира.

* * *

Утро расставило мои мысли в должном порядке. Не бывает безвыходных ситуаций, ну, почти не бывает. Какой-то вариант есть всегда, весь вопрос в том, какой ценой будет достигнут нужный результат. Умирать в неравном бою с врагом я совершенно не собирался, не входило это в мои планы. Я, конечно, рассчитывал на мобилизацию всех ресурсов Федерации, но, как оказалось, сильно переоценивал свои возможности. Значит, будем решать вопрос самостоятельно. Что мы имеем? Бывшая Оружейная компания Лавровых, а теперь Федеральная Корпорация Перспективных Вооружений тоже обладает кое-какими ресурсами, а у меня на моей новой должности есть возможность привлекать в качестве подрядчиков любые частные оружейные компании. Вот и будем работать.

Джефф и профессор Штейн выслушали меня предельно внимательно. Штейн только покачал головой, а главный инженер задумчиво произнес:

– Если у нас десять разведанных целей, и на каждую потребуется около пятидесяти торпед, то производить своими силами полтысячи уникальных изделий размерами с истребитель мы будем... даже не знаю, не меньше года, наверное. И это ведь не все. Нужны будут носители, командирские машины, да куча еще всякого железа. А пилотов когда

готовить будем? Мы никак не успеем.

– А мы и не будем успевать все сами. Мне от вас нужен проект и один-два опытных образца для испытаний и тренировки пилотов. Как только будет готова техническая документация, я предложу Русскому Оружейному Концерну, а может и не только ему, контракт на изготовление наших изделий. Поэтому, господа, делайте что хотите, хоть ночуйте на работе, требуйте с меня любые деньги, но через две недели я должен увидеть образец. Пусть он будет выглядеть, как плод ночных бдений сумасшедшего механика, но он должен работать.

– Кристина меня прибьет... – с притворным ужасом произнес Джефф, но в его глазах я заметил лихорадочный блеск предчувствия новой интересной задачи.

– Ничего, я сейчас свяжусь с генерал-лейтенантом Шиллером и попрошу его интенсифицировать учебный процесс для курсанта Яковлевой, так что ей на некоторое время станет не до главного техника училища.

– Нет-нет-нет, вот этого не надо, пожалуйста, – скороговоркой проблеял Джефф, – если она узнает, что было причиной...

Штейн поднялся и отошел к окну. Его плечи слегка подрагивали, профессор беззвучно смеялся.

* * *

Пятый ударный флот застрял в Солнечной системе надолго. Полученные его кораблями боевые повреждения требовали длительного ремонта в заводских условиях, а марсианские верфи оказались перегружены. Кроме того, на две трети флот пришлось формировать заново. Потери в сражении за Барнард-3 оказались просто катастрофическими. Полностью потерянный четвертый флот, выведенный на переформирование пятый ударный, разрушенные орбитальные крепости... Все это сильно подорвало боеспособность флота Федерации. Но эти печальные обстоятельства привели к тому, что нужные мне люди оказались в пределах досягаемости.

– Здравия желаю, господин адмирал флота, – поприветствовал я Нельсона, как только установилась связь, – Поздравляю вас с новым званием.

– А... господин председатель комиссии минобороны, – усмехнулся адмирал, – спасибо. Мы с вами неплохо потрудились в тот раз. Я смотрю,

ваши погоны тоже преобразились, капитан. Давайте без званий. Что за новую авантюру вы затеваете?

– Э... я знал, что моя репутация не всегда однозначна, но чтоб вот так сразу и авантюра...

– Вы мне голову-то не морочьте, Игорь. Я вам не для того личный контакт давал, чтобы вы со мной просто так поболтать связывались. Мы с вами оба об этом знаем, так что излагайте, излагайте.

– Мне нужна ваша помощь, господин Нельсон, – и я вкратце изложил адмиралу результаты совещания в минобороны, благо допуск к информации у него имелся. Это Инге я рассказал кое-что на свой страх и риск, а в случае с адмиралом я был спокоен.

Адмирал выслушал меня с каменным выражением лица.

– Десять линкоров класса Титан... – в его голосе прорезалась сталь, – они что там, совсем ума лишились? Как они собираются оборонять наши планеты?

– Я думаю, их не десять, а значительно больше. Мы не могли найти все доки.

– Значит, ваши соображения генштаб слушать не стал? Это на них очень похоже, Игорь. Я совершенно не удивлен. Жаль, что Тобольский не в силах переломить эту ситуацию, а может он просто верит им. Нужно было самому побывать в том бою и постоять на наших линкорах под залпами флагмана кваргов, чтобы понять, с чем мы, в действительности, столкнулись. Для них это просто еще один корабль врага, пусть и очень большой. А для нас, тех, кто видел его в бою, совершенно ясно, что десять таких линкоров это смерть. Быстрая и неотвратимая. Чем я могу вам помочь?

– Для начала мне нужен совет. Я ничего не понимаю в судостроении и назначении кораблей. Мне нужны носители для..., ну назовем это истребителями. По массогабаритным параметрам очень похожи, хотя на самом деле это беспилотные торпеды, обладающие характеристиками истребителя и собственными мощными системами РЭБ. Классический авианосец мне не подойдет. Он слишком большой, чтобы его эффективно замаскировать. Да и нужно таких носителей аж десять штук, но на каждом будет всего около семидесяти машин, причем как можно более компактно размещенных. Жилых отсеков самый минимум, а вооружения и брони может не быть совсем. Размер и масса корабля очень сильно влияют на возможность сделать его незаметным, мы планируем нанести внезапный удар из пустоты.

Адмирал задумался и молчал минуты три.

– Авианосцы и другие боевые корабли вам действительно не подойдут, – наконец озвучил свой вывод адмирал, – но есть один интересный вариант. Если разстрясти генерал-полковника Князева на десяток средних войсковых транспортов и выкинуть оттуда все лишнее, то их относительно быстро можно переоборудовать под ваши нужды. Это, конечно, будет жуткая кустарщина, ваши торпеды и истребители придется выпускать через ворота десантных отсеков, но попробовать можно. Вот только если адмиралтейство узнает, что мы самовольно помножили на ноль десяток вполне годных кораблей...

– Под мою ответственность, – быстро произнес я, не давая адмиралу передумать.

– Хм..., ну да. Вы теперь и впрямь лицо ответственное, так что если что... да ладно, Игорь, вы меня знаете. Я после Барнарда-3 вам и пару авианосцев бы подогнал. Вот только с Князевым сами, пожалуйста, – хитро улыбнулся Нельсон, – Он за свои транспорты мне сразу глотку перегрызет, а вас, может и выслушает сначала...

* * *

– Господин Лавров, то, о чем вы просите, выходит за рамки ваших полномочий, – хмуро сообщил мне министр военной промышленности, – с какой стати я должен сдвигать график ремонта боевых кораблей ради переоборудования ваших транспортов? У меня есть заказ флота, утвержденный министром обороны, и я буду нести ответственность за срыв сроков его выполнения.

Зверев смотрел мне прямо в глаза и произносил все эти правильные фразы, но я не видел в его взгляде ответа «нет». Что-то мешало министру просто взять и послать меня куда подальше. Ну что ж, будем пытаться найти нужные слова.

– Господин министр, – осторожно начал я, – вы ведь слышали мое выступление на совещании командного состава. Разрешите узнать ваше мнение, вы тоже считаете меня пустым прожектером?

Зверев на секунду отвел взгляд, но быстро восстановил внешне спокойное выражение лица.

– Я так действительно считал, – подтвердил министр, – ровно до вчерашнего дня.

– Что же изменилось?

– Я посетил новую верфь, в которую поставлен на ремонт трофейный

линкор Титан.

– И что заставило вас изменить ваше мнение?

– Этот корабль... мы не сможем построить что-то подобное в ближайшие несколько лет. Я даже не уверен, что у нас получится переделать Титан для управления человеческим экипажем. Как вы смогли справиться с ним, господин Лавров? И ведь вы это проделали в бою, подавляя сопротивление противника, а потом уничтожили несколько линейных кораблей врага. Как?

– Так же, господин Зверев, как я собираюсь уничтожить строящиеся корабли противника – с помощью новейших разработок Оружейной Компании Лавровых, ныне переименованной в ФКПВ, Федеральную Корпорацию Перспективных Вооружений. Но если тогда я имел возможность сделать все необходимое сам, то теперь я нуждаюсь в вашей помощи. У нашей компании нет судостроительных мощностей, а все казенные и частные верфи забиты заказами флота и ни за какие деньги не соглашаются выполнить мой заказ.

– Вы так уверены, что сможете сделать то, о чем говорите? Уничтожить десять доков в тылу врага, в занятых квартами системах, напичканных их кораблями?

– Но ведь однажды я уже побывал там и смог вернуться...

– Войсковой транспорт это не средний разведчик, господин Лавров. Его так просто не спрячешь.

– Мы справимся. Поднимите информацию по Лейтену-5 и Барнарду-3, там ситуация тоже казалась безнадежной. А еще постарайтесь представить себе на секунду десять линкоров класса Титан, выходящих из гипера внутри орбиты Нептуна...

– Примерно об этом я и думал вчера, осматривая ваш трофей. Потому я с вами все еще и разговариваю, господин Лавров, хотя должен был сразу же категорически отказать вам в вашей просьбе и написать докладную вашему непосредственному начальнику. А о ваших боях за Лейтен и Барнард я в курсе, про Каптэйн и Глизе тоже, поинтересовался вашей биографией после совещания в минобороны.

– Вы дадите мне верфи, господин министр? – задал я прямой вопрос, понимая, что все аргументы уже исчерпаны.

– Да. Но у меня есть условие.

– Какое же?

– Вы лично возглавите атаку на доки противника. В противном случае я не верю в успех.

– Куда мне привести корабли, господин министр?

В две недели Джефф и Штейн не уложились, но я их за это не винил, хотя внешне недовольство срывом поставленных сроков продемонстрировал. Большую часть времени, которую мне удалось урвать от академии и своих прямых обязанностей в министерстве, я проводил в бесконечных уточнениях изменений, которые требовалось внести в конструкцию десантных транспортов, чтобы из них получились хотя бы жалкие подобия авианесущих кораблей. Кроме того, требовалось наspiговать их станциями РЭБ и мощными компьютерами, которые могли бы заставить их работать согласованно. Для этого мне пришлось забрать у Джеффа двух инженеров, что тоже сказалось на сроках. Тем не менее, через три недели опытный образец дрон-торпеды стоял передо мной в ангаре авианосца Веллингтон рядом с командирским истребителем, предназначенным для управления десятью такими изделиями.

С разрешения командира корабля, капитана первого ранга Кларка, я пригласил представителей Российского Оружейного Концерна и Глобал Випон Индастриз прямо сюда, на борт авианосца, для присутствия на внутренних испытаниях новой техники. От РОКа прибыли главный инженер и коммерческий директор, а ГВИ прислала знакомого мне по прошлым переговорам Энрике Круса и кого-то из ведущих специалистов по флотской технике.

– Господин Лавров, – обратился ко мне Крус после взаимных приветствий, – руководство нашей компании высоко ценит ваше приглашение и надеется на взаимопонимание в дальнейшем. От себя добавлю, что очень сожалею о нашем конфликте и надеюсь, что теперь он уже в прошлом.

– Не знаю, как вам, господин Крус, а мне сейчас не до внутренних конфликтов. Я знаю вашу компанию, как мощное предприятие военно-промышленного комплекса, имеющее опыт в крупносерийном выпуске многих видов оружия. Именно в этом качестве вы мне и нужны. Если вы меня не подведете, я готов забыть обо всех прошлых разногласьях.

– ГВИ приложит для этого все усилия, можете не сомневаться, господин председатель комиссии министерства обороны, – торжественно-официальным голосом заверил меня Крус.

– Вот и отлично. Итак, господа, – обратился я к приглашенным, – сейчас вы увидите демонстрацию нашего нового торпедного оружия, способ применения которого принципиально отличается от существующей

в нашем флоте практики. Пока у нас имеется в наличии только одна торпеда, но вы, я уверен, обладаете достаточным воображением, чтобы представить, что их могут быть многие десятки, ну а для того, чтобы это стало реальностью, я и собрал вас здесь. Пройдемте в командный пост корабля, господа, командир Кларк любезно разрешил нам наблюдать за испытаниями оттуда.

В качестве цели мы выбрали верфь, в которой стоял на ремонте тяжело поврежденный линкор Нью-Йорк. Администрацию дока и патрульные силы флота метрополии мы, естественно, заранее поставили в известность о том, что на вверенный им объект планируется учебная атака, и сейчас засидевшиеся без настоящего дела командиры корветов и операторы зенитных систем верфи с энтузиазмом прощупывали космос сканерами, ожидая появления условного противника.

Носителя для командирской машины и торпеды у нас пока в наличии не имелось, поэтому мы попросили каперанга Кларка разогнать авианосец в направлении верфи, выпустить наши экспериментальные изделия и сменить курс, постепенно снижая скорость.

Маневр авианосца условный противник, само собой, отследил. Еще бы они не заметили такую тушу, как Веллингтон, но, как я надеялся, старт наших машин остался незамеченным. На авианосец по условиям испытаний защитники верфи не должны были обращать внимания, поскольку он играл сугубо вспомогательную роль, они и не обратили. А вот дальше началось самое интересное. Командирский истребитель, управляемый одним из пилотов, уже имевших опыт полетов на такой технике, аккуратно изменил курс, чтобы зайти на цель по неожиданному для противника вектору атаки. Контролируемая им торпеда держалась чуть позади машины ведущего, как собачка на привязи, аккуратно повторяя его эволюции. Расстояние до пустотного дока оставалось еще весьма приличным, и наши машины начали осторожный разгон, чтобы выйти к цели на максимальной скорости. Сканеры верфи и патрульных кораблей все еще не замечали опасности, а пилот командирской машины видел их более крупные и менее защищенные от обнаружения корабли вполне отчетливо и совершал маневры, стараясь провести свои машины к цели на максимальном от них расстоянии.

В десяти тысячах километров от дока истребитель совершил осторожный маневр, ложась на курс, расходящийся с целью, а торпеда выключила двигатель и отправилась к цели по инерции, прикрываясь системами РЭБ и стараясь ничем себя не обнаруживать.

Теперь перед пилотом истребителя не стояла задача оставаться

незамеченным. Торпеду на цель он вывел, а дальше она должна была действовать уже в автоматическом режиме. Поэтому пилот командирской машины решил помочь своей подопечной, отвлекая на себя внимание сил обороны. Включив двигатели в режим форсажа, он резко изменил курс и атаковал один из патрульных кораблей. Вывалившийся, практически, из пустоты истребитель поверг командира корвета в легкий шок. Расстояние, на котором его сканеры обнаружили противника, совершенно не соответствовало его представлениям о возможностях современных средств РЭБ. В результате дерзкой атаки корвет получил в борт ракету, и компьютер вывел на проекционный экран список условных повреждений. Проскочивший на максимальной скорости мимо корвета истребитель остался безнаказанным, несмотря на довольно плотный огонь зенитных средств патрульного корабля. В попытку перехватить одиночный истребитель ввязались еще два корвета, но их системы наведения с большим трудом захватывали юркую цель и все время норовили ее потерять.

Тем временем торпеда продолжала сближаться с пустотным доком. Идея сделать торпеду, способную самостоятельно добраться от авианосца до вражеского корабля, пришла мне в голову, когда я наблюдал за гибелью наших торпедоносцев, оказавшихся очень уязвимыми для истребителей противника. Конечно, такой боеприпас оказывался очень дорогим. Фактически, это и был беспилотный истребитель, оснащенный средствами радиоэлектронной борьбы, мощными двигателями, обеспечивающими высокую скорость и маневренность, и вооруженный вместо ракет и пушек внутренним бинарным зарядом изрядной мощности. Но главным преимуществом этого оружия являлась способность эффективно противостоять обнаружению противником и его системам захвата цели.

Сканеры верфи заметили угрозу в момент, когда на адекватную реакцию у зенитных систем уже практически не осталось времени, к тому же, отреагировав на высокую интенсивность облучения сканерами, торпеда начала хаотическое маневрирование, затрудняя противнику наведение. Врезаться в корпус дока торпеда не стала, все-таки бой шел учебный, и терять единственное пока экспериментальное изделие, рискуя при этом покалечить верфь, никто не хотел. При очередном маневре торпеда прошла впритирку к конструкциям дока, обозначила яркой вспышкой условный подрыв боевой части и легла на обратный курс к авианосцу.

– Цель поражена, – констатировал компьютер авианосца, – промышленному объекту условного противника нанесены критические повреждения.

– Это было эффектно, господин Лавров, – удовлетворенно заметил капитан Кларк, – поздравляю с успехом. Когда флот может рассчитывать на появление этого оружия на наших кораблях?

– Раньше, чем вы думаете, господин капитан первого ранга, – усмехнувшись, ответил я, – и спасибо за поздравления. Господа, – повернулся я к представителям оружейных компаний, – через полтора месяца мне нужно пять сотен таких торпед и пятьдесят командирских машин для управления ими в бою. Техническая документация на изделия готова, ее передадут вам представители ФКПВ. Доступ к разработкам наших инженеров, необходимым для налаживания серийного производства торпед, будет у вас неограниченным. Я не собираюсь проводить конкурс, на это просто нет времени. Решение о заключении с вами прямых договоров буду принимать я сам под мою личную ответственность, исходя из цен и сроков, которые вы назовете. Я жду ваших предложений завтра, господа. Больше времени я вам дать просто не могу.

– Это что такое, капитан? – министр обороны удивленно поднял на меня глаза, оторвав взгляд от планшета, – вы опять за свое?

– Это план боевых испытаний торпед нового типа, господин адмирал флота. Поскольку их основным назначением является скрытная неожиданная атака крупных кораблей и объектов космической инфраструктуры противника, в качестве целей выбраны верфи кваргов, в которых они сейчас достраивают свои суперлинкоры.

– Но откуда вы взяли ресурсы, корабли и производственные мощности, капитан? Это же не боевые испытания получаются, а крупный рейд по тылам противника с привлечением серьезных сил флота.

– Корабли мне предоставил генерал-полковник Князев с разрешения адмирала флота Нельсона в рамках соглашения о проведении испытаний новой техники, которое никто не отменял еще со времен, когда ФКПВ называлась Оружейной компанией Лавровых. Верфи для их переоборудования мне согласился выделить министр военной промышленности Зверев. Не скажу, что он сделал это охотно, но сделал. А ресурсы у ФКПВ после продажи флоту линкора Титан нашлись собственные.

– Капитан, вы авантюрист чистой воды. Вы рискуете сами, вы подставляете меня, как своего непосредственного начальника. Вы что, не могли согласовать это со мной заранее?

– Вы бы не одобрили мой план, господин министр, извести я вас заранее.

– Прекрасно, капитан! Просто замечательно! Вы понимали, что я не разрешу вам эту авантюру и сделали все без моего ведома, а теперь еще имеете наглость заявлять мне это в глаза.

– Я всегда предпочитаю честные ответы, господин адмирал флота, если во лжи нет острой необходимости.

– Гхм..., – поперхнулся очередной гневной тирадой Бронштейн, – что мне с вами делать, капитан? Я не могу санкционировать эту операцию, это очевидно. А вот с вашим поступком мне явно придется как-то разбираться. Вы это понимаете? Вы поступили вразрез с решениями, принятыми на президентском совещании высшего состава. Никто не отдавал вам приказа готовить этот рейд, а вы отвлекли промышленные ресурсы от ремонта кораблей и производства техники, которая нам очень скоро может понадобиться в бою.

– Она нам не поможет, господин министр...

– Молчать! Капитан, если вы еще раз осмелитесь оспаривать решения командования, я сниму вас с должности и отправлю командовать батальоном на Каптэйн, чтобы вы сидели в этой дыре до конца войны и не создавали больше никому проблем.

– Господин министр, – как можно спокойнее ответил я, – но ведь я нигде не превысил своих полномочий, ни разу. Разработка и подготовка к испытаниям нового оружия является моей непосредственной обязанностью. Нигде в моей должностной инструкции не сказано, что я не могу привлекать для этого другие министерства и ведомства. К министру Звереву я обратился с официальной просьбой, и он эту просьбу удовлетворил, а, значит, имел возможность сделать это, не нанося ущерба обороноспособности Федерации, а уж возглавляемое вами министерство обороны его решение точно никак не затрагивает. Это сугубо его сфера ответственности.

– Ну, допустим, – согласился Бронштейн, чуть остывая, – но почему о подготовке такой операции министр обороны узнает за два дня до ее начала, а генштаб вообще не в курсе?

– Потому что это не операция вооруженных сил Федерации, а боевые испытания нового экспериментального оружия, господин министр, – терпеливо объяснил я, – И она проводится под эгидой комиссии минобороны по новой технике и вооружениям, которую я имею честь возглавлять. В уже упомянутой мной должностной инструкции сказано, что я обязан сообщать вам об испытаниях в уведомительном порядке, а не согласовывать их с вами на стадии планирования. Вы, естественно, вправе вносить любые коррективы в план испытаний, если он противоречит

текущим интересам генштаба или минобороны в целом, для этого и предусмотрено обязательное уведомление, чтобы я своими испытаниями случайно не спутал карты вам и генштабу. Но мне почему-то думается, что это не тот случай.

– А мне думается, что вы самоуверенный выскочка, капитан. Я признаю ваши боевые заслуги, но вы не политик и не чиновник и, боюсь, никогда не станете ни тем, ни другим. Вам бы командовать десантной бригадой, а может и дивизией. Вот хотите, прямо сейчас напишу приказ, а, капитан? Там бы вы были как раз на своем месте.

– Вы даже не представляете, господин министр, с каким удовольствием я бы принял это назначение, но на должности командира десантной дивизии невозможно решить исход войны, а я хочу обеспечить Федерации победу и буду добиваться этого всеми доступными мне средствами.

– Красивые слова, капитан. И я даже вижу, что вы говорите искренне. Хотите откровенно? Вы сделали большую глупость, озвучив ваши идеи на совещании высшего комсостава. Я не просто так сказал вам, что вы не политик. Нельзя было так поступать. В глазах заслуженных генералов вы мальчишка в звании капитана, а пытаетесь навязать свои планы взрослым дядям с такими звездами на погонах, до которых вам еще расти и расти, и не факт, с таким подходом к делу, что когда-нибудь дорастете. Вы думаете, я не понимаю, что в ваших словах присутствовало рациональное зерно? Понимаю прекрасно, и тогда, на совещании, тоже понимал. Но вы должны были сначала доложить ваши соображения начальнику генштаба, благо ваша должность это позволяет, потом он со своими аналитиками провел бы всесторонний анализ этих идей, внес бы поправки и коррективы и превратил бы голую идею в предварительный план операции. Дальше он пришел бы с этим планом ко мне, я тоже внес бы свои замечания и изменения, и только после этого мы могли бы предложить его для обсуждения на президентском совещании.

– И когда бы я это все сделал, господин министр? Меня же выдернули на совещание прямо с взлетного поля космодрома.

– Значит, не надо было озвучивать эти мысли вообще. Внесли бы свою идею позже, обычным порядком. Толку было бы куда больше.

– У нас нет времени, господин министр. Я слушаю вас и удивляюсь, как Федерация смогла продержаться двадцать лет в войне с таким опасным врагом при подобном подходе к делу. Вы же адмирал флота, господин министр, я не верю, что вы не понимаете, что будет, если дать кваргам достроить их линкоры...

– Вот что, капитан Лавров, – резко прервал меня Бронштейн, – вы совершенно меня не слушаете и не делаете нужных выводов из моих слов. Единственное, что заставляет меня с вами все еще разговаривать, это ваше неподдельное стремление к победе над кваргами, которое вы уже не раз всем нам демонстрировали, и которое постоянно ставите выше любых личных интересов. Вот сейчас, доводя меня до бешенства своим хамством, вы очень рискуете карьерой, и, как мне кажется, прекрасно это понимаете. Зачем вы это делаете, капитан?

– Мне нужна эта операция, господин министр, – проявляя максимум терпения, ответил я, – мы и так потратили слишком много времени на подготовку. Если мы позволим кваргам ударить по нашим планетам их новым оружием, Федерация не выстоит. Я это знаю точно, я видел такой корабль в бою с обеих сторон прицела. Вы правы, сейчас мне уже безразлично, что будет дальше с моей карьерой, но я не хочу, чтобы из-за моего бездействия в небытие отправились двести миллиардов человек. Я уже умер однажды, господин министр, но тот парень, что смотрит на нас сверху, дал мне второй шанс, и теперь за мной должок, ведь не зря же он это сделал, а долги свои я привык выплачивать в полном объеме.

– Астероидная горячка? – задумчиво спросил Бронштейн, – я помню, мне говорили.

– Господин министр, я взял на себя смелость подготовить проект вашего приказа о боевых испытаниях новых торпед. Там сказано, что вы санкционируете их проведение, но оставляете выбор целей в тылу противника на мое усмотрение. Если я не вернусь оттуда, виноват буду только я, ведь это будет исключительно мое решение, да и головной боли у вас без меня заметно поубавится, ну а если все получится, всем будет очевидно, по чьему приказу я действовал, – сказал я, скидывая на планшет министра соответствующий файл.

Бронштейн секунд пятнадцать смотрел мне в глаза и молчал, а потом опустил взгляд на экран и углубился в чтение. Министр хмурился и вносил в текст какие-то правки, потом отложил планшет и вновь поднял взгляд на меня.

– Я подписал приказ, капитан. Пятый ударный флот выделит вам корабли для поддержки проведения операции. Их количество и состав согласуете с адмиралом флота Нельсоном.

– Спасибо, господин министр, – ответил я вставая.

Я уже выходил из кабинета Бронштейна, когда он остановил меня своей фразой:

– Я, пожалуй, как-нибудь смирюсь с головной болью, капитан.

Альтернативные варианты развития событий нравятся мне куда меньше.

* * *

В пространство кваргов мы проникли пятью отдельными группами. Сопровождавшие наши транспорты корабли адмирала Нельсона остались далеко позади, поскольку не были оборудованы нашими последними версиями станций РЭБ. Тащить их за собой во вражеский тыл означало лишь подвергать корабли неоправданному риску, а всю операцию ставить на грань срыва.

Пустотные доки, в которых кварги строили свои гигантские корабли, размещались в пяти подконтрольных врагу звездных системах, расположенных достаточно далеко друг от друга, поэтому мы были вынуждены выводить наши корабли на рубеж атаки независимо друг от друга, согласовав только точное время начала операции. Одновременное начало атаки требовалось для обеспечения внезапности, на которую в значительной мере опирался мой план.

Адмирал Бронштейн был совершенно прав, называя нашу операцию авантюрой. Ничем иным она и не могла быть, учитывая дикий дефицит времени и ресурсов, который мы испытывали при подготовке. РОК и ГВИ едва успели изготовить нужное нам количество торпед и командирских машин, а переоборудование транспортов в полуразведчики-полуавианосцы шло с таким скрипом, что иногда мне приходилось не вылезать из доков сутками. В результате все равно получилось нечто, что стоило называть скорее недоразведчиками-недоавианосцами. Все-таки средний войсковой транспорт – изрядная туша. Не крейсер, конечно, но уже и не эсминец. Попробуй такое замаскировать. Мы не успевали штамповать процессоры для станций РЭБ, что уж говорить о монтаже и подгонке настроечных параметров. Итог вышел гораздо печальнее, чем мне представлялось, но сейчас об этом жалеть было уже откровенно поздно, мы летели в пасть к жабам, тьфу, к кваргам.

С каждой группой шло по одному среднему разведчику, модернизированному по образу и подобию корабля, на котором мы с Юн Гао летали в разведывательный рейд. Их задача заключалась в наблюдении за испытаниями. Что бы ни случилось, они должны были вернуться и доложить о результатах атаки. Две группы состояли только из одного транспорта и разведчика. В их задачу входило уничтожение одиночных пустотных доков с недостроенными линкорами. Еще две группы состояли

из разведчика и двух транспортов и шли к системам, где верфи кваргов располагались парами. Самая многочисленная группа, с которой шел я сам, двигалась к наиболее густонаселенной системе из обнаруженных нами в прошлом рейде. Четыре пустотных дока в ней располагались на орбите шестой планеты, газового гиганта, как водится.

Четыре наших транспорта и средний разведчик вышли из прыжка за границами системы. Два дня мы медленно и аккуратно пробирались через внешний пояс астероидов, чутко прощупывая пространство лучшими сканерами из тех, что инженер Джефф и профессор Штейн смогли собрать на основе новых процессоров. На наше счастье углубляться в центральные районы системы, где вращались вокруг здешнего светила землеподобные планеты, нам не пришлось. Нарваться там на патруль кваргов или на сеть стационарных сканеров было во много раз легче, чем на окраине системы, хотя в том, что доки будут усиленно охраняться, сомнений у нас не возникало. Мы лишь рассчитывали, что охранно-патрульные силы успели расслабиться и облениться за годы спокойной службы, и их бдительность хоть и немного, но притупилась.

Так ли это было на самом деле, или успешно сработали станции РЭБ нового поколения, но на рубеж атаки мы вышли необнаруженными и даже с небольшим запасом времени. Транспорты осторожно погасили скорость и зависли в пустоте, а разведчик выдвинулся чуть ближе к объекту атаки и выпустил в его сторону компактный зонд. Через несколько часов зонд вернулся, и мы стали обладателями трехмерных изображений наших целей.

Я не обманул министра обороны, мы действительно чуть не опоздали. Судя по внешнему виду линкоров, степень их готовности приближалась к восьмидесяти процентам. На паре кораблей уже смонтировали почти всю внешнюю обшивку и сейчас устанавливали башни главного калибра.

Ну что ж, наше время ожидания подошло к концу, и транспорты начали разгон в сторону целей. Спустя час ворота трюмов разошлись в стороны и катапульты вытолкнули из внутренних объемов кораблей командирские машины и наши новые торпеды. На каждый док мы планировали их направить по пять десятков. Командирские машины разошлись в разные стороны, уводя за собой по десять торпед, чтобы обеспечить одновременную атаку дока с нескольких направлений, а корабли развернулись кормой вперед и приступили к плавному торможению.

– Обнаружен противником! – доложил командир транспорта Бриджтаун капитан третьего ранга Бозуорт.

– Немедленно разгоняйтесь и уходите в прыжок! – скомандовал я,

наблюдая, как охранные силы кваргов перестраиваются и набирают скорость для атаки обнаруженного корабля, – Выпущенные вами машины мы подберем сами.

– Разрешите поднять истребители с Бриджтауна, господин капитан? – обратился ко мне кавторанг Матвеев. Нельсон приставил его ко мне для командования истребителями, переданными нам с авианосца Виндхук. На каждом из транспортов базировалось по восемь машин. На всякий случай, как объяснил мне Нельсон, и я не возражал, все равно нужного количества торпед, чтобы забить корабли под завязку, мы изготовить не успели, и место еще оставалось.

– Пожалуй, самое время, – кивнул я. Пусть попытаются связать боем корветы противника и увести их за собой.

Проблема заключалась в том, что переданные нам с Виндхука машины имели стандартную флотскую конфигурацию, и по параметрам маскировки не шли ни в какое сравнение с командирскими машинами и торпедами нашего производства. Поэтому выпускать их можно было только с уже обнаруженных противником кораблей, иначе они бы просто демаскировали нас. В результате в бой с нападающими на разгоняющийся транспорт легкими силами кваргов вступили только восемь истребителей.

Между тем положение Бриджтауна становилось безнадежным. Силы кваргов базировались не только в районе шестой планеты, но и в других точках системы, в том числе и за нашей спиной. Мы обошли их, скрываясь под маскировочным зонтиком станций РЭБ, а вот вырваться обратно обнаруженному кораблю уже не удалось. Невооруженный и, по большому счету вообще небоевой корабль ничего не смог противопоставить корветам и эсминцам. Яркая вспышка на месте транспорта поставила точку в этом недолгом сражении. К моменту гибели корабля все восемь выпущенных с него истребителей тоже были уже сбиты, неравенство сил оказалось подавляющим.

Три наших транспорта, оставшихся пока необнаруженными, неподвижно зависли в пустоте, ожидая развития событий. Волна торпед под управлением командирских машин продолжала аккуратно пробираться к целям, обходя на максимально возможной дистанции корабли и стационарные сканеры противника. Делать это пилотам командирских истребителей становилось все труднее, поскольку активность противника в районе шестой планеты усилилась в разы. Эффект внезапности был безвозвратно утрачен, но торпедам оставалось пройти до целей уже не так уж и много.

– Что будем делать, господин командующий? – обратился ко мне

командир транспорта, – Вероятность нашего обнаружения возрастает с каждой минутой. Кварги стягивают сюда силы со всей системы.

– Пока просто ждем, – с демонстративным спокойствием ответил я, – если мы включим двигатели, нас заметят почти наверняка. Дождемся удара торпед. Возможно, в заварившейся каше мы сможем ускользнуть.

– Обнаружен противником! – пришел доклад с одной из командирских машин.

Уже совсем недалеко от планеты, по космическим меркам, практически, рядом, вспыхнул короткий бой. Наш истребитель сошелся на встречных курсах с корветом противника. Весовые категории кораблей не шли ни в какое сравнение, но юркий и, главное, очень хорошо защищенный средствами радиоэлектронной борьбы истребитель ускользнул от ракет и зенитных снарядов, а сам в ответ выпустил по противнику две легких ракеты. Причинить ими серьезный вред космическому кораблю можно только при большой удаче, но пилот обнаруженного истребителя и не собирался этого делать. Он стремился до конца выполнить свою задачу. Торпеды, брошенные пилотом на время боя на произвол судьбы, вновь почувствовали стальные струны управляющих сигналов и рванулись вслед за командирской машиной к пустотному доку кваргов, совершая отчаянные хаотические рывки и маневры уклонения. Зенитные системы дока и кораблей охраны засыпали опасного противника снарядами и ракетами. Торпеды погибали одна за другой. Пилот командирской машины довел своих подопечных до рубежа, с которого они уже могли атаковать док в автономном режиме, и резким маневром разорвал дистанцию с напичканным зенитками доком.

Ни одна из десяти торпед до цели не добралась. Зенитчикам кваргов можно было только аплодировать стоя, но свое черное дело погибшие торпеды сделали, оттянув на себя внимание защитных систем и кораблей врага, и когда из пустоты космоса вынырнули еще сорок торпед, зенитные системы верфи уже не смогли справиться с этой смертельной угрозой.

Все четыре пустотных дока подверглись атаке практически одновременно, как это и было задумано. Преждевременное обнаружение одной из командирских машин лишь облегчило решение этой задачи. Титанические судостроительные сооружения покрылись вспышками взрывов бинарных боевых частей торпед. Кумулятивный заряд пробивал обшивку и выжигал перед собой путь для проникновения фугасной части торпеды внутрь недостроенного корабля. От удара нескольких десятков мощнейших боеприпасов пустотные доки вместе с недостроенными кораблями получили катастрофические повреждения. Один из кораблей

расколосся на три части, которые вместе с оплетающими их конструкциями разрушенного дока начали, медленно вращаясь, сваливаться в гравитационный колодец газового гиганта. Ближайший к нам корабль вспыхнул беззвучным взрывом. Что уж там могло так рвануть, это вопрос к кваргам, но зрелище вышло завораживающим. Два оставшихся недостроенных линкора погибли не так эффектно, но столь же неотвратимо.

Мне не требовалось отдавать никаких команд. По плану операции после вывода торпед на рубеж автономной атаки пилоты командирских машин должны были немедленно возвращаться на транспорты, что, как мы видели, они и исполняли.

Кварги пришли в замешательство. Кто-то из больших командиров противника, видимо, потерял самообладание, и некоторое время не мог адекватно руководить подчиненными. Во всяком случае, перемещения кораблей врага носили бессистемный характер, по крайней мере, на наш взгляд. Но легче от этого не становилось, уж больно много кваргов слетелось на устроенную нами вечеринку.

Мы подобрали вернувшиеся командирские машины и, в принципе, по плану должны были начинать разгон для ухода в прыжок. Задачу мы выполнили, хоть и не без потерь. Вот только включать двигатели транспортов было явным самоубийством. Маскировка от такого действия, конечно, полностью не слетает, но процентов на сорок проседает точно, а вокруг пространство просто кишело вражескими кораблями, и с каждой минутой их становилось все больше.

– Вероятность нашего обнаружения в ближайшие тридцать минут компьютер оценивает в шестьдесят процентов, – вновь обратился ко мне командир транспорта, – пора принимать решение, господин командующий.

– Сколько у нас людей на борту всех трех кораблей? – задал я неожиданный для всех вопрос.

– Сорок два человека, – ответил Матвеев с нотками удивления в голосе.

– Командир Юн Гао, – вызвал я нашего разведчика по лазерно-оптическому каналу связи, – сколько в ваш корабль можно поместить людей, если полностью наплевать на все нормы, уставы и инструкции? У меня тут сорок два человека хотят составить компанию вашему экипажу.

– Господин капитан, вы это серьезно? Вы же сами летали со мной. У нас же штатный экипаж пять человек...

– А если иначе эти сорок два человека просто умрут?

– Ну... Да что тут думать, давайте ваших пассажиров. Только как?

– Подтянитесь к нам вплотную и откройте внешний люк малого грузового трюма. У транспортов есть универсальный стыковочный узел. На наше счастье мы не стали его демонтировать. Остальное дело техники и умений пилотов.

Модернизированный средний разведчик обладал на порядок лучшей маскировкой, чем транспорт, в чем мы с Юн Гао не раз уже убеждались во время предыдущего рейда, поэтому он без особой опаски совершил осторожный маневр и сблизился с тройкой наших кораблей, пристраиваясь к стыковочному узлу ближайшего транспорта. Пилот у Юн Гао явно дело свое знал, а может и сам Юн сейчас управлял кораблем, кто знает, но операция стыковки прошла с ювелирной точностью.

– Пилотам командирских машин занять места в истребителях и приготовиться к получению боевой задачи.

– Господин командующий, – задал мне вопрос кавторанг Матвеев, – может моим пилотам тоже приготовиться к взлету?

– Ни в коем случае. Если, конечно, вы не хотите всех нас погубить. Ваши машины с такого расстояния будут для противника новогодними елками с гирляндами и шариками. Шансы есть только у командирских машин, так что готовьте ваших людей к срочной эвакуации. Экипажам транспортов покинуть корабли и приготовить их к самоуничтожению.

– К взлету готовы, – доложил командир наших пилотов.

– Истребителям имитировать атаку в направлении шестой планеты с задачей отвлечь силы противника от наших кораблей. В ближний бой не вступать, но противника держать как можно дальше отсюда. Вам необходимо продержаться двадцать минут. Дальнейшие распоряжения получите уже с борта среднего разведчика. Задача ясна?

– Так точно.

– Выполняйте!

В местном языке я и раньше встречал выражение «набить, как сельдей в бочку», но до текущего момента я как-то не уделял ему особого внимания, и, как оказалось, зря. В течение следующих пятнадцати минут мне пришлось на собственной шкуре почувствовать всю глубину и лексическую точность этой идиомы. Бочка оказалось откровенно тесновата.

Три одновременных вспышки за кормой корабля Юн Гао ознаменовали окончание активной фазы нашей операции и начало мучительного возвращения домой. Особенно печально нам стало, когда в и так уже до предела переполненный корабль набились еще и восемь пилотов уцелевших командирских машин, догнавших нас через сорок минут.

Кстати, их переход в корабль стал отдельной головной болью, ведь никаких штатных средств стыковки у истребителей не имелось, но мы как-то справились. Командирские машины пришлось тоже уничтожить, как и транспорты. Доставить их в подконтрольный людям космос не имелось ни малейшей возможности.

Когда через неделю мы вышли в точку встречи с эсминцами адмирала Нельсона, половина пассажиров нашего корабля находилась в бессознательном состоянии. Система жизнеобеспечения, рассчитанная максимум на десять человек, никак не могла обеспечить существование в пять раз большего количества людей в течение длительного времени. Но, как оказалось, мы еще легко отделались.

В точку встречи вышли пять разведчиков и всего два транспорта, те, что атаковали системы с одиночными доками. Из остальных групп помимо разведчиков, не принимавших прямого участия в бою, уцелело только несколько пилотов командирских машин, показавших себя очень живучими в боевых условиях за счет высокой скорости, неплохой маневренности и превосходных систем РЭБ, позволявших им уклоняться от ракет и обманывать вражеские сканеры. Мы потеряли восемьдесят процентов кораблей и половину людей, принявших участие в рейде, но восемь из десяти почти достроенных линкоров класса Титан перестали существовать. Две верфи кварги, к сожалению, смогли отстоять.

На пути домой меня не оставляла гнусная мыслишка, что еще несколько доков со строящимися гигантскими линкорами мы наверняка не сумели найти в первом рейде. Вот только сколько? Ответ на этот вопрос я узнал гораздо быстрее, чем мне бы того хотелось.

* * *

- Господин, президент, разрешите?
- Что-то новое, Игнат?
- Вы поручили мне собрать информацию по подготовке последнего рейда капитана Лаврова. Необходимое расследование проведено, я готов доложить результаты.
- Присаживайся, Игнат, рассказывай.
- Министр обороны имеет к этой операции лишь косвенное отношение. Он узнал о ней за двое суток до ее начала. Формально приказ о проведении боевых испытаний исходил от него, но разведка целей, разработка нового типа торпед, модернизация войсковых транспортов под

роль носителей, организация предварительных испытаний нового оружия, а потом и его серийное производство полностью организовал капитан Лавров при содействии министра военной промышленности Зверева и адмирала флота Нельсона.

– Ну, с Нельсоном все ясно, их с Лавровым многое связывает, но Зверев! Почему он согласился помочь капитану?

– Это осталось неясным. У них состоялась личная встреча, подробности которой нам неизвестны, но после этого разговора Лаврову были выделены судостроительные мощности для переделки десяти средних войсковых транспортов в носители торпедного оружия.

– На какие средства департамент Лаврова смог построить промышленную партию своих торпед?

– У Федеральной Корпорации Перспективных Вооружений были деньги от продажи флоту линкора Титан. Глобал Випон Индастриз и Русский Оружейный Концерн заключили с ней договоры на поставку торпед. Конкурс не проводился, Лавров заключил договоры в нарушение стандартной процедуры, но после проверки цен выяснилось, что оружейные компании поставили ему торпеды и командирские машины практически по себестоимости.

– Ну, ГВИ меня этим не удивила, – усмехнулся президент, – после того прокола с наездом на Лаврова они стремятся любыми способами наладить отношения с новым главой комиссии минобороны. А вот от РОКа не ожидал...

– Это еще не все, господин президент. Денег все равно не хватило, и тогда капитан Лавров доплатил недостающую сумму из личных средств.

– Но почему он не обратился за финансированием в министерство, ведь регламент это позволяет?

– Время, господин президент. Лавров очень спешил, и, как показала практика, спешил не зря, а получение денег из бюджета министерства обороны дело не быстрое.

– И сколько своих средств он вложил в эту операцию?

– Один миллиард триста миллионов рублей – почти все, что у него было.

– Не бедные в нашей армии капитаны, однако, – усмехнулся Тобольский, – Игнат, я правильно понимаю, что капитан Лавров превысил свои полномочия и просто замаскировал полноценную флотскую операцию под боевые испытания нового оружия, сумев осуществить часть плана, который он продвигал на совещании высшего состава?

– Фактически это так, но формально Лавров почти ничего не нарушил.

Боевые испытания торпед проведены по приказу министра обороны. Содействие со стороны пятого ударного флота тоже обставлено грамотно и обложено нужными документами. К министру военной промышленности капитан обратился с официальной просьбой, как глава комиссии минобороны. Это несколько необычно, поскольку сделано напрямую, минуя непосредственное начальство, но существенным такое нарушение не назовешь, это не более чем нарушение субординации. Заключение договоров без конкурса? Ну да, это нарушение, но проверка злоупотреблений не выявила, а значит, максимальное взыскание это просто постанова на вид недопустимости подобных действий в дальнейшем. Ну и результат операции явно не предполагает...

– Результат я помню, отчеты смотрел более чем внимательно. Капитан-десантник с минимальными людскими потерями разменял восемь транспортных кораблей и три десятка истребителей на восемь почти достроенных линкоров класса Титан, и это при том, что нашим адмиралам не удалось уничтожить даже один такой корабль ценой потери всего четвертого флота. Нет, Игнат, я не собираюсь наказывать Лаврова за эту самодеятельность, я просто думаю, что нам с ним делать дальше. Он не вписывается в истеблишмент Федерации, его методы необычны, а стремление к цели граничит с фанатизмом. Вот только цель его не деньги, не карьера, не власть даже, а наша победа, и чем дольше я смотрю на его поступки, тем сильнее мне кажется, что он единственный человек во всей Федерации, кто знает к ней верную дорогу.

* * *

Вызов к начальству не заставил себя ждать. Бронштейн выдернул меня к себе сразу, как только я появился в здании министерства. Выслушав мой доклад, но указал мне на кресло за столом для совещаний.

– Поздравляю, капитан, вы справились, – одобрительно произнес адмирал, – Признаться, я опасался, что у вас ничего не выйдет, однако вы вернулись, и, как и обещали, вместе с моей головной болью.

– Я что-то опять сделал не так, господин министр? – изобразил я удивление.

– Ну, сказать, что уничтожить восемь из десяти целей теми средствами, что имелись в вашем распоряжении, это «не так», мне наглости, наверное, не хватит, – усмехнулся Бронштейн, – но вот последствия этого вашего рейда меня затронули самым непосредственным

образом. Ознакомьтесь, капитан, вас это тоже касается, – мой планшет издал вибрационный сигнал, приняв файл.

Сброшенный мне Бронштейном документ оказался копией указа президента Тобольского, и касался он структурной реорганизации в министерстве обороны. С сегодняшнего дня комиссия по новой технике и вооружениям прекращала свое существование и выделялась в отдельный департамент с аналогичным названием, все еще формально входящий в минобороны, но действующий фактически автономно. Например, бюджет у нового подразделения формировался обособленно, а его размер устанавливался лично президентом. Боевые испытания нового оружия глава департамента, то есть я, капитан Лавров, все еще должен был согласовывать с министром обороны, что логично, но вот отношения с другими министерствами и ведомствами я теперь мог совершенно официально строить напрямую, не оглядываясь на Бронштейна, а эти самые министерства и ведомства президент обязал выполнять мои заявки, как приоритетные.

– Да уж, господин министр, это неожиданно, – я действительно оказался не вполне готов к такому повороту, хотя, конечно, мог его только приветствовать.

– Для кого как, – усмехнулся Бронштейн, – как только я получил отчет о вашей операции, подумал даже, не пора ли мне вещички собирать и кабинет освобождать.

– Ну, это вряд ли, господин министр, – я улыбнулся, – для того, чтобы занять такой пост, мало быть хорошим парнем, нужно стать политической Фигурой, с большой буквы эф, а я пока ни разу не политик, как вы сами мне говорили, и я с этим полностью согласен.

– Значит так, капитан, – перешел Бронштейн к практически вопросам, – департамент ваш организуется на базе бывшей комиссии минобороны и Федеральной Корпорации Перспективных Вооружений. Вы и так возглавляли и то, и другое, но теперь мы устраним эту странную систему управления и объединим обе структуры в одну. Тянуть время, как я успел убедиться, вы не склонны, так что завтра жду от вас детальный план озвученной мной реорганизации. А вот это вам на десерт, в качестве дополнительного стимула поторопиться, – Бронштейн ухмыльнулся уголком рта, и мой планшет вновь подал сигнал о принятом файле.

Да, Бронштейн знал, чем добить меня окончательно. Файл содержал копию приложения к уже прочтенному мной указу, которое устанавливало размер годового бюджета нового департамента. Увиденная мной сумма меня шокировала. Президент выделил в мое распоряжение пять процентов

всего бюджета министерства обороны.

– Я хочу дать вам небольшой совет, капитан, – внимательно глядя на меня произнес Бронштейн, – с сегодняшнего дня вы фактически вошли в состав правящей элиты Федерации, пока на десятых ролях, но вошли. На мой взгляд, вы к этому совершенно не готовы. Будьте осторожны. Мне нравится ваша честность и желание идти прямыми путями, но здесь это могут не оценить или неправильно понять, а заводить себе влиятельных врагов – не самая лучшая идея для начинающего политика.

* * *

– Да, Игорь, это действительно новый уровень возможностей, – Профессор Штейн оторвался от чтения указа президента, который я переслал ему вместе с приложением, – но успеем ли мы этими возможностями воспользоваться?

– Те линкоры, что мы уничтожили, были почти готовы, а уничтожили мы не все. Через месяц кварги достроят оставшиеся, а через два они соберут флот вторжения и нанесут удар.

– За два месяца мы точно не сможем создать и довести до возможности боевого применения ничего нового, что могло бы противостоять такой мощи, – задумчиво покачал головой профессор.

– А мы и не будем пока ничего нового создавать. Чем загрузить научно-инженерную группу у меня есть, они еще стонать будут от ужаса, когда я им задачу поставлю, – я плотоядно усмехнулся, – а все немалые средства, которые попали к нам в руки, мы направим на выпуск уже созданного и испытанного нами оружия – дрон-торпед, абордажных роботов и беспилотных истребителей, управляемых из командирских машин.

– Но, Игорь, – удивился профессор, – этим должна заниматься военная промышленность по заказу министерства обороны. Эти образцы уже приняты на вооружение, и теперь их серийный выпуск относится не к нашей компетенции.

– Они не успеют, Иван Герхардович. Наше министерство обороны крайне инертная штука. Сейчас все напуганы предстоящим ударом кваргов, и Бронштейн требует от промышленности выпуска максимального количества кораблей и различной военной техники. Помните, как мне пришлось зубами выгрызть у министра Зверева место в доках для наших транспортов? В общем, на налаживание выпуска новой техники у них

просто не будет ни времени, ни возможности.

– Но как ты будешь объяснять эти действия тому же Бронштейну?

– А никак не буду, вы же видели мои полномочия. Сделаю все, как считаю нужным, и поставлю перед фактом, когда все уже будет готово. Уведомительный порядок, однако.

* * *

Адмирал флота Нельсон ответил на мой вызов сразу.

– Рад вас видеть, Игорь, – первым произнес он, не дожидаясь моего доклада, – без званий, как обычно.

– Взаимно, господин Нельсон, – улыбнулся я в ответ, – я, как всегда, пришел просить помощи и содействия.

– Э... Игорь, если вам опять нужны войсковые транспорты, я бы советовал обратиться к генерал-полковнику Князеву. Вы ему, правда, еще предыдущие десять не вернули, о чем он мне уже успел несколько раз напомнить. Пришлось взамен вытрясти для него из адмиралтейства двенадцать транспортов последней модели, с вашими, кстати, станциями РЭБ и сканерами, так вот, он как раз интересуется, не нужны ли вам еще корабли?

– Нужны, господин Нельсон, вернее, нужен. Только, боюсь, это не войсковой транспорт.

– Интересно. И что же вам требуется теперь?

– Титан, господин адмирал флота.

– Гхм... Что? – поперхнулся адмирал.

– Трофейный флагман кваргов Титан, – повторил я, – насколько я знаю, он до сих пор числится в составе пятого ударного флота.

– Ну да, числится, – немного отошел от удивления Нельсон, – вот только наши кораблестроители говорят, что раньше, чем через год-полтора они не смогут вернуть ему боеспособность. Что-то не ладится у них с переводом корабля на наши системы управления.

– Да, господин Нельсон, это так. Вот только враг ударит не через полтора года, а через пару месяцев, ну, может, через три, а сил для его встречи у нас будет явно недостаточно.

– И что вы предлагаете... как, кстати, ваша должность теперь называется, Игорь?

– Начальник департамента министерства обороны по новой технике и вооружениям.

– Я, наверное, сплю, капитан Лавров, – усмехнулся Нельсон, – Вы в курсе, что по штату такую позицию должен занимать генерал-полковник или адмирал?

– Мне уже говорили, господи Нельсон, но я стараюсь об этом не думать.

– Так зачем вам линкор кваргов, господин начальник департамента минобороны?

– Я хочу, чтобы Титан принял участие в предстоящем сражении в составе пятого ударного флота.

Адмирал весь подобрался, и глаза его сузились, как у тигра перед прыжком.

– И как вы хотите заставить наши верфи закончить работы в течение двух месяцев, если они даже не знают пока, как подойти к замене систем управления?

– А я не буду заставлять их делать это. Мало того, я потребую от них срочно провести совсем другие работы.

– И как экипаж будет управлять кораблем?

– Точно так же, как и в сражении за Барнард-3, господин адмирал флота, я сам поведу Титан в бой.

Нельсон посмотрел на меня долгим внимательным взглядом и хищно улыбнулся.

– Капитан Лавров, а вы в курсе, что мой приказ времен сражения в системе звезды Барнарда до сих пор никто не отменил? Вы по-прежнему числитесь командиром Титана.

* * *

Министр военной промышленности Зверев внимательно вчитывался в мое официальное письмо, которое я решил доставить ему лично, а я терпеливо ждал. Наконец, Зверев поднял глаза от планшета и посмотрел на меня.

– Смело, господин Лавров, очень смело. Во всех смыслах смело. Корабль действительно уже стоит в доке, и выделять новые мощности на его модернизацию не потребуется. Вот только неделю назад мы свернули все работы и перевели специалистов в другие места. Как только стало окончательно ясно, что быстро ввести в строй Титан невозможно, ремонт решено было остановить.

– Это решение необратимо?

– И не такое отменяли, – усмехнулся министр, – но потребуется время. После вашего рейда к верфям кваргов я почему-то верю, что эта затея не окажется пустышкой. Вот только экипаж вам потребуется тренировать с нуля. Видел я в записи, как вы маневрировали на орбите Барнарда-3. За такой пилотаж любой флотский инструктор мгновенно выпер бы курсанта из училища куда подальше.

Я вспомнил свой полет на десантном боте кваргов во время спасательной операции на Каптэйне и улыбнулся. Пилот из меня действительно вышел весьма посредственный.

– Зря улыбаетесь, господин Лавров, – заметил министр, – кроме вас этим кораблем никто управлять не сможет, а вы это делаете хоть и весьма изобретательно, но технически чрезвычайно топорно, что не удивляет, если посмотреть на вашу форму цвета хаки.

– Я знаю, господин министр, именно поэтому я и прошу вас дать зеленый свет моему проекту. Мне еще нужно будет время, чтобы освоиться с новым кораблем и несвойственными мне функциями.

– А куда я денусь, господин Лавров? В указе президента четко сказано, что ваши заявки должны обрабатываться в приоритетном режиме, но от себя я все же добавлю, что и без этого указа был бы готов сделать все возможное для быстреего ввода в строй Титана. Мне представляется, что без этого корабля у нас вообще не будет шансов.

– Господин министр, а что с боезапасом к главному калибру? В артвогребках линкора на конец боя оставалась едва четверть боекомплекта.

– А вот тут вынужден вас огорчить, господин Лавров, – развел руками министр, – наша промышленность не может изготовить такие снаряды, по крайней мере, в разумные сроки. Чужие технологии не так просто воссоздать. К тому же начинка снарядов завязана на систему управления огнем, так что, увы.

– Ну что ж, господин министр, тогда придется моим инженерам внести еще кое-какие изменения в проект. Когда верфь сможет возобновить работы?

– Через три-четыре дня.

– К этому моменту изменения будут готовы.

* * *

Вызов начальника академии Генерального штаба генерала армии О’Салливана оказался для меня полной неожиданностью. Последнее время

занятия в академии сильно меня напрягали. На самом деле, я знал практически все, чему там учили, ну, может быть, за исключением специфических деталей, характерных только для земной цивилизации, а так, общие законы войны одинаковы везде, так что я просто терял время, столь необходимое мне сейчас для решения действительно важных задач.

– Заходите капитан, присаживайтесь, – махнув рукой на мою попытку доклада, произнес генерал, чем сильно меня удивил. Я молча сел за стол и в ожидании посмотрел на О’Салливана.

– Есть мнение, капитан, – неторопливо произнес начальник академии, – что столь занятому на высоком государственном посту офицеру, как вы, необходимо дать возможность закончить академию Генштаба досрочно. Не могу сказать, что я полностью разделяю это мнение, но учитывая обстоятельства... В общем, капитан, мной принято решение принять у вас выпускной экзамен экстерном.

– Благодарю за доверие, господин генерал армии, – ответил я вставая.

– Сидите, капитан, я еще не закончил. Так вот, ваши боевые операции, проведенные в период обучения в академии, решено зачесть за сдачу практической части выпускного экзамена. Против этого решения никто не возражал, учитывая их боевую эффективность, однако ваши теоретические знания нуждаются в проверке. Сколько времени вам нужно для подготовки к сдаче экзамена?

– Сутки, господин генерал армии.

– Э... капитан, вы не переоцениваете свои силы? Экзамен будет проводиться без всяких послаблений, это я вам обещаю.

– Суток будет достаточно, господин начальник училища. Я много занимался самостоятельно, так что теперь мне нужно лишь окончательно систематизировать мои знания.

– Ну что ж, в таком случае, послезавтра в девять часов вам надлежит прибыть в академию для сдачи выпускного экзамена. Вы свободны, капитан.

* * *

Наверное, меня посетила очередная насмешка судьбы. На экзамене мне достался вопрос «управление десантным корпусом в оборонительном бою в условиях превосходства противника на земле и в воздухе и нестабильной ситуации на низких орбитах планеты». На нормальном языке это означало, что противник наступает, его атмосферная авиация подавила

наши воздушные силы, а на низких орбитах идет бой за господство над планетой, и ни та, ни другая сторона не могут отвлечься для поддержки своих наземных сил. Где-то я это уже видел, только противником тогда были жабы, а не кварги, но это мало что меняет.

Сражение я разложил по полочкам. Боевое моделирование в данном случае проводилось коротенькими кусочками, от решения к решению, ведь экзамен был теоретическим. Зато каждое свое действие и действие противника требовалось детальнейшим образом мотивировать и указывать все плюсы и минусы тех или иных вариантов. Мы бодались с экзаменаторами около трех часов. Десантный корпус – мощная сила, и если его не раскатать с орбиты, может дать отпор достаточно сильному врагу. В мою задачу входило удержание плацдарма до подхода из космоса дополнительных сил нашего флота, которые обеспечат захват низких орбит со всеми вытекающими последствиями.

Задача сложная, но типовая. В прошлой жизни я решал подобные уже не раз, поэтому решения я принимал достаточно быстро. В таких условиях главное обеспечить своим войскам устойчивость к воздушным атакам противника. Не имея собственной атмосферной авиации сделать это непросто, но вполне возможно. Для этого и даны боевым роботам зенитные ракеты и скорострельные пушки, и если у легких Варанов ракет всего по две штуки в ранцевых пусковых установках, то тяжелые Бизоны имеют их солидный запас. Здесь важно не давать противнику выбивать мои средства противовоздушной обороны огнем с земли, постоянно меняя позиции роботов и не давая противнику пристреляться по ним чем-нибудь тяжелым, и тогда вражеской атмосферной авиации приходится очень невесело.

Я отправил на передний край легких роботов и пехотинцев в броне, а весьма эффективных в борьбе с самолетами Бизонов отвел вглубь обороны. Сравнительно легкие Вараны, конечно, не слишком устойчивы в бою с тяжелыми машинами врага, но противотанковые ракеты у них злые и в мобильной обороне они вполне могут сдерживать вражеские атаки. Вот интересно, танки здесь я видел только в музеях, в действующей армии встречались самоходные артиллерийские установки, и не более, а ракеты все равно назывались противотанковыми, наверное, исторически. Вообще, странно, что здесь танки вымерли, как мамонты. В моей прошлой жизни эти грозные боевые машины всюду использовались и нами, и жабами. Тяжелый танк прорыва очень неплох в планетарном бою, хоть и несколько прямолинеен в плане тактики применения. А здесь вот не прижились...

Мои оппоненты пытались прогрызть оборону вверенного мне корпуса разными средствами, но болт с левой резьбой на каждую хитрую попытку

всегда исправно находился. Я не пытался изобретать какие-то невиданные велосипеды о пяти колесах и семи педалях. Просто необходимости не было. Корпус стоял и отбивался, маневрируя огнем и подвижными резервами. Пожалуй, единственное, что я взял не из тактических наставлений, а из своего генеральского опыта, это создание смешанной мобильной группы ПВО в составе десятка Бизонов и тридцати Варанов, нещадно выдернутых из взводов и рот, оставшихся в итоге без роботов и отправленных в тактический резерв. Эта группа обладала просто феноменальной подвижностью, а прямо в ее боевых порядках двигались транспортно-заряжающие машины. Такое построение в обычном бою крайне уязвимо, но в моем случае группа не лезла в огневой контакт с наземными войсками противника, а действовала на контролируемой моим корпусом территории, и главной ее задачей являлся быстрый маневр средствами противовоздушной обороны. Эти мои роботы попили много крови атмосферной авиации условного противника, и вставшие было на дыбы экзаменаторы, к концу сражения только досадливо морщились, глядя на цифры потерь своих самолетов в очередной бесплодной попытке подавить ПВО плацдарма.

В общем корпус мой устоял, и даже, как заметил по итогам экзамена О'Салливан, не потерял ударной силы и смог оказать помощь высадившемуся подкреплению в развитии наступления.

На следующий день мне торжественно вручили диплом об окончании академии Генерального штаба вместе с майорскими погонами. Так положено, окончил академию генштаба – получи следующее звание. Вот и стал я старшим офицером, в самом младшем звании этой категории, то есть попрощался с кучей маленьких звездочек и получил взамен одну среднюю.

* * *

– Откуда он вообще взялся? – задал вопрос сэр Пол Крофтон, самый молодой из группы джентльменов, удобно расположившихся в мягких креслах в обставленной старинной мебелью библиотеке фамильного поместья лорда Бэдера, – Еще год назад о нем никто не слышал.

– В том-то все и дело, что ниоткуда, – задумчиво ответил сэр Джон Пауэлл, еще один гость лорда, – он появился как бы из ничего, на абсолютно пустом месте, поэтому мы и обратили на него внимание так поздно.

– То есть для его продвижения вверх не имелось никаких

предпосылок?

– Этого в принципе не должно было произойти. Даже очень талантливый человек не способен сделать то, что сотворил этот Лавров, а он ведь никогда не проявлял никаких особых талантов, но потом, в возрасте четырнадцати лет, он заболел астероидной горячкой. С этого момента Лаврова уже фактически вычеркнули из жизни, ведь всем было известно, что при таком диагнозе не выздоравливают. Поначалу все шло, как обычно. Болезнь прогрессировала, для ее сдерживания требовалась все более интенсивная терапия. После очередной процедуры он впал в кому, и с высокой вероятностью мог из нее уже не выйти. Но... Лавров очнулся. Наши люди аккуратно опросили медсестру, ухаживавшую за ним в больнице на Титане. Пациент внезапно почувствовал себя лучше, намного лучше, что нехарактерно для типичного течения астероидной горячки на средней и поздней стадии. Лавров попросил планшет и доступ к сети, сославшись на то, что хочет перед смертью закончить какие-то свои дела.

– Ну, пока ничего сверхъестественного я не вижу, – заметил лорд Бэдер, слегка качнув седой головой, – мало ли почему болезнь на время отступила.

– Все необычное начнется дальше, – ответил Пауэлл, – Лавров начал работать с интенсивностью, доступной далеко не всем абсолютно здоровым людям. Такой режим должен был сжечь его силы буквально за час-полтора, но, по словам медсестры, пациент на глазах становился все бодрее и работоспособнее, что подтверждали и показания приборов. Нам удалось осторожно взломать сервер больницы и получить доступ к запросам, которые делал Лавров в сети. Аналитики сэра Регрейва утверждают, что он сразу начал поиск высших учебных заведений, дающих образование по медицине, физике и биохимии, а когда нашел их, практически без паузы стал последовательно сдавать вступительные, промежуточные, а потом и итоговые экзамены. Конечно, какое-то время он потратил, изучая литературу и базы данных по соответствующим предметам, но время это было явно недостаточным для усвоения даже десятой части тех знаний, которые он потом продемонстрировал при сдаче экзаменов. Профессорам, принимавшим у него тесты, Лавров говорил, что его мотивировала к интенсивным занятиям смертельная болезнь, и они предпочитали не вдаваться в подробности, но наши люди проверили практически всю активность Лаврова в сети за предшествующий год. Он вообще не интересовался ни медициной, ни биохимией, ни физикой за пределами обязательной школьной программы, да и в ее пределах делал это лишь в минимальном объеме. Таким образом, все знания, которые

позволили объекту разработки получить за несколько дней три высших образования, он усвоил уже после выхода из комы, что, в принципе, невозможно.

– Да, это уже действительно серьезно, – согласился лорд Бэдер, – Продолжайте, друг мой, это ведь не все, что вам удалось узнать?

– Разумеется, джентльмены, это еще не все, подтвердил Пауэлл, – не буду утомлять вас многочисленными подробностями, но внезапно проявляющиеся гениальные озарения следуют за Лавровым по всему пути его продвижения вверх, причем эти открытия лежат в разных сферах знаний, от различных единоборств, до химии, физики и даже ксенологии. Доказательство гипотезы, об которую сломали зубы несколько поколений наших лучших математиков, методика лечения астероидной горячки, лежащая на стыке ядерной физики и биохимии и граничащая своей простотой с гениальностью, но столь неожиданная, что до Лаврова никто на нее не наткнулся. А потом аспирант Колониального Технологического института за год становится лучшим специалистом Федерации в области взлома систем управления вражеской военной техники. Вы знаете, джентльмены, сколько лет над этой проблемой бьются лучшие умы человечества? И ведь результаты были весьма скромными, пока не появился Лавров со своими адаптивными алгоритмами, впрочем, это уже детали. Но остается вопрос, откуда все это взялось. Потом произошла эта безумная история с Лейтенантом-5. Весь учебный полк ВВУ Планетарного Десанта – живые покойники. Никто не должен был оттуда вернуться. Никто, понимаете? Курсанты остались без офицеров в абсолютно безнадежной ситуации. Но! Среди них оказался наш объект разработки. Результат вы все знаете. Мы подняли записи его действий в учебных боях и в реальных сражениях, бесед с другими людьми, допросов в службе безопасности, в общем, все, до чего смогли дотянуться руки наших людей, а вы знаете их способности по добыче информации.

Сэр Пол и лорд Бэдер лишь молча кивнули, ожидая продолжения.

– Приготовьтесь, джентльмены, сейчас я озвучу вам вывод наших психоаналитиков, он будет несколько неожиданным, – с кривоватой усмешкой продолжил Пауэлл, – наш объект разработки и Игорь Яковлевич Лавров – разные люди. Я понимаю, что звучит это антинаучно и, вообще, безумно, но это медицинский факт, прекрасно согласующийся, к тому же, со всем тем, что узнали наши агенты ранее. Пятнадцатилетний мальчик Игорь Лавров умер там, на Титане, в местной больнице. Он так и не вышел из комы. Вместо него очнулся совсем другой человек, возраст которого оценивается нашими специалистами примерно в пятьдесят лет. И этот

человек – профессиональный военный, имевший опыт командования, как минимум, полком, но одновременно он ученый, вернее нет, не ученый, а, скорее, талантливый инженер, обладающий огромным багажом знаний, но знаний не наших, не человеческих, нам пока неизвестных.

– Вы это серьезно, сэр Джон? – холодным голосом спросил лорд Бэдер.

– Я более чем серьезен, джентльмены. Есть правда, пара фактов, которые пока не очень укладываются в эту версию. Во-первых, нынешний Лавров прекрасно, во всех деталях, помнит свое детство вплоть до впадения в кому, а во-вторых, он, как и раньше, продолжает любить свою мать, причем искренне, что было бы странным, стань он совершенно другим человеком. Объяснений этим фактам пока нет, но в целом они не противоречат выводам аналитиков. Мы ведь не знаем всех подробностей того, что произошло с объектом разработки. Личность Игоря Лаврова могла и не разрушиться полностью.

– И вы предлагаете нам принимать решения, от которых зависит дальнейшая судьба нашей организации на основе вот этой фантастической версии, сэр Джон? – задал вопрос Крофтон.

– Другой гипотезы у меня нет, джентльмены, вы ведь знаете меня уже не первый десяток лет, чтобы понимать, что прежде чем озвучить вам эту версию, я проверил все факты лично, и не один раз.

– Несомненно, сэр Джон, несомненно, – лицо лорда Бэдера приняло выражение деловой сосредоточенности, – прошу извинить нас за высказанные сомнения в тщательности проведенного вами расследования и адекватности сделанных выводов, слишком уж они оказались... нетривиальными. Теперь остается решить, какое влияние этот новый фактор может оказать на наши планы.

– Лавров, будем пока называть его так, уже оказывает на них существенное влияние, причем не в лучшую сторону. Этот человек опасен. Его действиями невозможно управлять. У него есть своя цель, которая совершенно не ясна, но движется он к ней с невероятной для обычного человека эффективностью. Он уже нарушил нашу комбинацию с Глобал Випон Индастриз, в результате чего много лет выстраиваемая схема перехвата нами управления этой компанией с одновременной монополизацией рынка вылилась в арест наших агентов влияния в совете директоров ГВИ и усиление позиций Русского Оружейного Концерна. Я уже молчу о прямом выходе на рынок оружия новой силы, напрямую подконтрольной Лаврову.

– Меня, признаться, больше беспокоит другое, – добавил сэр Пол Крофтон, – Этот человек оказался слишком близко к Тобольскому. Если в

истории с ГВИ президент использовал Лаврова, как малозначащую карту, которую, если что пойдет не так, можно просто сбросить под козыря, то сейчас наш верховный главнокомандующий решил, похоже, сделать на него серьезную ставку. Лавров просто так слов на ветер не бросает, в этом мы уже могли убедиться, а из его уст я недавно услышал очень неприятное слово «национализация». Его, конечно, сразу поставили на место старшие товарищи, но слово было сказано, а как Лавров умеет превращать свои слова в реальность, мы, опять же, не раз видели.

– Нужно понять, чего он добивается, – задумчиво играя в руке коньячным бокалом, произнес лорд Бэдер, – возможно, мы сможем извлечь из этого свою выгоду. Человек он весьма неординарный и может быть нам полезен.

– Он опасен, – еще раз повторил Пауэлл, – мы не можем использовать человека, ни целей, ни мотивов поступков которого мы не понимаем и вряд ли сможем понять. Я вообще не уверен, что он человек, джентльмены.

– Ну, тут, вы, пожалуй, сгущаете, сэр рыцарь, – улыбнулся уголком рта лорд Бэдер, – он человек, это несомненно. Вот только чего он хочет...?

– Ему уже не раз прямо задавали этот вопрос. Каждый раз он отвечает немного по-разному, но общий смысл один – победа Земной Федерации в войне с кваргами.

– Это ширма, хотя, надо отдать ему должное, действует он действительно так, что к этим словам не придерешься, – прокомментировал Крофтон, – да и нашим планам победа над кваргами не противоречит.

– Скажем так, сэр Пол, победа Федерации в далекой перспективе действительно нам не повредит, а вот быстрая победа спутает все карты и лишит нас большей части текущих доходов и львиной доли влияния, – с ноткой недовольства непониманием собеседником таких простых вещей ответил лорд Бэдер.

– О чем вы спорите, джентльмены? – выразил удивление Пауэлл, – о какой быстрой или медленной победе вы говорите? Тут бы быстрое поражение не получить, вот это точно нарушит все наши планы, что вы, я уверен, отлично понимаете. Между тем, наши информаторы в адмиралтействе докладывают о весьма пессимистичных прогнозах на ближайшие месяцы. Крупное сражение неизбежно, причем его исход для нашего флота и армии будет, боюсь, малоприятен.

– Ну что ж, джентльмены, – подвел итог лорд Бэдер, – в ближайшие месяцы наш объект вряд ли сможет доставить нам серьезные хлопоты. Он будет полностью занят подготовкой к сражению, а потом, когда оно грянет, зная его, предположу, что он полезет в самую гущу событий, а результат в

таких случаях непредсказуем. На войне, случается, убивают, так что, вполне возможно, когда мы встретимся в следующий раз, кварги уже сами решит для нас эту проблему.

– Я бы не оставлял это дело на самотек, – с сомнением произнес Пауэлл, – сейчас этот вопрос можно снять довольно просто. Мало ли несчастных случаев происходит при испытаниях боевого оружия...

– Не торопитесь, сэр рыцарь, – усмехнулся лорд Бэдер, – по моим данным Лавров собирается вести в сражение трофейный линкор Титан, а кроме него это сделать никто не сможет. Нашему флоту и так будет весьма кисло, а без Титана мы можем получить критическое поражение. Нас такой вариант не устроит. Так что пусть пока повоюет, а там решим, если, опять же, к тому моменту проблема не исчезнет самым естественным образом. Кстати, сэр Пол упоминал о сближении объекта с Тобольским, так вот, возможно, вскоре это потеряет всякое значение. Наш агент влияния подталкивает президента к прямому управлению армией и флотом, а ошибки и неудачи в этом деле, весьма вероятные при текущем раскладе на фронте, могут сильно подорвать его репутацию и поддержку основными центрами силы. Ну а если не поможет и это..., на крайний случай у нас есть вариант с начальником службы безопасности президента. Генерал Терентьев, конечно, просто так не сдастся, но он очень сильно прокололся недавно с выходкой своего сына, за которую того должны были надолго засадить в тюрьму, но вот не засадили почему-то. Наши специалисты раскопали это дело, и теперь вопрос лояльности Терентьева лишь дело времени.

* * *

Научно-инженерную группу я собрал уже на следующий день после сдачи экзамена и получения нового звания. Поблагодарив сотрудников за ударный труд над созданием торпед нового поколения, и раздав немалые премии, я перешел непосредственно к предмету разговора.

– Господа, вы успешно справились с предыдущей задачей. Весьма непростой задачей, надо заметить, особенно с учетом поставленных сроков, но война продолжается и ставит перед нами новые вопросы, на которые нам с вами придется дать исчерпывающие ответы. Сейчас я вижу три проблемы, решению которых мы должны посвятить максимум усилий. Во-первых, интенсификация боевых действий в последние месяцы привела к катастрофическому росту потерь, и ладно бы мы теряли железо, его можно

наклепать еще, но мы теряем людей, подготовленных профессиональных бойцов, пилотов и других военных специалистов, заменить которых быстро без потери качества подготовки не представляется возможным. Этот вопрос нужно решать как можно быстрее, и я вижу только один путь – на переднем крае людей быть не должно. Мы с вами хорошо продвинулись в области создания роботизированных подразделений беспилотных дронов, управляемых на расстоянии из командирской машины. Освоение этих разработок промышленностью и поступление новых машин в войска идет, к сожалению, недопустимо медленно, но даже это уже сейчас снижает людские потери, хотя в масштабах армии такой техники пока очень мало. Тем не менее, эффект несомненен, даже с учетом того, что командирская машина все еще принимает непосредственное участие в бою и ее пилот подвергается немалому риску. Нам нужно сделать следующий шаг. Я хочу, чтобы часть вашей группы сосредоточила усилия на создании легких и тяжелых роботов для армии и малых кораблей для флота, управляемых дистанционно с большого расстояния, например, с низкой орбиты, если речь идет о роботах, или с авианосца, если говорить о беспилотных истребителях. База для создания такой техники у нас имеется. Мы уже испытали в бою у звезды Барнарда систему управления с авианосца носителями абордажных дронов, но тогда испытания, хоть и прошли успешно, выявили ряд серьезных недостатков, которые теперь нужно устранить. Связь с дронами должна работать бесперебойно в условиях сколь угодно сильного радиоэлектронного противодействия противника.

Я ставил эту задачу перед подчиненными, несмотря на то, что в моем мире ее решить так и не удалось. По части технического прогресса мы с жабами шли ноздря в ноздю, и поэтому добиться большего, чем надежное управление десятком-другим дронов в непосредственной близости от командирской машины нам так и не удалось. Зато здесь, благодаря знаниям из моей памяти, мы сильно вырвались вперед в технологиях связи, и я верил, что моим людям удастся совершить прорыв, к которому я их подталкивал.

– Во-вторых, – продолжил я постановку задач, – нам нужно эффективное оружие против линкоров противника класса Титан. Боюсь, что к назревающему в ближайшее время крупному сражению ничего нового мы сделать не успеем, поэтому придется заняться несвойственной нам задачей, а именно подготовкой максимального количества испытанных нами в рейде торпед и носителей для них. Половина научно-инженерной группы будет мобилизована именно на решение этой задачи. Скажу вам честно, господа, при всем моем восхищении результатами вашей работы по

торпедам, носители для них получились очень слабые. Мы не зря потеряли восемь кораблей из десяти. Поэтому основные усилия мы направим именно сюда. Я уже объявил конкурс на поставку новой крупной партии дрон-торпед. Его выиграла ГВИ и РОК, что и не удивительно, ведь они уже освоили их серийное производство. Торпеды уже начинают поступать на склады нашего департамента. В первую очередь я планирую оснастить ими Титан, беспощадно выбросив с корабля все лишнее, что кварги туда понапихали. Собственно, часть из вас в курсе, те, кто участвовал в подготовке проекта. Остальными торпедами будем оснащать новые носители, и я не хочу, чтобы в предстоящем бою мы опять потеряли почти все эти корабли. С этим ясно?

Инженеры и ученые молча смотрели на меня. Наконец, Джефф ответил за всех:

– Это задачи скорее инженерные, чем научные, так что не ошибусь, если скажу, что ничего невозможного тут нет, хватило бы времени и ресурсов.

– Ресурсы будут, Джеф, не беспокойся. Президент выделил нам такой бюджет, о котором еще месяц назад мы и мечтать не могли, а вот времени, извини, как всегда практически нет.

– А чем будет заниматься научная часть группы? – спросил профессор Штейн, – Главный инженер прав, в поставленных задачах для нас работа, конечно, найдется, но ее будет не так уж много.

– А вот для вас, профессор, у меня как раз и есть третья задача. Решать ее тоже нужно без промедления, но все же такой гонки, как у Джеффа, у вас не будет. Нашему флоту нужен прорыв в части мобильности. У кваргов намечается значительный численный перевес, быстро нивелировать который наша промышленность при ее нынешней организации не в состоянии. Единственное, что мы можем противопоставить противнику, это более высокую подвижность наших флотов и их способность совершать быстрые маневры для концентрации сил на угрожаемых участках. Для решения этой задачи научную часть группы придется существенно усилить специалистами по U-режиму и физике гиперпространства. В вопросе подбора нужных нам людей я рассчитываю на вас, профессор.

– Но что это даст? – удивился Штейн, – мы просто создадим еще один научный коллектив, занимающийся вопросами гиперра. Такие группы уже есть и в Колониальном Технологическом, и в Московском Политехническом, и в Индонезийском..., да много где они имеются, и нигде нет пока предпосылок для решительного прорыва.

Я в очередной раз встал перед сложным вопросом. Профессор,

естественно, был совершенно прав. Теория гиперпространства в Федерации, да и у кваргов, видимо, тоже, давно уже уперлась в некий верхний предел, для пробития которого требовалось совершить качественный скачок в понимании физики гипера, к чему обе цивилизации пока еще готовы не были. Но у меня-то нужные знания в наличии имелись, а вот как их ненавязчиво подкинуть местным ученым, я пока не знал.

– Профессор, вспомните, пожалуйста, с чего мы с вами начинали, когда приступали к работе над процессором для станций РЭБ – осторожно приступил я к подготовке почвы для внедрения информации, – ведь прорывные идеи тоже появились не сразу. Нужен обмен мнениями между свежими людьми, раньше не работавшими вместе. Количество, как известно, имеет свойство переходить в качество. Я тоже приму участие в работе группы, все-таки соответствующее образование у меня имеется, а взгляд на старую проблему нового человека может быть полезен.

– Гхм..., да уж, – хмыкнул профессор, – я помню этот свежий взгляд нового человека. Мы с коллегами тогда чуть не решили, что у вас на почве перенапряжения с головой проблемы начались, пока все аккуратно не посчитали, а потом еще десять раз не перепроверили. Так что может вы и правы, Игорь Яковлевич, может и правы.

* * *

Сколько мы ни готовились, сколько ни пытались предугадать действия кваргов, удар противника оказался неожиданным и сокрушительным. Панический вопль по гиперсвязи из системы звезды Грумбридж-1618 положил начало одному из самых крупных и бескомпромиссных сражений этой войны.

На этот раз разведка не проспала, и выход флота кваргов к окрестностям системы не остался незамеченным, все же наши новые сканеры уже стали поступать на корабли флота в ощутимом количестве, и это не могло не сказаться.

Посмотрев на поступившие данные о противнике, адмирал Каваками приказал шестому флоту отступать в центральные области системы и объявил о срочной эвакуации населения внешних планет. Последнее выполнить в сжатые сроки оказалось невозможным, но хоть кого-то спасти командующий все-таки надеялся, хотя и сильно сомневался в том, что эвакуация на Грумбридж-2 надолго продлит жизнь спасенным.

Противник вышел к Грумбриджу совершенно беспрецедентными

силами. Сканеры засекли сто семь тяжелых вымпелов, более трехсот кораблей классом от эсминца и ниже, пятнадцать авианосцев и целую армаду десантных транспортов и кораблей снабжения. Тем не менее, совершать последний прыжок внутрь системы кварги не спешили, видимо, чего-то ожидая.

Шестой флот со своими семью линкорами, десятком крейсеров и парой авианосцев смотрелся на фоне армады кваргов не просто бледно, а вообще никак. Лезть в пасть к тигру Каваками, естественно, не стал, а предпочел опереться на орбитальные крепости трех центральных планет системы, отдавая, тем не менее, себе отчет в том, что если немедленно не подойдет помощь, крепости эти ничем ему не помогут. Сигнал, посланный в Солнечную систему через сеть гипермаяков, ничуть не преувеличивал безнадежность ситуации, в которой оказались шестой флот и триста пятьдесят миллионов жителей системы.

Генштаб и адмиралтейство, готовясь к различным сценариям развития событий, рассматривали удар кваргов на Грумбридж, как один из возможных вариантов, хоть и не самый вероятный, поэтому вновь сформированный четвертый флот находился от атакованной системы всего в тридцати часах пути. Чуть дальше дислоцировались десятый и двенадцатый флоты, им для прибытия к Грумбриджу требовалось почти двое суток. Вот только даже если все эти соединения успеют на помощь адмиралу Каваками, соотношение сил все равно окажется более чем три к одному в пользу противника, а в таком бою шансов не то что победить, а хотя бы нанести врагу серьезный урон у флота Федерации практически не будет. В генштабе в целом и в адмиралтействе в частности это прекрасно понимали, как понимали и то, что вводить флоты в бой последовательно нельзя ни в коем случае. Понимал это и Каваками, спешно стягивающий шестой флот к планетам, высаживающий на них все находящиеся в космосе войска и готовящийся к безнадежной обороне.

А кварги ждали, и, кажется, я понимал, чего, впрочем, понимал это не я один.

– Они приглашают нас к генеральному сражению, – злобно прищурившись, процедил адмирал Нельсон, – понимают, гады, что если мы хотим отстоять Грумбридж, нам придется стянуть туда практически все наши силы, ну, кроме флота метрополии, естественно. А паузу выдерживают, чтобы мы успели стянуть в эту мышеловку побольше наших кораблей. Они явно не держат нас за дураков и понимают, что бросать им на съедение флоты по мере их подхода мы не будем, вот и хотят дожидаться, когда мы соберем их вместе, а потом нас раздавить.

– Мы можем хоть чем-то помочь флоту адмирала Каваками? – задал вопрос генерал-полковник Князев, – ему там сейчас ну совсем невесело.

– А чем ему поможешь? Дать ему еще десяток тяжелых кораблей? Это никак не изменит расклад, а линкоры и крейсера будут потеряны еще до начала основного боя. Ему бы вообще уйти из системы на соединение с основными силами, но бросить население планет и наземные войска без защиты..., на это никто не пойдет.

Разговор этот происходил во время паузы между гиперпрыжками. Адмиралтейство срочно сдернуло пятый ударный флот с места дислокации в Солнечной системе и бросило его затыкать черную дыру, в которую вот-вот грозил превратиться Грумбридж.

– Какой смысл сейчас гадать? – махнул рукой адмирал, – нам еще три дня лететь, и никто не знает, что мы там увидим, когда окажемся на месте.

* * *

К началу сражения мы все-таки опоздали. На четвертые сутки пассивного ожидания кварги решили, видимо, что дали противнику достаточно времени на сбор сил и неспешно двинулись к центру системы. На малонаселенные внешние планеты они пока просто не обращали внимания, что вполне логично, ведь никакой опасности они для флота вторжения не представляли, а отвлекаться на них – только силы распылять.

Примерно через час тало ясно, что атаковать планеты последовательно враг не собирается. Флот кваргов разделился на три колонны, каждая из которых направилась к своей цели, которыми стали вторая, третья и пятая планеты системы. Смелое решение, учитывая, что противник явно знал о сосредоточивающихся где-то совсем недалеко немалых силах Федерации.

Каваками тоже разделил свои силы, пытаясь размазать ничтожное в сравнении с численностью вражеского флота количество своих кораблей для создания иллюзии защиты всех трех планет.

Мы прибыли в момент, когда избиение обреченного шестого флота уже подходило к концу. Ждали, видимо, только нас, поскольку сразу после нашего выхода в обычное пространство Нельсон получил приказ на начало разгона для прыжка в систему. Прыгнуть сразу в центральную область мы не могли, звезда мешает гиперпространственным переходам своей огромной массой, так что вышли мы в обычное пространство в районе орбиты восьмой планеты. Пока мы разгонялись и прыгали, я успел оценить соотношение сил. Федерация явно решила ответить на вызов. Что-то я не

припомню, чтобы флот такой численности собирался в одном месте когда-либо в истории. Сорок пять линкоров, вместе с Титаном, пятьдесят два крейсера, одиннадцать авианосцев, не считая пятнадцати моих транспортов, переделанных под базовые корабли для дрон-торпед и носителей абордажных роботов, ну и, конечно, целая армада легких кораблей.

К своему ужасу я увидел в нашем боевом ордере девять линкоров из состава флота метрополии. Это могло означать только одно – адмиралтейство выскребло для генерального сражения все резервы, даже те, трогать которые не следовало ни в коем случае. Кто будет защищать Солнечную систему, если мы погибнем? Оставшиеся у Земли два десятка линкоров? А если кварги отправили сюда далеко не все свои силы, что тогда? Сейчас густонаселенные миры Федерации остались без серьезной защиты. Возможно, кварги об этом не знают, но с уверенностью я бы на такое не рассчитывал. Не стоит Грумбридж такого риска. Да, я рассуждаю цинично, все-таки триста пятьдесят миллионов человек..., но что это в сравнении с двумястами миллиардами, большая часть из которых живет на полусотне планет внутренних систем, подобных Барнарду?

Я бросил взгляд на тактическую проекцию, ставшую одним из немногих человеческих дополнений, которые удалось худо-бедно срастить с системой навигации трофейного корабля, и раскрыл на проекционном экране пиктограмму флагмана нашего сводного флота. Мое сердце сбилось с привычного ритма, когда я увидел его название. Амундсен, один из самых мощных линкоров, построенных когда-либо человечеством, головной корабль серии из пяти аналогичных кораблей, флагман флота метрополии. Это не адмиралтейство собрало нас всех сюда, и даже не генеральный штаб. Нас вел в бой лично главнокомандующий вооруженными силами Земной Федерации маршал Тобольский.

Не знаю, что заставило президента пойти на такой шаг, но его решение возглавить генеральное сражение казалось мне ошибочным. Все же Тобольский совсем не Фридрих Великий и даже не маршал Сталин, но кому интересно мнение майора Лаврова и уж тем более бригадного генерала Дина, о существовании которого здесь никто даже не догадывается. В любом случае, расклад такой, какой он есть, и играть придется теми картами, что достались мне с раздачи.

Тобольский свои силы делить на части не стал, направив весь флот к Грумбриджу-2, самой густонаселенной планете системы. Кварги угрозу, естественно, обнаружили, но менять тактику пока не стали. Тримя примерно равными по боевой мощи группами они продолжали атаку

планет. Текущее положение небесных тел в системе привело к тому, что нашему флоту, наносщему удар по врагу у второй планеты, приходилось мириться с наличием на флангах двух крупных группировок противника, атакующих сейчас третий и пятый Грумбридж. В принципе, Тобольского можно было понять. Возможность, хотя бы локально, создать двойной перевес в силах над противником стоила такого риска.

К моменту нашего прибытия на высокие орбиты Грумбриджа-2 из его защитников в строю оставалась только одна изрядно побитая орбитальная крепость и почти неживой флагман шестого флота линкор Токио, а судя по донесениям с третьей и пятой планет, там противник уже начал высадку десанта.

Наши передовые силы сходу вступили в обмен ударами с кораблями кваргов. Естественно, их линкорам и крейсерам сразу стало не до планеты, а шедшие позади основных сил транспорты с десантом мгновенно начали разгон в сторону Грумбриджа-3. Видимо, кварг, командовавший десантными силами, трезво оценил перспективу и решил, что здесь его корабли вряд ли понадобятся в ближайшей перспективе, а огрести себе проблем в виде прорвавшихся к транспортам эсминцев противника он не рвался.

Несмотря на двукратный перевес в силах, в бою мы увязли крепко, и, как оказалось, кварги этого и добивались. Моя навигационная система издала резкий предупреждающий сигнал, и тактическая проекция стала пополняться новыми данными. На границе системы вышла их прыжка еще одна группа кораблей противника. Как только данные со сканеров прошли компьютерную обработку, и новые цели были распознаны, замысел кваргов стал окончательно ясен. Они не планировали, как я опасался, отвлечь нас сражением за Грумбридж и ударить в другом месте. Все оказалось проще и, в то же время, гораздо опаснее. Кварги решили захлопнуть мышеловку и покончить с нами здесь, а в качестве главного козыря они бросили на игровой стол девятнадцать своих стандартных линкоров и четыре корабля класса Титан. Четыре! Не знаю, какую вероятность нашего сокрушительного поражения выдавали тактические компьютеры аналитиков на флагмане, но по моим ощущениям она мало отличалась от ста процентов. Систему следовало бросать и спасать флот, чтобы потом не остаться совсем голыми перед угрозой прямой атаки на внутренние системы Федерации. После появления новых кораблей врага стало ясно, что уйти без серьезных потерь не выйдет, противник грамотно перестроился, оставив в покое планеты, которые его, в общем-то, не особо и не интересовали, и перекрыл нашему флоту наиболее удобные вектора

разгона для ухода в прыжок. Конечно, все перекрыть невозможно, но мы уже сейчас были связаны боем, так просто выйти из которого не представлялось возможным.

Я ждал приказа. В бою такого масштаба командир отдельного корабля, пусть даже самого крупного и мощного во всем флоте, не может ничего сделать по собственной инициативе или как-то повлиять на решения командующего. И приказ поступил. Странный, на мой взгляд, приказ.

– Пятому ударному флоту приказано связать боем вновь прибывшую эскадру кваргов, – транслировал нам решение Тобольского адмирал Нельсон, – кораблям принять боевой ордер «Паук» и начать разгон в сторону противника.

Тобольский не хотел уходить просто так, он видел локальное преимущество своего флота над группой кваргов у Грумбриджа-2. Маршал знал, что у него есть примерно час до момента, когда фланговые группировки врага придут на помощь своим, но и тогда, если флот Федерации успеет хорошенько потрепать противостоящего ему врага, силы окажутся примерно равными, если, конечно, не учитывать последнюю эскадру противника с четырьмя гигантскими линкорами. По замыслу Тобольского или его советников, уж и не знаю, кто там формирует предложения и принимает решения, мы должны были дать флоту дополнительное время для нанесения врагу максимального урона. Потом все равно придется отступить, это, я думаю, понимали все, но главнокомандующий надеялся хоть как-то отплатить врагу за захват системы и наши потери.

Я понимал, что это явная ошибка. Весь мой опыт боев с жабами в мире бригадного генерала Дина просто кричал об этом. Если враг смог создать в системе глобальный перевес в силах, нужно немедленно уходить, спасая всех, кого еще можно спасти, иначе потом времени не хватит даже на то, чтобы спасти хоть кого-то. Мой последний бой в прошлой жизни был тому отличным примером. Если бы командующий вовремя не запросил разрешения на отход, мы бы навсегда остались в системе Дельты Кирсани, а так мы проиграли сражение, но спасли войска, которые потом еще возьмут свое.

Армия и флот всегда стояли и будут стоять на единоначалии. Приказы не обсуждаются. Сначала делай, потом разбирайся, прав ли был командир, и если окажется, что он ошибался, то отвечать за свою ошибку он будет только перед вышестоящим воинским начальником, а никак не перед подчиненным, которого к тому моменту уже может и не быть в живых. Мы отправились выполнять приказ. Мой корабль, как самый мощный в пятом

ударном, шел во главе строя. Даже наш флагман Пекин держался чуть позади. Я командовал не только Титаном, в моем оперативном подчинении находились также пятнадцать модернизированных транспортов с дрон-торпедами и носителями абордажных роботов на борту, которые сейчас держались позади линейных кораблей вместе с двумя авианосцами. Соотношение сил меня совершенно не радовало. Минимум, один к трем, если считать по огневой мощи. Дело другое, что эскадру противника нельзя было назвать сбалансированной. Только тяжелые вымпелы, причем четыре из них сверхтяжелые. Видимо, кварги не планировали использовать это соединение для боя само по себе, оно шло на помощь основным силам их флота, да вот подвернулись мы. Это давало нам некоторые шансы. Линкоры уязвимы для атак торпедоносцев, а этого добра у нас на Веллингтоне и Виндхукке хватало. Ну и про мои дрон-торпеды забывать тоже не стоило. Вообще, Тобольский, да и Нельсон, наверное, не понимали пока, какое грозное оружие сейчас выдернуто из основного сражения и отправлено решать побочную задачу.

– Рубеж открытия огня главным калибром, – доложил я Нельсону.

– Разрешаю открыть огонь, – немедленно отозвался адмирал и неожиданно добавил, – решение на ваше усмотрение.

Нельсон знал, что снарядов к главному калибру у меня очень мало, особенно с учетом количества и качества целей. Тем не менее, один полный залп с максимальной дистанции я все-таки дал. Пусть боятся супостаты и не думают, что они смогут безопасно стрелять по нам с большого расстояния.

Противник впечатлился. Нет, попадания я добился лишь одного, да и то мне просто повезло, хотя особого вреда головному аналогу Титана мой снаряд не нанес, но сам факт... В ответ прилетел залп всех четырех суперлинкоров врага, но дистанция все же еще позволяла уходить из-под огня грамотным маневром, и снаряды кваргов канули в пустоту.

– Авианосцам готовность пять минут, – пришел новый приказ Нельсона. Меня он впрямую не касался, но я решил воспользоваться моментом.

– Невидимкам с первого по четвертый пятиминутная готовность к старту дрон-торпед и носителей абордажных роботов. Полный залп. Командирам принять целеуказание, – я распределил цели и отправил пакет данных на подчиненные мне корабли, не имевшие собственных имен, но носившие общее название «Невидимка» с соответствующим номером, – Пойдете чуть позади машин с авианосцев. В драку не лезть! Сами знаете, ваша цель – линкоры.

Инга за соседним пультом лихорадочно готовилась к абордажу. Она шипела на меня, как дикая кошка, оправдывая свою фамилию, за то, что я усадил ее управлять абордажными дронами с борта Титана, но я был неумолим. Единственное, что примиряло мою подругу с серой действительностью, это мое обещание, что первое же подразделение создаваемых сейчас людьми Джеффа и Штейна тяжелых роботов, управляемых с орбиты, будет отдано под ее командование.

Дрон-торпеды и носители абордажных роботов, базировавшиеся прямо на Титане и еще на одиннадцати Невидимках, я решил пока придержать в резерве, да и опыта применения торпед по маневрирующим целям у меня пока не имелось. В общем, не хотелось наделать ошибок, используя все новое оружие в одной попытке.

Артиллерийский бой продолжался. У нас появились потери, что и неудивительно, ведь плотность вражеского огня ощутимо превышала нашу, но наш москитный флот в бой еще не вступил, и сможет ли он изменить баланс сил, оставалось только гадать.

– Авианосцам поднять истребители и торпедоносцы, – пришел приказ адмирала Нельсона.

– Невидимки, начали, – продублировал я своим.

Торпеды и командирские машины покинули трюмы Невидимок и плотным строем устремились к идущим нам навстречу кораблям врага вслед за волной машин в Виндхука и Веллингтона. Инга сосредоточенно рулила своими носителями абордажных роботов и присматривала за действиями еще четырех операторов, сидевших за такими же пультами на борту Невидимок. Целями атаки мы выбрали четыре огромных линкора, идущих впереди вражеского строя и доставляющих нашим тяжелым кораблям массу неприятностей. Из восьми линкоров пятого ударного флота два уже вышли из боя, получив критические повреждения. Судьба этих кораблей была в высшей степени неопределенной, ведь все понимали, что систему придется оставить. Нельсон выделил эсминец из эскорта авианосцев, чтобы снять экипажи с практически разрушенных, но пока не взорвавшихся кораблей.

Истребители у кваргов все-таки нашлись. Видимо, в каком-то количестве они базировались на суперлинкорах, ведь я же смог найти место на Титане под аналогичные цели, значит и кварги могли об этом подумать. Правда, по сравнению с густой волной наших машин истребители кваргов выглядели на тактической проекции жидкой цепочкой, все же линкор, даже самый большой, никогда не сравнится в этом отношении с авианосцем.

Быстрые и верткие машины сошлись на встречных курсах. Здесь и

сейчас сложилась ситуация, противоположная той, что имела место в перестрелке тяжелых кораблей. Плотность огня оказалась на нашей стороне, и буквально через пару минут машины кваргов перестали существовать. Мы потеряли три торпедоносца, но оставшиеся пятьдесят семь машин продолжали двигаться к целям. Нельсон решил вложить в этот удар все, чем располагали москитные силы флота.

Кварги оценили угрозу. Они прекратили стрелять по линкорам и крейсерам и открыли заградительный огонь. Для таких случаев в артпогребах тяжелых кораблей всегда есть небольшое количество специальных снарядов, оснащенных готовыми поражающими элементами, специально рассчитанными на борьбу с малоразмерными целями. Ливень таких снарядов обрушился сейчас на волну отчаянно маневрирующих истребителей и торпедоносцев. Мы несли потери, но они не были катастрофическими. Да, пушек стреляло много, но это напоминало охоту на комара с гранатометом, то есть средства использовались мощные, но почти негодные в данной ситуации.

Пилоты командирских машин вели торпеды аккуратно, держась подальше сперва от собачьей свалки, затеянной истребителями, а потом и от разрывов снарядов линкоров, ведущих заградительный огонь. Инга держала своих подопечных еще дальше, в третьей волне. Адмирал Нельсон в мои действия не вмешивался и никак их не комментировал. То ли его все устраивало, то ли хватало проблем на других участках. Формально его разрешения на применение торпед мне не требовалось. Открыть огонь адмирал мне разрешил, да еще и оставил это решение на мое усмотрение, а Невидимки и так подчинялись мне напрямую. Интересно, что наши с адмиралом должности в табели о рангах Федерации были практически равны, но здесь, в пятом ударном флоте, я, естественно, являлся его непосредственным подчиненным, хоть и несколько необычным.

Перед истребителями и торпедоносцами остался последний барьер, отделяющий их от целей – зенитные орудия непосредственной обороны. Бой шел не так уж долго, кораблей у кваргов было много, так что наш огонь вывел из строя лишь небольшую часть зенитных точек, и встретили они наши машины весьма неприветливо. Тем не менее, торпедоносцы отстрелялись. Нельсон размазал удар москитного флота по всем кораблям врага, надеясь нанести им повреждения и ослабить огневое воздействие артиллерии противника на свои тяжелые корабли, но имелся у этого решения и серьезный недостаток – массивной атаки ни на один корабль не получилось. И все же частично своей цели адмирал добился. Получив по несколько попаданий бинарных торпед, из вражеского строя

вывалились пять полуразрушенных линкоров, еще семь кораблей отделались повреждениями различной тяжести, но смогли продолжить бой. Линкоры класса Титан получили только два попадания. Остальные торпеды были перехвачены их зенитными средствами. Пятому флоту эта атака стоила половины истребителей, а из шестидесяти ушедших в атаку торпедоносцев на обратный курс к Веллингтону и Виндхуку смогли встать только восемнадцать машин. Фактически, на этом активное влияние москитных сил пятого ударного флота на исход боя закончилось, оставшиеся силы могли решать лишь локальные задачи.

Зато теперь настало время дрон-торпед. Обладая гораздо более продвинутыми средствами маскировки, чем стандартные истребители, они подобрались к вражеским кораблям почти вплотную, но все же недостаточно, чтобы выйти на рубеж атаки необнаруженными. Все же кварги не стояли на месте и после моей атаки на их верфи сделали выводы, выпрыгнув из шкуры, но улучшив характеристики своих сканеров, по крайней мере, тех, что стояли на их новейших кораблях. Примерно секунд двадцать командирским машинам пришлось вести торпеды к целям под плотным огнем противника, что, конечно же, сказалось на результате. Мы потеряли почти треть торпед еще до момента начала их атаки в автономном режиме. Из шестнадцати командирских машин вернуться на Невидимки смогли десять, но свое дело они сделали как надо. На каждый из сверхтяжелых кораблей врага приходилось по сорок торпед. Вместо пятого звена на каждом Невидимке в это раз мы разместили десятку носителей абордажных роботов, которые шли сейчас позади волны торпед, дожидаясь своего часа, чтобы нырнуть в проломы в броне гигантов. Мы зафиксировали от десяти до пятнадцати ярких вспышек на каждой цели, означавших попадания. Результаты не замедлили сказаться, огонь суперлинкоров несколько ослаб, но ни один из них не был выведен из строя.

Мой корабль к этому моменту уже получил девять попаданий главным калибром от своих братьев-близнецов и около тридцати снарядов помельче от других вражеских линкоров. Треть орудий стрелять больше не могли, но главной бедой стало другое, боеприпасов почти не осталось. Мне пришлось вести огонь по врагу теми самыми специальными снарядами, предназначенными для борьбы с истребителями и штурмовиками. Естественно, даже при попадании они лишь царапали броню вражеских кораблей своими поражающими элементами, но, по крайней мере, это отвлекало врага на мой линкор и давало какие-то шансы повредить эффекторы сканеров, стволы зенитных орудий и другое оборудование,

которое невозможно было спрятать под броню.

Пятый ударный флот все еще вел бой, но и мне, и адмиралу Нельсону все отчетливее становилось ясно, что скоро нас просто раздавят. Четыре оставшихся в строю линкора, включая почти безоружный Титан, имели значительные повреждения и уже не могли даже делать вид, что сражаются на равных с эскадрой врага. Настала пора бросать на стол последний козырь.

– Невидимкам с пятого по пятнадцатый принять целеуказание, – на этот раз я выбрал в качестве целей все двенадцать оставшихся в строю стандартных линкоров врага, а все носители абордажных роботов нацелил на четыре суперлинкора.

– Сброс абордажных дронов! – доложила Инга. Как раз к этому моменту третья волна наших машин добралась до поврежденных торпедами гигантов, – активный зенитный огонь противника, дроны несут потери... Есть касание борта... Дроны внутри линкоров!

– Ставь их в режим рейда, – дал я указание Инге, – Мы не сможем захватить эти корабли, слишком мало дронов прорвалось на борт.

– Есть, командир. Будет им рейд. Контакт с противником!

Мы сделали выводы из предыдущего абордажа в системе звезды Барнарда, теперь на борт кораблей противника проникали не только мелкие дроны с легким оружием, но и роботы покрупнее, сконструированные специально для боя в стесненных условиях и вооруженные ракетным оружием, способным сносить аварийные переборки. Десять носителей в идеале доставляли на борт корабля противника тридцать малых абордажных дронов и двенадцать боевых роботов. Всем этим отрядом управлял один оператор с борта базового корабля через сеть ретрансляторов, щедро рассыпаемых в пространстве движущимися к вражескому кораблю носителями и при необходимости дополнительно высылаемых к месту боя базовым кораблем. Если связь прерывалась, а такое вполне могло произойти, абордажная партия переходила в автономный режим в стиле «бей все, что шевелится, а что не шевелится, шевели и бей». То же касалось и роботов-взломщиков. В управляемом режиме они пытались взламывать именно те системы корабля, которые указывал оператор, а в автономном следовали заранее зашитому в них алгоритму, нацеленному на нанесения максимального вреда всем системам управления и коммуникации, до которых они смогут дотянуться.

Сейчас идеальных условий не было, и около половины роботов погибли при десантировании на корабли противника. Кварги умели учиться, и наших абордажников, начавших расползаться по коридорам

кораблей и крушить все вокруг, встретили солдаты в тяжелой пехотной броне с соответствующим вооружением. Продвижение сразу замедлилось, но увидеть у себя на борту боевых роботов кварги все же не рассчитывали, и их пехота стала нести большие потери. Тем не менее, абордаж явно захлебывался, и уже намечалось шаткое равновесие. Роботы-взломщики добились несколько больших успехов, сумев, как и в прошлый раз, внести хаос в системы управления суперлинкорами. Их огонь ослаб еще сильнее, а его точность заметно снизилась.

В это время до двенадцати вражеских линкоров, уже почти подавивших недавно отремонтированный Нью-Йорк и флагманский линкор Пекин, добралась волна моих торпед. Короткий, но яростный бой на ближних дистанциях позволил врагу сбить примерно половину смертельных посланцев, но остальные успешно добрались до целей. В космосе расцвели двенадцать ярчайших вспышек. Удар оказался избыточным, я перестарался, за что теперь ругал себя последними словами, ведь в моем распоряжении остался последний резерв – три звена дрон-торпед и одна десятка носителей абордажных дронов в трюмах Титана. Снаряды закончились окончательно, даже заградительные, и мои пушки превратились в бесполезный хлам. Если я использую последний резерв, мой корабль можно будет брать голыми руками, ну, если не учитывать слабое утешение в виде зенитных пушек и ракет ближнего радиуса.

– Спасибо, майор, это было впечатляюще, – пришло сообщение от Нельсона. Голос адмирала звучал хрипло и слабо.

– Всегда рад, господин адмирал, – игнорируя устав, ответил я, нагло пользуясь своим должностным положением.

Впрочем, Нельсону, было явно не до субординации. По его лицу текла кровь из рассеченной брови, а в помещении командного поста Пекина плавали клубы дыма. Флагман пятого ударного флота представлял собой руины когда-то грозного корабля, умудрявшегося, тем не менее, вести огонь из единственного сохранившегося орудия главного калибра и, кажется, еще не полностью потерявшего ход. Сейчас от пятого ударного флота остался мой, почти безоружный, линкор, избитые до практически полной потери боеспособности флагман Пекин и линкор Нью-Йорк, крейсера Москва и Принсипи, оба авианосца с примерно третью истребителей и без единого торпедоносца, а также почти все эсминцы и более мелкие корабли, которые в бою участия не принимали из-за отсутствия для них подходящих противников. Ну и мои пустые Невидимки, не представляющие вообще никакой боевой ценности.

Четырем вражеским линкорам класса Титан стало явно не до

продолжения боя. Добравшаяся до них новая волна абордажных дронов проникла на борт почти без потерь, и теперь я ставил Инге задачу на захват, по крайней мере, одного корабля врага, куда я и бросил основное подкрепление. Однако, как известно, калач крайне редко бывает одновременно большим и мягким. Увидев, что творится с их лучшими кораблями, кварги выдернули из боя у Грумбриджа-2 группу из пятнадцати почти целых линкоров и крейсеров в сопровождении авианосца и эсминцев, и теперь эта эскадра спешила к нам.

Мы таких гостей не приглашали, и радости в наших сердцах они не вызвали.

– Инга, дронов в рейд. Захватить корабль мы не успеем, но надо его уничтожить. Ломай системы самоуничтожения. Брось на это все силы.

– Не выйдет, командир, кварги твари умные, похоже, после прошлого раза они предусмотрели ручную блокировку наиболее критичных систем. Мы не сможем взорвать корабль.

– Торпедному отсеку старт! Цель – суперлинкоры противника. Инга, бросай все и держи их зенитные системы. Ни одна торпеда не должна быть сбита.

– Есть, командир!

Я взгляделся в тактическую проекцию.

– Господин адмирал, нужно уходить, – обратился я к Нельсону, – Мы уже ничего не сможем сделать. Мне больше нечем стрелять, а ваши тяжелые корабли небоеспособны. Мои транспорты могут снять экипажи с поврежденных вымпелов.

Адмирал посмотрел на меня мутным взглядом. Похоже, ему крепко досталось по голове.

– Майор Лавров, принимайте командование флотом, – с трудом выговорил адмирал, теряя сознание. Впрочем, упасть ему не дали подхватившие адмирала офицеры.

– Жду ваших приказаний, господин командующий, – пришел запрос от командира Пекина.

– Экипажу покинуть корабль. Неведимкам, снять команды с линкоров Пекин и Нью-Йорк. Командирам кораблей доложить о состоянии ходовой части. Есть еще кто-то, кто не сможет уйти в прыжок?

– Имею повреждения двигателя. Прыгнуть может и смогу, но результат непредсказуем, – доложил командир крейсера Принсипи.

– Оставить минимум экипажа для совершения прыжка. Остальным покинуть корабль.

– Командир, торпеды вышли на рубеж атаки, – вернула меня к

продолжающемуся бою Инга. В этот момент Титан дважды содрогнулся. Еще подконтрольные кваргам орудия продолжали вести огонь по моему кораблю и иногда даже попадали.

– Повреждение систем сканирования. Эффективность снижена на тридцать процентов, – доложил оператор систем связи.

– Есть попадания торпед!

Линкоры противника украсились взрывами. Я понимал, что тридцати торпед не хватит для уничтожения четырех таких кораблей и выбрал целями два наиболее поврежденных. Ударов четырнадцати торпед уже сильно побитые в бою корабли, даже столь огромные, выдержать не смогли. Подобный удар чуть не добил Титан в бою у Барнарда-3, но тогда кварги не имели возможности стрелять в таких полигонных условиях и точно всаживать торпеды в уязвимые места. Здесь такая возможность присутствовала. Два гигантских корабля раскололись на неравные части, вспухая от внутренних взрывов и выбрасывая в окружающее пространство фонтаны раскаленных газов и потоки разнокалиберных обломков.

На каждый из оставшихся линкоров я приказал пилотам потратить по одной торпедой – точно в маршевые двигатели, ну и в качестве вишенки на тортик высадил на один из них дополнительную абордажную партию, не везти же дронов домой. Конечно, в итоге их перебьют, но веселую вечеринку кваргам они, как я надеялся, обеспечат сполна.

– Флоту разгон к Грумбриджу-6. От боя с эскадрой противника уклоняться, – отдал я приказ, понимая, впрочем, что вряд ли кварги станут нас преследовать. В их задачу входило спасение своих новейших линкоров, два из которых на их глазах уже превратились в разлетающийся по случайным векторам хлам, а экипажи двух оставшихся наверняка зывали о помощи, ведя бой с моими до противности назойливыми абордажными дронами.

– Командующий пятым ударным флотом просит на связь маршала Тобольского, – отправил я запрос на флагманский линкор Амундсен, все еще ведущий сражение у Грумбриджа-2.

Остатки пятого ударного находились за орбитой седьмой планеты, и моя тактическая проекция отражала состояние дел на высоких орбитах Грумбриджа-2 лишь в общем виде. Никто из находившихся там наших кораблей не вел трансляцию данных на мой линкор, а Пекин, куда такая информация как раз должна была идти, уже был покинут экипажем.

Ответа по командному каналу я не получил и повторил запрос на общей волне с просьбой сбросить мне информационный пакет.

– Линкор Титан, на связи командир крейсера Сент-Джорджес капитан

первого ранга Блейз, четвертый флот. Почему вы входите на связь от имени пятого ударного?

– Здесь майор Лавров. Адмирал флота Нельсон ранен и передал мне командование, каперанг Блэйз. Что с маршалом Тобольским? Мне нужен приказ на дальнейшие действия.

– С линкором Амундсен нет связи. Кварги прижали их к планете и ставят сильные помехи. Мы видим, что бой продолжается, но между остатками нашего флота и основными силами во главе с маршалом Тобольским сейчас корабли кваргов. Пятый ударный сможет пробиться к планете?

– Нет, – ответил я не задумываясь, – у нас нет ни одного боееспособного линкора, а два имеющихся крейсера еле дышат.

– А как же Титан?

– Боезапас полностью исчерпан. Каперанг, необходимо передать маршалу Тобольскому, что нужно немедленно уходить из системы. На орбите седьмой планеты сейчас находится группа из пятнадцати тяжелых вымпелов противника плюс авианосец и свора эсминцев. Пока они там заняты, но это ненадолго.

– А что с линкорами класса Титан?

– Два уничтожены, два небоеспособны. Забудьте о них, каперанг, надо спасать остатки флота.

– Но что мы можем предпринять? У меня здесь три крейсера, пять эсминцев и пустой авианосец, у вас дела не лучше.

– Мы должны имитировать атаку, отвлечь часть сил кваргов и облегчить главнокомандующему прорыв, – озвучил я совершенно безумный план, – У Титана нет снарядов и торпед, но враг об этом не знает.

– Хорошо, господин майор, четвертый флот принимает ваш план. Не могу уже стоять и смотреть, как гибнет флот Федерации. Прошу указать место наших кораблей в боевом порядке.

– Пятому флоту начать разгон к Грумбриджу-2. Навигатору рассчитать курс для прохода по касательной к орбите планеты с дальнейшим разгоном и уходом в прыжок, как только выйдем из зоны гравитационного ограничения. Четвертому флоту рассчитать маневр для соединения с нашими силами при подходе к планете.

Это было все, чем мы могли помочь остаткам флота Федерации. Ввязываться в реальный бой с нашими силами означало бы верное и, главное, совершенно бессмысленное самоубийство. Сейчас там, у Грумбриджа-2, враг располагал минимум тремя десятками тяжелых кораблей, к которым вот-вот должны были подойти еще пятнадцать.

Сколько сил осталось у маршала Тобольского, понять не представлялось возможным, но, судя по всему, уже не так много. Может пятнадцать линкоров, может двадцать. Не думаю, что меньше, иначе их бы уже раздавили.

Мы разгонялись, стремясь набрать скорость, которая обеспечит нам преимущество, когда мы проскочим точку наибольшего сближения с кораблями противника и начнем окончательный разгон для прыжка.

Кварги нас заметили. Со стороны наша группа выглядела вполне представительно, особенно с учетом Титана. Все-таки суперлинкор, силу которого враг неплохо представлял, пять крейсеров, и три авианосца с кораблями сопровождения не стоило игнорировать, если не хочется получить крепкий пинок под незащищенный зад.

По мере сближения с планетой наши сканеры вылавливали из каши помех все новые данные, но связи по-прежнему не было.

– Флоту прекратить разгон, озвучил я новый приказ. Командирским машинам с Невидимок один и два просочиться через боевые порядки противника и передать маршалу Тобольскому наше предложение о прорыве на соединение с четвертым и пятым флотами.

– Принято, господин командующий, – отозвался командир пилотов, – старт через три минуты.

Мы уже приближались к точке наибольшего сближения с планетой, когда нам наперерез выдвинулся отряд линкоров и крейсеров противника. Нас оценили достойно, комитет по встрече насчитывал пятнадцать тяжелых вымпелов, но мы, как и планировалось, бой принимать не стали, лишь крейсера обменялись с кваргами парой залпов на максимальной дистанции. Тем не менее, Принсипи не повезло. И так еле дышащий крейсер поймал снаряд от вражеского линкора и исчез в яркой вспышке взрыва. Можно было лишь напомнить себе в утешение, что большую часть команды с него заранее сняли мои транспорты.

Из пяти ушедших к Тобольскому истребителей вернулись три машины. Они сообщили, что в строю над планетой осталось еще четырнадцать боеспособных тяжелых кораблей, включая линкор Амундсен. Маршал Тобольский принял мое послание, но от прорыва отказался, заявив, что силы флота будут до конца защищать планету. Оценив полную бесполезность моих кораблей в бою, он передал мне приказ уходить в Солнечную систему. В чем-то я понимал президента. Наверное, он был неплохим человеком, но, прежде всего, он все-таки оставался политиком и прекрасно понимал, что если он бросит население Грумбриджа-2 на произвол судьбы, граждане Федерации ему этого не простят. К сожалению,

военную целесообразность верховный главнокомандующий учитывал далеко не в первую очередь, и, боюсь, теперь наши шансы упали еще ниже, чем после сражения за Барнард-3.

Я повернулся к системе связи и отдал свой последний приказ в этом сражении.

– Четвертому и пятому флотам начать разгон для прыжка из системы.

Бой у Грумбриджа-2 длился еще четыре часа. Мы узнали об этом в паузе между прыжками, приняв сигналы из системы от оставшихся там кораблей-разведчиков. Корабли сводного флота Федерации сражались до конца, но итог боя оказался предрешен. Внешние планеты кварги тоже захватили не сразу и оттуда неслись панические крики с просьбой о помощи. Нам оставалось только скрипеть зубами. После второго прыжка я не выдержал и, собрал виртуальное совещание старших офицеров четвертого и пятого флотов. Увидев лица командиров кораблей, я понял, что сделал это вовремя, поскольку у меня создалось впечатление, что половина из них вот прямо сейчас пойдет и застрелится из личного оружия. Это зрелище подтолкнуло меня к тому, чтобы изложить офицерам мой только что возникший и еще очень сырой план, в осуществимости которого я, честно сказать, сильно сомневался. Но, видимо, психологическое состояние моих подчиненных находилось на таком запредельно низком уровне, что критичность их мышления снизилась почти до нуля.

– Господин командующий, четвертый флот ждет постановки задачи, – мгновенно отреагировал на услышанное каперанг Блейз и его немедленно поддержали остальные командиры кораблей.

– Я не могу принять это решение без одобрения плана генштабом, – остудил я энтузиазм командира крейсера Сент-Джорджес и временного командующего остатками четвертого флота, – к тому же без помощи правительства Федерации мы не сможем ничего сделать. Сейчас я сформирую пакет для передачи министру обороны и начальнику генштаба, и мы все его подпишем. Остальное будет зависеть от решения командования.

* * *

О результате сражения за Грумбридж на Земле уже знали. Временно исполняющий обязанности верховного главнокомандующего генерал армии Бронштейн внешне сохранял спокойствие, но внутри пребывал в полной растерянности. К такому выверту судьбы он оказался совершенно не готов.

Старая армейская мудрость гласит: не знаешь, что делать – действуй по уставу, и министр начал действовать. Он вспомнил о существовании соответствующего такому случаю регламента и объявил сбор экстренного совместного совещания генштаба и правительства. Как раз перед его началом планшет Бронштейна подал сигнал о приеме информационного пакета по гиперсвязи от командующего пятым ударным флотом. Открывая совещание кратким вступительным словом, министр обороны уже не чувствовал растерянности. Он всегда был человеком действия, и пока поднимался по служебной лестнице от командира взвода до министра обороны, всегда имел в голове четкий план собственных поступков или ясный приказ, который требовалось выполнить. Чем выше он забирался наверх, тем чаще формировать приказы и отвечать за их исполнение подчиненными приходилось уже ему самому, но всегда, до последнего момента, существовал кто-то, направляющий его деятельность сверху и формирующий ту генеральную линию, которую Бронштейну нужно было лишь детализировать, довести до конкретных указаний подчиненным, а потом с пристрастием проконтролировать качество исполнения. В этом министр обороны достиг совершенства, но когда абсолютно неожиданно от него самого вдруг потребовалось сформировать эту самую генеральную линию, министр не нашел в себе на это сил. Привычный мир затрещал и покосился, грозя обрушиться и похоронить под обломками своих обитателей. Но сейчас, кратко пробежав глазами предложение группы офицеров четвертого и пятого флотов, а на самом деле, как четко понимал министр, план майора Лаврова, он увидел, что появился пусть не слишком большой, но реальный шанс вернуть все, как было.

По данным из системы Грумбридж часть экипажей с линкоров и крейсеров, погибших, защищая вторую планету, смогли эвакуироваться на поверхность с помощью малых кораблей. С высокой вероятностью среди них спустился вниз и маршал Тобольский, чтобы продолжать руководить обороной. Эта информация все меняла. Возможно, главнокомандующий жив, и вытащить его из захваченной системы прямая обязанность армии и флота. А тут как раз подвернулся Лавров с его безумным, иначе не скажешь, планом контратаки и эвакуации населения системы. Но несмотря на все кажущееся безумие, это был план, что-то такое, что реально можно воплотить в жизнь, а как Лавров умеет доводить до логического завершения совершеннейшие авантюры, Бронштейн уже не раз видел.

* * *

Боеприпасы перегружали на корабли прямо в открытом космосе. Пустая некогда точка пространства в трех переходах от Грумбриджа-1618 превратилась в гигантскую перевалочную базу. Транспорты РОК и ГВИ везли сюда командирские машины, носители абордажных дронов и торпеды, здесь же собирались в огромные конвои войсковые транспорты всех флотов Федерации. Несколько часов назад из прыжка тяжеломерно вывалились пятнадцать линкоров флота метрополии и заняли позиции по периметру хаотического трехмерного нагромождения кораблей и грузов, а новые корабли все прибывали. Торговые суда, десантные транспорты, авианосцы, эсминцы и крейсера, даже круизные и пассажирские лайнеры, в общем, все, что могло летать через гипер и перевозить людей. Время поджимало, и суета стояла отчаянная. Наверное хаос только набирал бы обороты, но министр обороны хорошо знал кто сможет взять процесс под контроль, и на третьи сутки к нам прибыл признанный гений службы тыла генерал армии Баррингтон, который, несмотря на почтенный возраст, как оказалось, не утратил своей хватки. Большое и важное дело способно дать человеку силы, но только тому, кто готов отдать ему всего себя, а генерал Баррингтон был как раз из таких людей, и дело пошло. Через семьдесят часов наш сводный флот разогнался и ушел в прыжок, положив этим начало операции, вошедшей в историю, как контрудар на Грумбридж.

Руководить операцией Бронштейн назначил адмирала флота Нельсона, успевшего оправиться от тяжелого сотрясения мозга. Нельсон же распределил роли сообразно своему собственному пониманию ситуации. Командование тяжелыми кораблями и легкими силами адмирал оставил за собой, весь флот десантных и войсковых транспортов передал под управление генерал-полковнику Князеву, а пять авианосцев и вновь загруженные дрон-торпедами Невидимки достались мне вместе с Титаном, превратившимся в мой летающий штаб, имевший из оружия только пять звеньев дрон-торпед, так как снарядов для его огромных пушек у нас все равно не было. В этот раз наш флот имел и четвертый компонент – огромную флотилию гражданских транспортных судов, общее управление которой принял мастер логистики генерал армии Баррингтон.

Перед самым уходом в прыжок к нашему флоту прибыл мой друг-разведчик майор Мбиа со своими людьми. Сразу после одобрения представленного министру обороны плана я отправил ему короткое сообщение: «Мбиа, намечается та самая вечеринка. Билет за лучшим столиком тебе заказан. Майор Лавров», а Нельсона попросил выдернуть майора и его людей с текущего места службы для участия в нашей операции. Нельсон выслушал меня, кивнул и отправился заниматься

дальнейшей подготовкой к вылету, но просьбу выполнил в точности.

И вот теперь первыми на окраину системы отправились три корабля-разведчика под командованием Юн Гао с подразделением Мбиа на борту. Задача перед ними стояла весьма непростая, им предписывалось оценить общую обстановку в системе, скрытно высадиться на Грумбридж-2 и попытаться вступить в контакт с войсками Федерации или местными жителями для выяснения судьбы президента. Масштабные боевые действия на поверхности планет системы прекратились уже дней пять назад. Организованное сопротивление кварги подавили, но на подобные случаи на колонизированных планетах, особенно на периферии Федерации, заранее создавалась сеть неплохо замаскированных подземных убежищ, куда могли отступить войска и часть гражданского населения. На этом и строился наш расчет.

На связь планеты и внешние поселения Грумбриджа последний раз выходили трое суток назад. Они звали на помощь и сообщали, что кварги активно зачищают все освоенные людьми небесные тела и захватывают пространственные промышленные объекты. Потом передатчики замолчали, а в системе остались только несколько малых разведывательных кораблей, но и они вскоре вынуждены были оттянуться далеко за орбиту Грумбриджа-9 из-за резкого повышения вероятности быть обнаруженными. По последним данным количество линкоров и крейсеров противника в системе несколько уменьшилось. Часть из них ушли, сопровождая разгоняемые буксирами гигантские линкоры, сильно поврежденные и потерявшие ход в бою с нашим флотом. Зато кварги нагнали к Грумбриджу целую свору малых кораблей, значительная часть которых являлась патрульными корветами, специально заточенными на вылавливание разведчиков противника.

Мой план строился на очевидной неготовности врага к эффективному противодействию нашему новому торпедному оружию. К сожалению, мы располагали очень ограниченным количеством дрон-торпед и носителей для них. Я предложил выгрести все, что уже успели произвести ГВИ и РОК и оснастить новым оружием все корабли, способные его нести. Помимо Невидимок на эту роль неплохо подходили авианосцы. Дрон-торпеды практически не отличались по габаритам от истребителей, да и по конструкции во многом на них походили, как, впрочем, и командирские машины торпедных звеньев, которые тоже разрабатывались на базе стандартного истребителя. В результате больше половины места на пяти наших авианосцах заняли именно дрон-торпеды, разместившиеся в стартовых катапультах вместо погибших торпедоносцев и истребителей.

Наши силы однозначно не могли рассчитывать на возврат системы под контроль Федерации, но такая цель и не ставилась, за явной нереальностью. Мы собирались отбить у врага планеты и продержаться некоторое время, необходимое для эвакуации гражданского населения, сумевших выжить войск и лично президента Тобольского. Собственно, именно для целей невиданной по масштабам эвакуации и тащился за нами гигантский хвост гражданских транспортных кораблей во главе с генералом Баррингтоном.

Доклад от Юн Гао пришел сразу после нашего выхода из прыжка к Грумбриджу. Противник разместил свои тяжелые корабли в непосредственной близости от трех основных планет, видимо для того, чтобы они всегда могли оперативно прийти на помощь наземным войскам в случае очередной партизанской вылазки укрывшихся под землей остатков планетарных сил Федерации. Разведчики насчитали три десятка линкоров, двадцать шесть крейсеров и, что меня очень напрягло, восемь авианосцев. Тяжелые корабли меня не особо смущали. В одиночку они плохо противостояли торпедной атаке, а ведь именно дрон-торпеды я хотел использовать как главную ударную силу, но авианосцы... Прорываться через плотную завесу истребителей к линкорам врага означало терять торпеды еще до выхода на рубеж атаки, а запас этого оружия у меня был весьма ограничен. Я уже собирался вызвать флагманский линкор Бриджтаун, но Нельсон вышел на связь сам.

– Майор, сегодня наш оркестр играет для вас – образно описал ситуацию адмирал, – дислокацию противника вы видите. Что вам нужно, чтобы эффективность применения ваших торпед достигла максимума?

– Нужно нейтрализовать авианосцы, господин адмирал флота, – тут же отозвался я, – они могут спутать нам все карты. Истребителей у нас раза в четыре меньше, чем у противника, и, боюсь, они не справятся с прикрытием волны торпед.

Нельсон задумался.

– Семнадцать моих линкоров и десятков крейсеров, – наконец произнес он, – в прямой атаке не смогут обеспечить прорыв эсминцев к вражеским авианосцам, просто сил не хватит, а корабли будут потеряны. Нужен другой вариант.

– Нам в любом случае придется атаковать планеты, – решил я изложить адмиралу свои соображения, – и начинать нужно с Грумбриджа-2. На эвакуацию людей оттуда уйдет больше всего времени. Но прежде чем мы пойдем на штурм всерьез, я бы предложил флоту разделиться. Если присоединить Титан и все пять моих авианосцев к

вашим тяжелым кораблям, получится эскадра, отбиться от которой в одиночку не сможет ни одна из групп противника, прикрывающих планеты. Естественно, они вынуждены будут объединиться, и помешать этому мы не сможем, но для врага это маневр через половину системы. Авианосцы у них висят отдельной группой под охраной эсминцев и всего двух линкоров. В принципе, это логично, ведь для поддержки наземных сил авианосцы не нужны, но такая ситуация нам на руку. Мои Невидимки разрабатывались для рейда в глубокий тыл противника, и, соответственно, оборудованы лучшими комплексами РЭБ, какие только можно найти в Федерации. У кваргов ничего подобного точно нет.

– Вы хотите сначала ударить по авианосцам вашими торпедами? – в голосе адмирала зазвучало сомнение, – вы так уверены, что Невидимки смогут подобраться к ним незамеченными? Что-то я сомневаюсь, майор. Кварги сейчас настороже и с крепко накрученными начальством хвостами, а окрестности точки дислокации авианосцев наверняка тщательно патрулируются. Невидимки не пройдут, слишком они крупные, никакая маскировка не поможет.

– Совершенно с вами согласен, господин адмирал флота, – кивнул я головой, – но мы и не будем лезть к ним в зубы, мы сами заставим их выйти на нас, вот здесь, – и я указал на тактической голограмме нужную точку, – Между третьим и пятым Грумбриджем есть не слишком плотный пояс астероидов. Там ничего нет, и никому он не интересен, кроме нас, а нам он нужен как место, где смогут спрятаться Невидимки. Они отделятся от нашей эскадры, уйдут из плоскости эклиптики и по большой дуге вернутся в нее уже в нужной точке, в поясе астероидов. Сеть патрулей там если и имеется, то совсем не такая плотная, как вокруг узловых пунктов обороны противника. Невидимки заранее выпустят дрон-торпеды и командирские машины, и те неподвижно зависнут в пустоте с выключенными двигателями чуть в стороне от кратчайшего пути авианосцев к Грумбриджу-2, а корабли-носители спрячутся в поясе астероидов и подберут командирские машины после того, как они нанесут удар по проходящему мимо противнику. Неподвижную торпеду или истребитель при наших средствах маскировки обнаружить очень непросто, да и не до тщательной разведки маршрута будет кваргам в этот момент, поскольку наша основная эскадра начнет имитацию атаки на Грумбридж-2 с противоположной стороны от места дислокации авианосцев. Кварги помнят, что совсем недавно стало с оставленными без прикрытия москитного флота тяжелыми кораблями, и будут стремиться соединиться с эскадрой, прикрывающей вторую планету, как можно скорее, так что шанс

на успех, на мой взгляд, есть.

– Что вы понимаете под имитацией атаки? – спросил Нельсон, – в чем будет ее отличие от настоящего удара?

– Нам нужно оставить за собой возможность быстро выйти из боя в случае провала акции по перехвату авианосцев. В ее успехе нет стопроцентной уверенности, господин адмирал флота. Если авианесущие корабли смогут соединиться с тяжелыми вымпелами врага и прикрыть их плотной завесой своих истребителей, атака нашей эскадры станет просто красивым самоубийством или, в лучшем случае, обернется тяжелыми потерями с непредсказуемым результатом. В этом случае мы будем вынуждены уклониться от боя, поскольку потерять последнюю серьезную флотскую группировку мы не имеем никакого права.

Адмирал потер рукой подбородок, сомнения все еще не оставляли его, но, видимо, вспомнив, что времени на раздумья практически нет, он посмотрел мне прямо в глаза.

– Готовьте ваших Невидимок, майор, – озвучил свое решение Нельсон, – вам требуется помощь в организации перехвата?

– Мне нужно несколько малых разведчиков, которые смогут подобрать выживших пилотов командирских машин в случае неудачи операции и гибели Невидимок.

Нельсон молча кивнул и отключился.

* * *

Командовать отправленными в пояс астероидов Невидимками я поручил капитану второго ранга Матвееву. Он ходил со мной в рейд к верфям кваргов, и я мог быть уверен в этом офицере. Сам же я вместе с Титаном, авианосцами и одиннадцатью оставшимися в моем распоряжении Невидимками присоединился к демонстративной атаке, начатой адмиралом Нельсоном сразу после получения сигнала о выходе группы Матвеева на позицию.

Шли мы красиво, классическим строем, соблюдая все предписанные боевым уставом меры маскировки и разведки, то есть честно изображали намерение отбить Грумбридж-2 бесхитростным лобовым ударом, в общем, вполне оправданным, если у атакующего большой перевес в силах. У нас перевес наличествовал, но только до момента, когда к противнику подойдут эскадры от третьей и пятой планет и группа авианосцев. Кварги понимали, что успеют совершить перегруппировку раньше, чем мы достигнем цели

атаки, но запас времени у них оказался минимальным, поэтому решение они приняли почти мгновенно, благо единоначалие у противника практиковалось в куда более гипертрофированной форме, чем в нашей армии, что увеличивало скорость принятия решений, но не всегда способствовало их должному качеству.

Эскадры кваргов пришли в движение. Оставив по паре крейсеров у третьей и пятой планет, они дружно легли на курс к Грумбриджу-2. Авианосцы тоже задерживаться не стали и бодро начали разгон ко второй планете. Нам оставалось только ждать и изображать из себя героев, с отчаянием обреченных бросающихся на заведомо более сильного врага, предпочитая смерть в бою позору поражения. Ну, мы, в меру сил, эту роль и исполняли.

* * *

Капитан второго ранга Матвеев спрятал Невидимок за безымянной каменной глыбой, имеющей, конечно, какой-то номер в каталоге небесных тел системы Грумбридж-1618, но вряд ли когда-либо достаивавшейся такого массового посещения людьми. Что ж, каменюке повезло, теперь при известной удаче она имела шанс получить собственное имя.

Авианосцы приближались. Впереди, прощупывая путь сканерами, двигались эсминцы и корветы. Их компьютеры собирали и обрабатывали данные, поступающие не только со сканеров самих кораблей, но и с патрульных судов и стационарных постов, которых, правда, в этом районе космоса было не так и много. На некотором отдалении от легких сил солидно рассекали пространство два линкора, а уже за ними строем, напоминаящим куб, двигались восемь авианосцев.

Пилоты командирских машин ждали приказа на запуск дрон-торпед. Они отлично видели противника, работающие на максимальных режимах двигатели не способствуют маскировке, да и размеры кораблей врага не позволяли ему надеяться на высокую незаметность. Матвеев выжидал. Размещенные на поверхности астероида пассивные сканеры позволяли ему наблюдать пролет эскадры кваргов во всех подробностях. Проскользнули и скрылись в черноте космоса быстрые эсминцы и корветы, на траверзе показались линкоры...

Все-таки кварги неплохо умели воевать и глупостей, как правило, не совершали. Вот и сейчас, несмотря на спешку и явную нехватку времени, боковые дозоры они выделить не забыли, и когда до расчетного времени

старта торпед оставалось чуть меньше минуты, корвет, идущий сбоку, на приличном удалении от строя авианосцев, зацепил своим сканером неясную ускользящую цель. Командир вражеского корабля оказался исполнительным и хорошо мотивированным офицером, отлично знающим свое дело. Резкий маневр и перенастройка сканеров с широкополосного поиска на фокусированное излучение позволил корвету захватить в прицел неподвижно висящую в пространстве дрон-торпеду. К сожалению для командира корвета, это оказался последний успех в его жизни, поскольку поняв, что засада обнаружена, кавторанг Матвеев отдал приказ на немедленную атаку, и прыгнув вперед на форсаже хищная рыбина дрон-торпеды почти мгновенно настигла излешне старательный дозорный корабль, не успевший даже отреагировать на угрозу из-за слишком короткой дистанции атаки.

Тем не менее, назвать успехом уничтожение вражеского корвета было никак нельзя. Конечно, элемент внезапности не был утрачен полностью, но атаку пришлось начать на большей дистанции, чем предписывалось первоначальным планом. Четыре невидимки несли в общей сложности двести дрон-торпед, управляемых двадцатью командирскими машинами. Сейчас вся эта армада пришла в движение и устремилась к вражеским авианосцам. На их пути оказались только пара корветов и один эсминец, огневой мощи которых было явно недостаточно для того, чтобы остановить смертельную волну, накатывающую на охраняемые корабли, но авианосцы и сами не были безоружными. Выпустить истребители они не успели, хоть и попытались это сделать, но заранее предупрежденные об атаке операторы зенитных комплексов смогли организовать торпедам горячую встречу, тем более, что помимо данных, получаемых от собственных сканеров, они всю пользовались целеуказанием с эсминца и корветов, пока те не превратились в огненные шары, поймав бортом по торпед.

Авианосцы сломали строй, пытаясь с помощью маневра удлинить путь торпедам и дать больше времени своим зенитчикам на огневое противодействие. Отчасти им это удалось, до рубежа автономной атаки добралось меньше трети торпед.

С кораблей основной эскадры подробности боя наблюдать было невозможно, но неподвижно висевшие среди глыб пояса астероидов малые разведчики вели запись, которую впоследствии я не раз просматривал и анализировал. Избежать попаданий не удалось ни одному авианосцу, но два из них ухитрились поймать всего по одной торпедой и не получить критических повреждений. Четыре корабля, оказавшихся ближе всех к позиции торпед, буквально разнесло в клочья не менее чем десятью

попаданиями в каждый. Еще два авианосца получили серьезные повреждения, но хода лишился только один. Кваргов потери не остановили, и оставив один из линкоров и пять корветов охранять потерявший ход корабль, эскадра противника продолжила движение к Грумбриджу-2.

Именно лишившийся хода авианосец и стоил в итоге жизни капитану второго ранга Матвееву и его людям. Бросившиеся обшаривать окрестный космос корветы противника не обошли вниманием каменные глыбы недалекого пояса астероидов и довольно быстро обнаружили Невидимок, никак не рассчитанных на то, что их будут специально искать в ограниченном пространстве. Матвеев, конечно, пытался уйти, но разъяренные гибелью половины своих авианосцев кварги быстро догнали и уничтожили почти безоружные транспорты.

Спустя несколько часов, когда дрейфующий по инерции авианосец и его эскорт отделились на достаточное расстояние, прятавшиеся среди астероидов малые разведчики нашли уцелевшие командирские машины и подобрали их пилотов. Из почти сотни человек, участвовавших в этой операции, уцелели пятнадцать, но свою задачу они выполнили.

Каменная глыба, за которой прятались Невидимки, так и осталась безымянной, хоть и удостоилась обелиска с именами восьмидесяти трех погибших в этой операции, но после освобождения системы именем капитана второго ранга Матвеева был назван весь пояс астероидов между третьей и пятой планетами.

* * *

Сжатый информационный пакет от Юн Гао мы получили на полпути к Грумбриджу-2. Разведчик докладывал, что успешно вышел на подступы к планете, и люди майора Мбиа покинули его корабли в десантных ботах. Мы разыграли ту же карту, что и в операции по спасению группы ученых с астероида в системе звезды Глизе-338, но уже на новом уровне средств маскировки. На этот раз комплексы РЭБ десантных ботов и экипировка разведчиков имели в основе наши процессоры, созданные с помощью знаний, упакованных в мой мозг незабвенным доктором Силком.

По плану операции майор Мбиа и его люди должны были скрытно высадиться на Грумбридж-2, еще не до конца очищенный врагом от наших войск, и проверить несколько десятков известных нам мест, где находились наиболее крупные и хорошо защищенные подземные убежища, в одном из которых по нашим предположениям мог скрываться президент. В случае

успеха Мбиа следовало передать верховному главнокомандующему наш план и при начале десантной операции сообщить нам точное местонахождение Тобольского.

Теперь, пока мы не очистим от кваргов низкие орбиты, связи с группой Мбиа не будет, и мы ничем не сможем помочь майору и его людям, но после Лейтена-5 и Глизе я полностью доверял майору и был убежден, что если президент жив, Мбиа его найдет.

* * *

Кварги не стали жаться к планете. Преимущество в количестве тяжелых кораблей давало противнику уверенность в победе, особенно с учетом успевших-таки подойти до начала сражения трех авианосцев и эскадр от третьей и пятой планет. Возможно, кваргов немного смущал Титан, но он был один, и противник знал, что мой линкор получил в предыдущем бою довольно серьезные повреждения, исправить которые за столь короткое время никто бы не смог.

Нельсон сомневался. Результат атаки на группу авианосцев противника выглядел неоднозначно. С одной стороны, она закончилась явным успехом ввиду совершенно несопоставимых потерь сторон, но при этом три авианосца уцелели и даже с учетом повреждений все еще могли выставить больше истребителей, чем имелось у нас.

– Майор, – вызвал меня на связь адмирал, – ваши люди смогут нанести эффективный удар торпедами при таком соотношении сил?

– Это лучше, чем было, господин адмирал флота, – несколько уклончиво ответил я, – но все еще очень опасно. Многое зависит от случая, а полагаться на него не очень бы не хотелось.

– У вас есть пятнадцать минут на принятие решения, потом начнется бой и удар придется наносить в любом случае. Никаких вариантов уже не будет.

– Через десять минут я представлю вам свой план, господин адмирал флота, – твердо произнес я, не испытывая на самом деле никакой уверенности.

Боевой ордер кваргов уже неплохо просматривался и напоминал выпуклую линзу, обращенная к нам поверхность которой состояла из тяжелых кораблей, причем самые мощные из них стояли ближе к центру. Ни одного линкора класса Титан я в их строю не видел, и это меня очень радовало. За тяжелыми кораблями на приличном расстоянии скрывались

авианосцы, щедро прикрытые эсминцами и корветами от возможных попыток наших легких сил обогнуть строй линкоров и крейсеров и ударить с тыла по нежным авианесущим кораблям.

Я попытался представить себе ход предстоящего боя. Вот мы сходимся на расстояние эффективного огня из орудий линкоров. Стоять под снарядами кваргов Нельсон долго не станет, поскольку дело это крайне бесперспективное, учитывая перевес противника. Стало быть почти сразу нужно будет выпускать мои торпеды и под прикрытием истребителей с авианосцев пытаться достать ими тяжелые корабли кваргов. Собственно, об этом Нельсон и говорил, утверждая, что после начала боя других вариантов не будет. Очевидно, что противник это тоже понимает, а значит заранее поднимет с авианосцев mosquito флот и выведет его практически в боевые порядки линкоров. Там истребителям почти ничто не угрожает, пока не прилетит наша мелочь, а ее-то они там и будут ждать, одновременно стремясь сбить наши торпеды и передавая на линкоры и крейсера данные своих сканеров для наведения их зенитных систем. Как это бывает, мы уже недавно видели и больше не хочется.

Большая часть моих дрон-торпед базировалась на авианосцах вместе с командирскими машинами и стандартными флотскими истребителями. Авианосец – штука большая, не особо маневренная и очень хорошо видимая любыми сканерами, а значит, ко всяким военным хитростям слабо приспособленная, так что и не будем пытаться заставить слона танцевать брейк в посудной лавке, ибо себе дороже. Но! Помимо авианосцев у меня есть Невидимки. Пытаться обойти ими строй противника и выпустить торпеды с неожиданного угла, где нет истребителей, конечно, очень соблазнительно, вот только не прокатит. Не хватит Невидимкам маскировочных способностей, это ведь не в засаде неподвижно висеть, прикрывшись комплексами РЭБ, тут маневрировать придется, причем довольно активно. То есть получается, что бить надо с фронта, когда невидимки стоят за спинами тяжелых кораблей, их не видно и им ничто не угрожает. Причем ключевыми словами здесь являются «их не видно».

Я вызвал флагман. Нельсон немедленно откликнулся, до огневого контакта эскадр оставалось семь минут. Выслушав мой план, Нельсон секунд тридцать напряженно его обдумывал, после чего бросил мне: «Действуйте, майор» и отключился. Адмиралу еще требовалось успеть все организовать до выхода на рубеж атаки.

Наш боевой ордер вздрогнул и перекосячился. Выполняя приказ адмирала, тяжелые корабли начали менять позиции, перемещая наиболее мощные и опасные для противника вымпелы из центра к условно нижнему

краю строя. Авианосцам я отдал приказ сместиться туда же, а всем одиннадцати невидимкам, наоборот, подняться вверх, прикрыться тяжелыми кораблями и не ерзать без крайней необходимости, сохраняя режим максимальной маскировки.

Кварги на наши конвульсии никак не реагировали, сохраняя свое построение неизменным. Наш флот начал торможение, поскольку сшибаться на встречных курсах с численно превосходящим противником нам как-то не улыбалось. Первые залпы прозвучали с максимальной дистанции и не принесли результатов ни одной из сторон, но я не стал дожидаться, когда эффективность огня повысится и как только расстояние позволило задействовать москитный флот, отдал команду:

– Авианосцам поднять истребители. Задача – прикрыть дрон-торпеды от атак истребителей кваргов и обеспечить их прорыв к линкорам нижнего края боевого ордера противника. Торпедным звеньям, старт через три минуты после истребителей. Пилотам командирских машин принять распределение целей, – и я отправил поводьям торпед соответствующие файлы.

Я знал, что в эту же минуту адмирал Нельсон ставит задачу своим лучшим линкорам обозначить попытку прорыва через брешь в строю противника, которую должны пробить торпеды. Я очень надеялся, что кварги оценят угрозу, ведь такой прорыв вывел бы наши лучшие линкоры к слабо защищенным кораблям внутренней части их строя. Вместе с тем, попытка осуществить такой удар в качестве основного плана не просто граничила бы с авантюрой, а, собственно, ею бы и стала. Ослабление центра собственного строя и постановка главных сил флота под практически неизбежный фланговый удар мощной центральной группы кораблей врага сводили все возможные выгоды такого решения на нет и почти наверняка поставили бы флот в катастрофическое положение, но я надеялся, что кварги поверят и воспримут этот маневр, как жест отчаяния более слабого противника.

На самом деле, от всей этой затеи с имитацией прорыва мне нужно было только одно, чтобы противник задействовал для отражения удара торпед, стартовавших с авианосцев, все свои истребители. Для этого я хотел создать у кваргов иллюзию возможности эффектной победы, для которой всего лишь надо не допустить серьезных потерь тяжелых кораблей от первого и, скорее всего, единственного мощного торпедного удара людей. Кварги уже видели это оружие в деле и знали его сильные и слабые стороны, и я был уверен, что они постараются по максимуму использовать уязвимость дрон-торпед при атаках истребителей.

Я смотрел на тактическую проекцию и ждал, когда же кварги начнут реагировать на явную угрозу. Волна наших истребителей уже практически достигла строя противника. Пока они несли лишь незначительные потери от заградительного огня линкоров, который никогда эффективностью не отличался. Почти вплотную за истребителями двигались отметки дрон-торпед, ведомых командирскими машинами. Они пока вообще потерь не имели, как более трудные цели в плане обнаружения и наведения, но вот от строя кваргов оторвалась густая цепь отметок вражеских истребителей практически сразу схлестнувшихся с нашими пилотами во встречном бою. Потери с обеих сторон сразу стали множиться, но кваргов все же было явно больше. Они прорвались сквозь строй наших машин и начали охоту за торпедами, что оказалось задачей весьма непростой, поскольку даже захватив цель своей системой наведения пилот-кварг постоянно рисковал сбоем захвата, профессор Штейн и Джефф свой хлеб ели не зря. Тем не менее, потери дрон-торпед росли и компьютерная экстраполяция показывала, что до целей доберутся от силы две из десяти.

При первых же вспышках попаданий на корпусах вражеских тяжелых кораблей наш строй дрогнул и семь лучших линкоров Нельсона в сопровождении нескольких крейсеров рванулись к нижнему краю строя кваргов, имитируя попытку развить успех и прорваться сквозь брешь во вражеском построении. Результат торпедного залпа оказался достаточно скромным. В целом москитным силам кваргов и зенитным системам их линкоров удалось его отразить, но три тяжелых корабля все же исчезли во вспышках взрывов и еще семь линкоров получили достаточно серьезные повреждения. Вероятность успешного прорыва наших кораблей внутрь строя врага при таком раскладе представлялась невысокой, но командующий кваргов решил не рисковать и развернул центральную группировку своих кораблей для парирования назревающего удара.

В моей голове звякнул предупреждающий колокольчик и внутренний голос произнес слово «пора».

– Невидимкам полный торпедный залп, – отдал я главный свой приказ в этом сражении.

Цели были давно распределены, и теперь пятьсот пятьдесят дрон-торпед обогнали строй наших линкоров и ринулись к совершающим перестроение кораблям врага. Кварги пока их не видели. Основное внимание противника сейчас было приковано к идущим в безнадежную атаку линкорам людей. Все торпеды, выпущенные с авианосцев, к этому моменту уже либо достигли целей, либо были сбиты, но собачья свалка истребителей продолжалась. Я не давал нашим пилотам приказ на

возвращение, они мне были нужны там, в нижней части строя врага, чтобы приковывать к себе москитный флот противника.

Мы начали терять корабли, имитирующие прорыв. Возглавлявший наш строй новейший линкор Сеул одновременно получил несколько попаданий и взорвался. Шедший чуть позади Тхимпху вывалился из строя, теряя фрагменты обшивки и паря мгновенно замерзающими выбросами газов из пробоев.

– Майор, корабли нужно отзывать, – услышал я рык Нельсона по системе связи.

– Еще две минуты, господин адмирал флота, – твердо ответил я, – иначе все будет зря. Процесс должен войти в необратимую стадию.

Мне казалось, что я слышу скрип зубов Нельсона. Адмирал смотрел на тактическую проекцию, отражавшую избиение лучших кораблей его флота и молча сжимал кулаки. Наверное, он мог бы убить меня сейчас, окажись я рядом. Когда взорвался поврежденный Тхимпху, в уголке рта адмирала показалась капля крови, он не заметил, как прикусил губу. Но линкоры продолжали атаку, а с губ адмирала не сорвалось ни звука, пока не истекли две минуты. Возможно, я нажил себе смертельного врага, но Нельсон не нарушил заранее согласованный план. Когда пять изрядно побитых, но сохранивших боеспособность линкоров резко сменили курс, уходя ниже строя противника с приказом разорвать дистанцию и по дуге вернуться в наш строй, кваргам стало не до преследования отступающих кораблей.

Дрон-торпеды вышли на рубеж атаки. Пространство перед линкорами и крейсерами кваргов расцветилось вспышками выходящих на форсаж двигателей. Зенитные системы, слишком поздно обнаружившие угрозу, разразились длинными очередями снарядов и пусками зенитных ракет, но они имели слишком мало времени для захвата столь быстрых и хаотично маневрирующих целей, еще и постоянно стряхивающих захват средствами радиоэлектронной борьбы. Лучшие линкоры противника один за другим покрывались вспышками попаданий. Некоторые из них взрывались, но чаще раскалывались на части, заполняя пространство вокруг себя бесформенными обломками.

Ситуация полностью перевернулась. Одновременная гибель двадцати трех тяжелых кораблей, большую часть из которых составляли наиболее мощные линкоры, имела для кваргов катастрофические последствия. Видя происходящее, Нельсон изменил приказ пяти выходящим из боя линкорам и вновь направил их вглубь строя противника, одновременно приводя в движение остальные корабли своей эскадры. Артиллерийский бой вспыхнул с новой силой, но теперь плотность огня безоговорочно была на

стороне людей, и кварги не выдержали. Сохранившие ход корабли начали отступление. Кварги отходили, сохраняя порядок и продолжая отстреливаться, чем вызывали невольное уважение, не всякий флот Федерации после такого разгрома смог бы сохранить управляемость. Тем не менее, разгром от этого меньшим не становился, особенно после того, как кварги потеряли два из трех оставшихся у них авианосцев. Вот только и мы потеряли немало. Из двадцати семи тяжелых кораблей в строю осталось семнадцать, причем многие из уцелевших линкоров и крейсеров требовали серьезного ремонта в доках. Но самое страшное, на мой взгляд, заключалось в том, что наша эскадра израсходовала почти все торпеды, за исключением пятидесяти штук, оставленных мной на Титане в качестве последнего резерва, а общее количество уцелевших истребителей на всех пяти авианосцах не дотягивало и до сотни.

Тем не менее, кварги отступили, перестроились в походный порядок, разогнались и совершили прыжок из системы. В том, что они вернутся, и весьма скоро, никто из нас не сомневался, а встретить их нам будет практически нечем. Но здесь и сейчас мы победили. Под нами лежал Грумбридж-2, к которому уже стягивались десантные транспорты генерала Князева, а флоту еще предстояло пробить для десанта дорогу, подавив наземные противоорбитальные средства противника, что, правда, представлялось уже чисто технической задачей.

– Поздравляю, майор, свою задачу вы выполнили превосходно, – оторвал меня от размышлений голос адмирала Нельсона, – Авианосцы я у вас забираю, они вам больше, как я понимаю, не требуются.

– Так точно, господин адмирал флота, они свое дело сделали на сто процентов. Поздравляю вас с победой.

– Спасибо, майор, – не слишком радостно ответил Нельсон, – еще одна такая победа и флот Федерации прекратит свое существование, но вы правы, задачу мы выполнили, в системе теперь осталась работа только для Князева и Баррингтона.

– Не совсем, господин адмирал флота, – чуть улыбнулся я, – посмотрите на мою форму. Неужели вы думаете, что у майора-десантника, которому достался в управление корабль такого размера, не найдется в трюмах места для десятка тяжелых боевых роботов и средств их доставки на планету?

Я ничуть не лукавил. Джефф буквально превзошел сам себя, работая над поставленной мной задачей по созданию системы управления беспилотными планетарными роботами с орбиты. Он присутствовал при моем разговоре с Ингой и слышал, что я обещал ей подразделение таких

машин. Видимо, помня, что бывает, когда он не выполняет обещания, данные курсанту Яковлевой, главный инженер решил, что и командиру тоже не стоит тянуть с выполнением того, что он поспешил наобещать старшему лейтенанту Инге Котовой. Так или иначе, роботы ждали в трюме, упакованные в десантные боты, а системы управления к ним разместились в отдельном ангаре, рядом с каютами моих бывших сослуживцев по учебному взводу. И технику, и пилотов к ней нам привезли во время подготовки к контрудару. Джеффу удалось так быстро справиться с подготовкой первой партии из десяти машин, поскольку за основу он взял все тех же трофейных Мамонтов, которых мы с массой спецэффектов демонстрировали господам генералам на полигоне ВВУ Планетарного десанта. Ну что ж, пусть трофейная техника послужит нам еще раз, тем более, что пара-тройка из этих роботов воюют с нами еще со времен Лейтена-5 и могут, наверное, уже считаться талисманами, приносящими удачу.

– Майор, – строго посмотрел на меня Нельсон, – я не могу отпустить вас на планету. Вы, конечно, десантник, причем, как я успел убедиться, десантник весьма неплохой, но здесь и сейчас вы для меня командир линкора Титан. Если с вами что-то случится там внизу, кто поведет ваш корабль домой?

– Не беспокойтесь, господин адмирал флота. Борт Титана я не покину, – заверил я Нельсона, – роботы справятся и без моего личного присутствия на планете.

– Тогда я не возражаю, – не стал вдаваться в подробности адмирал, переключаясь на управление действиями флота – Линкорам Дили, Канберра, Лилонгве и Банги занять на низких орбитах позиции, указанные генерал-полковником Князевым, и подавить наземные ракетные батареи противника.

* * *

Мбиа вышел со мной на связь сразу, как только мы взяли под контроль низкие орбиты Грумбриджа-2.

– Игорь, – отбросив формальности, – сразу перешел разведчик к сути, – дело обстоит не лучшим образом. Президент серьезно ранен и находится сейчас в небольшом убежище, наспех созданном уже во время атаки кваргов. С главнокомандующим взвод его личной охраны и еще человек пятьдесят сборной солянки из экипажей погибших кораблей,

остатков планетарных сил, сумевших оторваться от преследования во время штурма планеты, и даже просто местных жителей. Пробраться к Тобольскому нам не удалось, там вокруг везде шныряют кварги. Их вообще здесь немеряно, вся планета набита войсками. Видимо, хотели быстро подавить сопротивление, нагнали тучу солдат и техники, а эвакуировать не успели.

– Не просто не успели, а даже и не пытались, – поправил я разведчика, – кварги были уверены в победе в космосе и считали, что наземным войскам ничто не угрожает.

– Тогда понятно, – согласился Мбиа, – смотри, проблема в том, что в непосредственной близости от убежища президента кварги организовали мощный узел обороны. Его бы с орбиты хорошенько обработать, но можно случайно накрыть бункер, да даже не бункер, а времянку, по сути. Я с трудом понимаю, как кварги его еще не обнаружили, но, видимо, у личной охраны Тобольского нашлись неплохие средства маскировки. Убежище находится в подвале полуразрушенного строения вроде вещевого склада или еще чего-то такого. Использовать эти руины в своих целях кварги, вроде, не пытались, но обнаружить вход они могут в любую минуту. Нужно торопиться.

– Я немедленно доложу командующему, – заверил я Мбиа, – у тебя есть связь с убежищем?

– Крайне нерегулярная. Мы обмениваемся сжатыми узконаправленными инфопакетами, но они опасаются себя обнаружить и отвечают далеко не сразу.

– Понял тебя, Андре. Держи меня в курсе. Удачи.

– Спасибо, командир.

Нельсон выслушал мой доклад и практически сразу перенаправил его командующему десантной операцией генерал-полковнику Князеву. Генерал, в свойственной ему манере, долго размышлять не стал. Сила в его подчинении в этот раз собралась огромная и, несмотря на внушительность вражеской группировки на планете, не оставляла сомнений в том, чья в итоге возьмет.

– Так! – начал Князев, – господин адмирал флота, прошу обеспечить моим войскам безопасный коридор вот в эти зоны, – и генерал указал на тактической проекции четыре района, расположенных вокруг убежища президента на расстоянии около двухсот километров. Отсюда мы организуем наземные удары в сторону узла обороны противника. Тяжелое оружие применять будем весьма ограничено. Это исключит случайное разрушение убежища или нарушение его маскировки, но увеличит потери.

Поэтому для данной операции мы используем дронов майора Лаврова. В мой корпус как раз поступил полк таких машин. Заодно испытаем их в настоящем деле, а то пока они ни разу массово в бою не применялись.

– Господин генерал-полковник, разрешите предложение?

– Давай майор, тебе можно.

– У меня на борту Титана есть полудивизион тяжелых роботов Мамонт, тех самых, вы их уже видели на Ганимеде.

– Хочешь поучаствовать? – усмехнулся генерал, – а то, я смотрю, тебе скоро форму в синий цвет перекрашивать надо будет, все больше линкором командуешь.

– Так точно, господин генерал-полковник, хотел бы принять участие в атаке, вот только мои машины можно совсем не жалеть. В вашем полку командирские роботы все-таки пилотируемые, а мои Мамонты полностью беспилотные, операторы будут ими с орбиты управлять, так что можно их бросить на самый сложный участок в первой волне.

– О как! – Князев явно был доволен услышанным, – Вот на это я посмотрю с большим удовольствием. Полковника Буланже на связь, – скомандовал генерал.

* * *

Уж на что я в своей прошлой жизни насмотрелся вдоволь, так это на высадку десанта на планеты. Военная специальность, она обязывает, но такой масштаб этого действия впечатлил даже меня. Когда сравнимого по уровню развития противника требуется задавить быстро, ничего лучше подавляющего численного превосходства военная мысль еще не изобрела. На Грумбридж-2 высаживались три армии, одна десантная и две общевойсковые. На низких орбитах стало реально тесно, особенно учитывая бурную деятельность, развитую генералом армии Баррингтоном, который лез со своими гражданскими лоханками чуть не в боевые порядки дивизий второго эшелона, посылая всех и вся в надлежащие дали одним и тем же аргументом:

– Мне за пять дней нужно вывезти из системы триста миллионов человек. Если кто-то сможет сделать это лучше меня, господа генералы и адмиралы, милости прошу на мое место, а если не хотите или не можете, прошу заткнуться и не мешать специалисту делать свою работу.

Господа генералы и адмиралы во главе с Нельсоном и Князевым предпочли немедленно заткнуться и не пытаться учить Баррингтона тому,

что он действительно умел лучше всех, но идущие на посадку рядом с войсковыми транспортом пассажирские корабли и круизные лайнеры еще долго вспоминались всем участникам десанта на Гурмбридж-2, как болезненный бред сумасшедшего туроператора.

На пути в ангар, где размещались системы дистанционного управления роботами, меня догнала Инга.

– Игорь, ты обещал, что руководить подразделением роботов буду я.

– Обещал, так и будет.

– Но ты ведь идешь с нами, и, значит, главным будешь именно ты.

– Нет. У меня своя задача. Я десантируюсь вместе с вами, но дальше буду действовать самостоятельно. Я хочу найти майора Мбиа и его людей, они сейчас сидят под носом у кваргов и собирают для нас информацию. В любой момент их могут обнаружить, и тогда им будет совсем не лишней помощь моих пушек.

– Может нам пойти с тобой? Хрен с ним, с командованием, перебыю как-нибудь.

– Спасибо, Инга, я тебя тоже люблю, – улыбнулся я, – но ты опять забыла, что мы с тобой на самом деле все время будем рядом в ангаре Титана. Даже если наших роботов размажут в лепешку, мы ничего не ощутим, кроме чувства разочарования, естественно.

– Э..., ну да..., – усмехнулась Инга, – что-то не могу я никак отделаться от привычки, что десант это не компьютерная игрушка. Слушай, а ты там один справишься? Мбиа-то не в теплом ангаре сидит, и мне бы очень не хотелось, чтобы кварги надрали ему его черную задницу.

– Я-то справлюсь, а вот вам туда соваться нельзя ни в коем случае. У вас же стандартные Мамонты, только переделанные в беспилотный вариант, и кварги их сразу обнаружат, а моего робота Джефф оснастил, как ударно-диверсионную машину, убрав противоракетные ракеты и поставив на их место более мощный комплекс РЭБ. Заодно и испытаю это чудо в деле, – объяснил я Инге уже залезая внутрь экзоскелета, идентичного тому, что размещался в кабине робота, и чувствуя, как фиксаторы охватывают мое тело, соединяя его с системой управления в единое целое.

* * *

Не скажу, что полковник Буланже пришел в восторг от навязанного ему перед самым боем не вполне понятного подразделения трофейных

роботов, еще и беспилотных, управляемых откуда-то с орбиты. Но кто ж из командиров откажется от дополнительного тяжелого оружия перед непростым и весьма ответственным боем, особенно если его мнения никто не спрашивает. В общем, Инга доложила новому командиру и получила свой сектор атаки и боевую задачу, а я вновь связался с Мбиа.

– Нервничают, поганцы, – процедил майор, когда связь установилась, – ерзают там, на своей позиции, все что-то готовят. Оно и понятно, ясно им, что дело труба, вот и дергаются.

– Андре, от людей Тобольского новости есть?

– Нет, командир, больше на связь они не выходили.

– Передай, что через четверть часа мы начинаем. Пусть и дальше сидят там тихо и забьются куда-нибудь в дальний угол, а то еще прилетит шальной снаряд или ракета...

– Вот этого не надо, командир. Если случайно чем-нибудь по этому сараю шарахнут, у них может маскировка слететь, и тогда, сам понимаешь, никто там не выживет, наши просто не успеют им помочь.

– Ладно, майор, я Князеву твои слова передам, пусть он полковнику Буланже еще разок хвост на эту тему накрутит, лишним не будет. Дай мне свои координаты, я сейчас здесь, – передал я разведчику данные о местоположении своего робота, – подберусь поближе, подстрахую вас на всякий случай.

– Это ты на Мамонте собрался поближе подобраться? – удивился Мбиа, – он же здоровый, как собственное название, тебя засекут и порешат в три секунды, ну, может не в три, но порешат.

– Не волнуйся, майор, это не обычный Мамонт, его не так просто обнаружить, и меня там внутри нет, это беспилотник.

– Ну ты даешь, командир, каждый раз какие-то новые фокусы откальываешь, – хмыкнул Мбиа, сбрасывая мне данные о положении своей позиции.

Подобрался он к убежищу действительно близко, но теперь разведчику оставалось только тихо сидеть на месте, поскольку пока он вел наблюдение, в окрестностях резко увеличилось количество врагов, и теперь начать куда-то перемещаться означало с гарантией выдать себя.

Атака началась с ракетного удара. Полковник Буланже имел однозначный приказ не применять тяжелое оружие ближе, чем в трех километрах от убежища Тобольского, но узел обороны кваргов имел в диаметре около десяти километров, и обработать его периметр можно было вполне безопасно. Созданное генералом Князевым численное преимущество в технике и средствах огневой поддержки не оставляло

кваргам никаких шансов, но в плен эти ребята сдавались довольно редко и только совсем уж в безнадежной ситуации, поэтому ответный удар реактивной артиллерии противника прозвучал, может, и не так массивно, но тоже весьма убедительно. Операция началась.

Разделенный на четыре ударных группы полк Буланже теснил кваргов к центру контролируемой ими площади. Убежище президента оставалось при этом несколько в стороне. Прямой удар на этом направлении не наносился. По задумке Князева, кварги должны были сами уйти из его окрестностей, опасаясь окружения, когда две ударных группы Буланже обойдут их по флангам. Все могло получиться, но война очень редко идет по планам полководцев. Не стал исключением и этот бой. Группировка кваргов на Грумбридже-2 действительно была весьма сильной. Имели они и атмосферную авиацию, причем в приличном количестве. Вот эти машины и ударили по наступающим роботам полковника Буланже, вызванные на подмогу избиваемым узлом обороны противника. Встретили их достойно, но именно это в итоге и разрушило все изначальные планы. Поврежденный вражеский штурмовик попытался выйти из боя, сумел совершить разворот, но то ли пилот был ранен, то ли просто не справился с управлением, и машина рухнула на землю рядом с развалинами склада, служившего убежищем Тобольскому и его людям. Ударной волной от прогремевшего взрыва завалило еще державшуюся каким-то чудом часть крыши строения и одну из стен, а в перекрытии подвала образовался пролом. Станции РЭБ, развернутые охраной президента частично вышли из строя, а оставшиеся не смогли быстро справиться с восстановлением маскировки, и сканеры кваргов обнаружили у себя в тылу очаг чужой активности.

Трудно сказать, что повлияло на решение командира кваргов, но, видимо, он подумал, что это либо вражеский десант, либо скрытно просочившаяся через передний край группа противника. Во всяком случае, убежище Тобольского немедленно подверглось атаке. Защитники укрытия серьезного оружия не имели. Люди Тобольского, конечно, были одеты в броню, кое-кто из солдат планетарных сил тоже, но атаке двух рот бронепехоты кваргов, поддержанной пятью Малыми Драконами противопоставить они не могли ничего.

Я никогда не слышал от Мбиа таких выражений. Майор ругался на четырех языках, из которых я понимал два с половиной, но то, что я успел услышать и понять, заставило меня впоследствии жалеть, что остальные полтора языка выучить я не удосужился. Ситуация, в которой подразделению разведчиков приходится идти в атаку на превосходящие

силы противника, явно не входила в разряд любимых развлечений камерунца, но долг и присяга в данном случае не оставляли майору Мбиа и его людям никакого выбора.

Фланговый удар из двадцати стволов на некоторое время отвлек кваргов от основной цели. Мбиа не был самоубийцей и не повел своих людей в лоб на пулеметы и автоматические пушки. Разведчики обстреляли противника и, скрываясь в складках местности стали менять позицию. Их единственным преимуществом являлись отличные маскировочные свойства экипировки. Кваргам было трудно поймать размытые фигуры разведчиков в прицел, а их системы наведения все время сбоили, сбрасывая захват цели. Но серьезного оружия разведчики не имели, а на одной маскировке долго не продержишься. Кварги развернулись к новой угрозе, благо из убежища по ним почти не стреляли, и нанесли удар ракетами по площади, где, по их мнению, должны были скрываться разведчики.

Я гнал своего робота к месту боя, наплевав на правила скрытного перемещения по пересеченной местности. Сразу после начала сражения у убежища президента я по целеуказанию Мбиа выпустил по противнику весь запас ракет земля-земля. До цели мне оставалось километра три. Тяжелый робот бежит быстро, но все равно ему требуется время. На бегу я вызывал Князева и Нельсона, крича им, что убежище обнаружено и можно больше не стесняться в средствах подавления противника.

Мои ракеты накрыли подразделение кваргов, дезориентировав его и лишив примерно трети личного состава, но командир, видимо, остался цел. Наплевав на отряд Мбиа, огонь которого не мог причинить его подразделению серьезного ущерба, он развернул оставшиеся силы в сторону развалин, зачистка которых являлась его основной задачей. Вокруг убежища творился настоящий ад. Получив разрешение на применение тяжелых средств, армия и флот ударили по узлу сопротивления кваргов всем, что у них было, а у них БЫЛО. Лишь примерно километровая зона вокруг бывшего склада оставалась относительно спокойной, генералы и адмиралы боялись зацепить своих. Видимо, старший начальник того кварга, что руководил зачисткой развалин, уже погиб, и отменить совершенно бессмысленный в новых обстоятельствах приказ оказалось просто некому, а командир вражеского отряда, видя что все вокруг рушится, держался за этот приказ, как за последнюю надежду.

Вокруг меня вставала дыбом земля. Специально по моему роботу не стреляли, но я бежал через попавшие под премиальную раздачу позиции кваргов, которым сейчас тоже оказалось совсем не до непонятного и, вроде как, своего тяжелого робота со странно смазанным силуэтом, несущегося

куда-то в тыл.

Я едва успел. Еще буквально минута, и пехота кваргов ворвалась бы в убежище, но появление на сцене тяжелого робота, пусть и изрядно побитого осколками, кардинально изменило ситуацию. Оба роторных пулемета и наплечный гранатомет моего Мамонта заговорили одновременно. Пулеметы у машин такого класса это только название. Калибр они имеют лишь чуть меньше автоматических пушек наших Варанов, так что пехоте и Малым Драконам ловить здесь оказалось совершенно нечего. Но они честно попытались. Мамонт вздрогнул, получив удар противотанковой ракеты в левый манипулятор, и я понял, что лишился одного из пулеметов, но этот успех оказался для кваргов последним. Бой начал стихать. Я занял позицию у входа в убежище и с удовлетворением увидел, как с серого неба валятся прямо мне на голову десантные боты спецназа планетарного десанта, а на так и не выключенном мной личном канале с Мбиа прекратились ругательства и уже более спокойный голос камерунца произнес:

– Командир, люди Тобольского запрашивают обстановку наверху. Говорят, президент нуждается в срочной эвакуации и квалифицированной медицинской помощи.

* * *

На шестой день на окраине системы вышел из прыжка новый флот кваргов. Двадцать восемь линкоров, среди которых один класса Титан, тридцать крейсеров и семь авианосцев. Мы не стали принимать бой. Последние эвакуационные суда разогнались и ушли в прыжок вчера в конце суток, генерал Баррингтон вновь подтвердил свою репутацию непревзойденного организатора и логиста. Больше нас здесь ничто не держало, мы оставляли кваргам пустые планеты и уходили, но верили, что вернемся.

– Майор Лавров, – раздался из моего коммуникатора голос начальника охраны Тобольского, – вас хочет видеть президент.

Главнокомандующий полулежал на кровати в медотсеке линкора Банги. Он был еще очень слаб, но, как утверждали медики, его здоровью уже ничто не угрожало и полное восстановление сил и работоспособности президента являлось лишь вопросом времени.

– Как вы себя чувствуете, господин президент? – поинтересовался я, как только врачи оставили нас одних.

– Хреново, майор, пока довольно хреново, – поморщился Тобольский, – Я вообще не помню, как оказался на планете. В Амундсен попало сразу несколько тяжелых снарядов, меня выдернуло из кресла вместе с фиксаторами и крепко приложило о переборку. Хорошо, что послушал начальника охраны и заранее влез в бронескафандр... Остальное помню лишь урывками, в убежище несколько раз приходил в сознание. Мне доложили о вашей роли в организации контрудара и вообще во всем сражении за Грумбридж. Я благодарен вам за свое спасение и за жизни почти трехсот миллионов жителей Федерации, – президент остановил вялым жестом руки мою попытку вскочить и ответить по уставу, – не дергайтесь, майор, это моя личная благодарность и разговор у нас тоже личный, неофициальный. Время официоза еще придет, а сейчас я хочу понять одну вещь... Скажите, майор, вам что-нибудь показалось странным в сражении за Грумбридж? Я имею в виду не кваргов, а мои собственные действия и решения. Не бойтесь отвечать честно, я именно за этим и позвал вас сюда. В последнее время в истеблишменте Федерации осталось очень мало людей, которым я могу безоговорочно доверять, на удивление мало. Вам я верю, но и вы не должны лукавить в ответе на мой вопрос.

– Спасибо за доверие, господин президент. Если вы хотите честного ответа, то я вообще не понимаю, зачем вы решили возглавить эту операцию. На мой взгляд, ее следовало доверить кому-то из боевых адмиралов, а вам стоило остаться на Земле и продолжить руководить Федерацией.

Президент помолчал с минуту, что-то обдумывая, словно размышляя, стоит ли продолжать этот разговор, но все же решился.

– Вот интересно, вы же с генералом армии Баррингтоном совершенно разные люди. И возраст несопоставимый, и жизненный опыт тоже, а ведь вы, майор, сейчас почти слово в слово повторили мне его ответ на тот же самый вопрос. Мало того, примерно это же, хоть и в другой форме, сказал мне и адмирал флота Нельсон. Но самое главное не в этом, майор, а в том, что я и сам так считаю, причем не сейчас, задним числом, это понял, а считал так всегда. Я ведь никогда не лез в дела военных настолько глубоко, чтобы самому взяться командовать операцией, пусть даже стратегической. Я уже скоро двадцать лет как президент, и ни разу... А тут, как будто помутилось что-то в голове. И все, вроде, казалось логичным, правильным, и сомнений никаких не возникало. А потом, после того, как приложило меня об переборку и выбило сознание на пару дней, так будто вдруг все на место встало. Я чуть раздвоение личности не заработал, пытаюсь понять, чем же я думал, принимая решение возглавить операцию.

Честно сказать, я не знал, что и думать. Президент выглядел растерянным, но я не видел в нем желаний оправдаться или свалить свою ошибку на какие-то обстоятельства. Тобольский искренне недоумевал, как же это он мог такое учудить, если никогда даже мыслей подобных в голове не имел. И ведь и вправду не имел, знал я историю его президентства. Действительно, ни разу не пытался Тобольский непосредственно рулить войсками или флотом.

– Что-то повлияло на меня, майор, причем очень сильно повлияло, но я пока не могу понять, что именно.

– Господин президент, – наконец нашел я зацепку, с которой можно было хотя бы начать, – а вы можете вспомнить, в какой момент, когда именно это решение пришло вам в голову?

– Еще на Земле, естественно..., а вот когда именно... Понятно, что после получения известия о нападении кваргов на Грумбридж. Может, после совещания в минобороны, созванного по этому поводу? – сам себе задал вопрос президент, – Нет, в тот момент я еще думал, кого назначить командующим... Тогда, гхм... нет, это уж слишком, пожалуй. Спасибо, майор, вы задали мне очень верный вопрос, но давайте на этом сегодня закончим, мне нужно отдохнуть и кое-что обдумать.

* * *

Мбиа потерял половину своих людей, сам получил легкое ранение, но вклад в спасение президента внес просто неоценимый. С подчиненностью разведчика в этой операции существовала изрядная путаница. Майора и его людей по моей просьбе вытребовал из сто пятой пехотной дивизии лично адмирал Нельсон. В его распоряжение они и поступили по приказу своего начальства, но сухопутные разведчики флотоводцу были вообще никуда, а отдавать их мне, как командиру одного из своих линкоров, он формальных оснований не видел, так что в итоге адмирал переподчинил Мбиа генерал-полковнику Князеву, который, имея собственные подразделения этого направления, тоже не знал, что с ним делать. В результате, по факту, задачи разведчикам ставил я, но вот как теперь быть с представлением их к заслуженным наградам, я понимал не вполне.

Нельсон выслушал меня, хмыкнул и сказал:

– Давайте сюда файл, майор, я все подпишу и отправим представление от моего имени, но в следующий раз думайте о таких вещах заранее, а то люди запросто могут остаться без наград, видел я уже такое. И присядьте-

ка, обсудить кое-что нужно, неформально.

Дождавшись, когда я устроюсь за столом, адмирал продолжил:

– С вами Тобольский говорил?

– Да, вчера вечером.

– Со мной чуть раньше. Ну и как ваше впечатление?

– Трудно сказать, данных очень мало, но я бы на месте Тобольского привлек к этому делу его собственную службу безопасности. Если на него было оказано внешнее воздействие, это точно по их части.

– А вы не задумывались, майор, почему президент поделился своими мыслями именно с вами, со мной и с Баррингтоном? По каким-то причинам он, видимо, не стал обращаться к своим безопасникам.

– Ну, может он и обратился, нам-то откуда это знать? Но, вообще-то, он прямо сказал, что осталось очень мало людей, кому он может доверять. Видимо, мы в этот круг входим, а вот может ли он полностью верить начальнику собственной службы безопасности, мне судить сложно.

– Да, тут вопрос действительно непростой, но если президент сам не обратился к нему, то, я думаю, и нам не следует этого делать.

– Мне кажется, господин Нельсон, что нам вообще пока ничего делать не следует. Не знаю, как вы или Баррингтон, а я прямого распоряжения на самостоятельные действия в этом направлении от президента не получал, а передача кому-либо такой информации без прямого приказа...

– Думаю, вы правы, майор, но зачем-то же президент нам это все рассказал.

– Он сам в сомнениях, господин Нельсон. Нужно дать Тобольскому время разобраться в собственных мыслях. Он нам скажет, если от нас потребуется реальная помощь.

– Хорошо, майор, давайте пока действительно на этом обсуждение закончим. У вас есть ко мне еще что-нибудь?

– Так точно, господин адмирал флота, – перешел я на уставную форму обращения, давая понять адмиралу, что дальше речь пойдет о действиях, которым нужно будет дать официальный ход.

– Слушаю.

– После контрудара на Грумбридж ваш авторитет в адмиралтействе, да и в генштабе в целом поднялся на такой уровень, что не прислушаться к вам просто не смогут.

– Допустим, и что дальше?

– Мне нужна ваша помощь в организации двух операций, которые, на мой взгляд, жизненно необходимы Федерации, но мои слова никто в генштабе всерьез воспринимать не готов, мне это доходчиво объяснил

министр обороны Бронштейн.

– Хотите продавить с моей помощью ваши идеи, высказанные на президентском совещании высшего состава?

– Можно сказать и так.

Адмирал протянул руку за коммуникатором.

– Павел Григорьевич, – неформально обратился он к генералу Князеву, – у меня тут майор Лавров в гостях на флагмане. Мне кажется, вам тоже будет полезно присоединиться к нашей беседе. По вашей части много вопросов намечается.

* * *

Андре Мбиа и Юн Гао сидели напротив меня в капитанской каюте Титана, куда я пригласил их после разговора с Нельсоном и Князевым. Камерунец и китаец смотрелись рядом очень колоритно, но к такому контрасту в армии Федерации все уже давно привыкли и не обращали никакого внимания.

– Опять вечеринка намечается, командир? – с усмешкой спросил Мбиа, – у меня еще после предыдущей рука до конца не разгибается.

– Ну, если все так плохо, можешь в этот раз пропустить... – с деланным безразличием начал я.

– Ну, нет, командир, – продолжил ухмыляться Мбиа, – на твоих вечеринках уж больно много сладкого бывает, а я это люблю. Правда, избыток сахара, случается, вредит здоровью, но я уж как-нибудь...

– Игорь, это снова будет рейд в тыл кваргов? – невозмутимо спросил Юн Гао.

– И да, и нет, Юн. Это будет рейд к третьей силе, мы должны найти потенциальных союзников, которые расковыряли тот кварговский крейсер.

– А я-то там зачем? – удивился Мбиа, – или ты планируешь высадку на планету?

– Возможно, даже не одну, Андре. О третьей силе нужно собрать как можно больше сведений. Нам необходимо понять, можно ли иметь с ними дело или они еще хуже кваргов. Я такой вариант совсем не исключаю. Юн, ты показывал Андре снимки повреждений крейсера?

Китаец молча кивнул.

– Такие следы могло оставить только оружие, очень далекое по принципу действия от привычного нам. Как бы не оказалось, что кварги к людям куда ближе, чем потенциальные союзники. Пока нет проверенных

данных, нет и уверенности, что с ними вообще возможно договориться.

* * *

К нашему возвращению в Солнечную систему врачи уже более-менее поставили Тобольского на ноги. Разговор о своем странном решении президент больше не возобновлял, и после прилета сразу убыл в свою загородную резиденцию. У меня тоже мгновенно образовалось море срочных дел, так что об этой проблеме я на время забыл. Не совсем забыл, конечно, но она отодвинулась на задний план, и некоторое время там молча пылилась.

Отношение рядовых граждан Федерации к исходу битвы за Грумбридж оказалось неоднозначным. С одной стороны, армия, и особенно флот, понесли катастрофические потери и не смогли удержать систему, а с другой, контрудар и операция по эвакуации населения были проведены настолько блестяще, что у многих людей язык не поворачивался назвать произошедшее поражением, да и кваргам был нанесен весьма ощутимый урон, который, как надеялись в генштабе, позволял рассчитывать на достаточно длительный спад активности противника.

Нельсон с Князевым, произведенным в генералы армии, развили кипучую деятельность. Когда генерал-десантник услышал про идею врезать кваргам на их территории, у него в глазах зажегся огонек, ничего хорошего противнику не обещающий. Видимо, Князев давно мечтал о чем-то подобном, но понимал, что руки коротки. Теперь же, увидев реальную перспективу и, главное, получив осмысленный ответ на вопрос «зачем лезть в тыл врага, если свои системы еще не отбили?», генерал загорелся идеей и готов был сворачивать горы и головы тех, кто этому процессу попытается помешать.

Первым, как ни странно, под раздачу попал вполне мне симпатичный министр военной промышленности Зверев. Князев в простых и понятных выражениях объяснил ему, что на Грумбридже-2 полковник Буланже, атакуя противника на одном из самых тяжелых участков, положил половину своего полка, но при этом людские потери составили меньше ста человек, а шедший в атаку в первом эшелоне полудивизион тяжелых роботов старшего лейтенанта Котовой полег весь, но ни один пилот не погиб и даже не был ранен. А вот на других участках потери людей оказались на порядок выше. И в чем, господин министр, разница? А в том, что воевали там десантники на морально устаревшей технике, которую

промышленность наклепала в огромном количестве, в то время как новые дрон-подразделения поступали в войска крайне медленно, и если господин министр не хочет себе проблем, то надо срочно осваивать массовый выпуск новой техники.

Зверев, конечно, отпирался и ссылался на план, полученный от министерства обороны, но Князев плющил его до тех пор, пока министр не поклялся через два месяца выпустить для генерала новую технику для комплектования дрон-подразделениями полноценного десантного корпуса, причем минимум дивизия дронов должна была управляться с орбиты, а не из командирских машин.

Закончив с Князевым, Зверев было расслабился, но явно зря. Адмирал флота Нельсон, в отличие от предыдущего оратора, был вежлив и голос не повышал, но у министра сложилось ощущение, что лучше бы он еще пообщался с Князевым. Нельсон задал министру военной промышленности много неудобных вопросов. И про беспилотные истребители, которых как не было, так и нет, хотя он, адмирал Нельсон, лично видел действующие образцы еще в битве за Барнард-3, и про дрон-торпеды, которые закончились в самый ответственный момент, причем не на перевалочной базе, а вообще в Федерации. А закончил свою речь адмирал следующим образом:

– Знаете, господин министр, я очень расстраиваюсь, когда командиром самого мощного корабля моего флота я вынужден назначать майора-десантника, потому что кроме него никто не может этим кораблем управлять. Я понимаю, что времени было мало, а разобраться в технологиях кваргов непросто, но если завтра или через месяц сюда придет флот противника, я бы очень не хотел опять напрягать майора Лаврова командовать Титаном. И сделайте уже что-нибудь с его пушками, будьте так добры, мне не нужен линкор без главного калибра.

Федерации как никогда требовалось время. Нужно было зализать раны после сражения за Грумбридж, переварить новые технологии и запустить в серийное производство основанные на них разработки. Наконец, требовалось хотя бы частично возместить огромные боевые потери. В итоге адмиралу Нельсону удалось-таки убедить генштаб и адмиралтейство в том, что несколько коротких ударов по тыловым системам кваргов могут нам это время дать. Мы не собирались захватывать и удерживать вражеские планеты, мы готовили классический рейд в стиле «ударил-отскочил».

За всей этой суетой как-то тихо и буднично, без особого шума, как и положено разведчикам, ушли на задание Юн Гао и Мбиа. Четыре их корабля готовили к походу люди Штейна и Джеффа, так что за их сканеры

и комплексы РЭБ я не переживал. В отличие от прошлого рейда сейчас один из средних разведчиков был под завязку набит гипермаяками, которые Юн Гао собирался расставлять по пути своего следования по тылам противника, чтобы обеспечить бесперебойную связь с метрополией. Маяк обнаружить очень непросто, если не знать, хотя бы примерно, где его искать, так что смысл в этой идее вполне просматривался. Нет, в конце концов, противник, эти маяки, несомненно, найдет и уничтожит, но на это уйдет немалое время.

* * *

Почти сразу после нашего возвращения меня попросил о встрече профессор Штейн, сказав, что по теме совершенствования гипердвигателей есть подвижки, но вопросов, как это часто бывает, сейчас в разы больше, чем было в начале.

Оказалось, что пока я упражнялся в стрельбе из всех видов оружия от пулемета до главного калибра линкора, профессор провел огромную организационную работу, и теперь передо мной за столом для совещаний сидели девять ведущих научных светил в области теории гиперпространства в целом и U-режима в частности. Как уж он сумел привлечь их всех под нашу крышу, я не знал, но, видимо, профессор не хуже меня умел находить правильные слова.

Еще до того, как мы, надрывая двигатели, умчались к атакованному врагом Грумбриджу, я провел с нашей научной группой совещание, на котором изложил «свои» идеи на тему того, в какую сторону нужно копать, чтобы наметился прорыв на новый уровень понимания физической природы гиперпространства. Тогда наши молодые ученые во главе с профессором совершенно очевидным для меня образом вели титаническую борьбу с собой, чтоб не начать крутить пальцами у висков, причем обеими руками сразу. Впрочем, длилась эта борьба совсем недолго, все-таки мои люди уже успели привыкнуть к тому, что к «антинаучным» прозрениям шефа надо относиться очень осторожно и внимательно, чтобы потом самим дураками не выглядеть. Я подозреваю, что кое-что из этих идей профессор и использовал в качестве наживки в переговорах с научными авторитетами, которые сейчас сидели напротив меня.

– Господин Лавров, – начал с улыбкой Фернандо Кортес, профессор Национального автономного университета Мексики, – идеи, созревшие внутри вашей научной группы, свели нас всех в единый коллектив, хотя

многие из сидящих здесь уважаемых ученых терпеть друг друга не могут, что в нашей среде является нормальным состоянием дел и лишь способствует научному прогрессу.

Я молча улыбнулся, ожидая продолжения. Что интересно, заявление Кортеса не вызвало никакой реакции у собравшихся, то есть они, похоже, придерживались схожего мнения.

– Но такое единение противоположностей возможно только в одном случае, если наши исследования будут идти теми же темпами, какими они двигались последний месяц.

– Я сделаю для этого все необходимое, господа, – немедленно заверил я ученых, подпустив в голос торжественности и уверенности – вы испытываете какие-то затруднения?

– И да, и нет, господин Лавров, – ответил Кортес, – Финансирование наших работ происходит бесперебойно, наши заказы на оборудование подрядчики выполняют с таким рвением, которого я не наблюдал в своем университете ни разу за всю мою научную карьеру, но мы все равно начинаем буксовать. Совершенно феерическая по своей смелости идея встречных когерентных потоков U-излучения нами просчитана в сотнях различных математических моделей. Мы даже уже убедились на практике, что эффект интерференции в этом случае действительно возможен, но мы пока не видим дальнейшего пути. Вы хотите от нас скорейшего перехода к практике, но мы в первую очередь ученые, а не инженеры и, как ученые, мы видим перед собой фронт работ на многие годы вперед с выходом на возможность какого-то практического приложения их результатов лишь через пять-семь лет. Не думаю, что ваша организация готова столь долго тратить немалые средства на удовлетворение нашего научного любопытства.

Я задумался. Конечно, я еще не выложил на стол и трети тех знаний, что требовались местной науке для постройки гиперпортала, но местные ученые еще просто не были готовы к восприятию этой информации, а я очень хотел, чтобы до большей части известных мне решений они дошли самостоятельно.

– Вот что, господа, – спустя какое-то время ответил я, – давайте пойдем на некий компромисс. Я продолжу финансирование ваших фундаментальных изысканий, но в качестве первого практического результата наших совместных усилий я хочу иметь увеличение дальности единичного прыжка за счет использования уже имеющихся у нас гипермаяков в качестве генераторов опорных координат. Мои инженеры ознакомились с вашими последними теоретическими разработками и

предложили создать необходимое для их воплощения в практику оборудование на основе наиболее перспективных из ваших математических моделей. В качестве базы они хотят использовать уже существующие системы гиперсвязи. Я готов в течение суток передать вам принципиальные схемы новых устройств, и хотел бы через пару месяцев иметь действующий образец, который я смогу продемонстрировать президенту и министру обороны.

Конечно, я лукавил, не было никаких «моих инженеров», вернее, они были, но схем никаких не предлагали. Но ведь я с ними действительно все это обсуждал, выслушивал мнения и идеи, ну а что уж у меня на основе этих идей в голове сгенерировалось, так это сугубо мое дело. Пусть для ученых это будет гениальным озарением моих инженеров-практиков, просто скомпонованным их руководителем в единую схему.

Ученые задвигались, оглядываясь друг на друга. К такому повороту беседы они, похоже, были не очень готовы, но Кортес решил взять на себя смелость ответить за всех.

– Прямо сейчас мы ничего не сможем вам сказать по срокам, господин Лавров. Нам нужно внимательно ознакомиться с идеями ваших инженеров, но суть предложения мне понятна. Не знаю, все ли коллеги меня поддержат, но такой компромисс меня устраивает. Думаю, через пару дней мы сможем дать вам точный ответ.

* * *

Вызов к президенту не оказался для меня особой неожиданностью, я ждал чего-то подобного в последнее время. Все участники контрудара на Грумбридж получили честно заслуженные плюшки и повышения в званиях, а обо мне все как будто напрочь забыли, но за свою долгую военную карьеру в обоих мирах я многое успел повидать и не придавал происходящему какого-то особенного значения, хотя вопросы, конечно, оставались. Возможно, президент как раз и собирался дать мне на них ответы.

Тобольский встретил меня все в том же павильоне своего дворцового комплекса, где мы беседовали с ним в первый раз. Ранняя весна еще не радовала комфортной температурой воздуха, но поток тепла, идущий от пола, создавал вполне приемлемые условия для беседы.

– Рад видеть вас здоровым, господин президент, – улыбнулся я, вставая навстречу вошедшему в павильон Тобольскому.

– Ну, так ничего особо страшного со мной и не случилось, – усмехнулся маршал, – во всяком случае, в физическом плане.

Эта оговорка меня насторожила, но я не стал задавать вопросов. Если президент сочтет нужным, он сам все расскажет.

– Вы помните наш разговор на борту линкора Банги, майор?

– Конечно, господин президент.

– Так вот, вы подали мне тогда интересную идею. Я долго анализировал свои мысли и причины того, что подтолкнуло меня принять решение возглавить сражение за Грумбридж. Вспомнил я и точный момент, когда это решение во мне сформировалось, но уж больно странным, если не сказать невозможным показался мне напрашивающийся вывод. Я принял это решение после встречи с дочерью. Она взрослая женщина, замужем, имеет детей, но мы с ней регулярно видимся. В тот вечер она приехала ко мне сюда, в загородную резиденцию, и мы проговорили пару часов о наших семейных делах и разных мелочах, а потом она неожиданно заговорила об атаке на Грумбридж. Я тогда еще удивился, она очень редко говорила со мной о войне, да и то, только если я сам поднимал эту тему, а тут... И ладно бы для нее это стало проходной темой, но я видел в ее глазах реальный интерес. Я начал рассказывать ей некоторые подробности, сказал, что как раз сейчас решаю кого мне назначить командующим флотом, а потом... То что было потом, я вспомнил уже только очнувшись в медотсеке Банги. Вика возмутилась целым рядом последних неудач нашего флота, сказала, что наши адмиралы потеряли хватку и утратили способность к нешаблонному мышлению, а потом стала говорить, что я всегда демонстрировал большие способности к управлению войсками и флотом, приводила какие-то примеры, которые сейчас не кажутся мне убедительными, но тогда я воспринимал их, как доказательства своей собственной гениальности. Она так и не сказала мне, что хочет, чтобы я возглавил флот, но дала мне понять, что только в этом случае она может быть спокойна за судьбу Федерации. Решение я в итоге принял сам, но дочь сделала все, чтобы оно оказалось именно таким.

– То есть ваша дочь просто убедила вас, заморочив вам голову лестью? Как такое возможно, господин президент? Вы же политик со стажем в несколько десятилетий. Вы не могли поддаваться на лесть, даже исходящую от любимой дочери.

– Естественно, не мог, но поддался. Ключом к пониманию произошедшего стало то, что я напрочь забыл о том, что заставило меня принять решение. Моя служба безопасности..., хотя ладно, это сейчас не так важно. В общем, расследование этого дела я поручил безопасникам

министерства обороны. Они привлекли лучших психоаналитиков и проанализировали мои решения за последние пятнадцать лет в сотнях различных ситуаций, причем не с точки зрения их адекватности, а с позиций механизма их принятия. Они разбирались, в каких случаях я принимал руководство или контроль на себя, а в каких делегировал полномочия другим, как выбирал этих других, в каких сферах и в какой мере лично участвовал в принятии ключевых решений. Возились они довольно долго, но в итоге создали компьютерную модель принятия государственных решений маршалом Тобольским. Я специально не дал им информацию по нескольким своим решениям, чтобы потом иметь возможность оценить качество работы этой модели. Эти ребята свой хлеб едят не зря, во всех случаях их прогноз был верен. Ну а потом они загрузили в модель то мое решение, ради проверки которого все это и затевалось, и выяснилось, что вероятность его принятия мной без постороннего воздействия не превышает трети процента. По их оценкам я с примерно равной вероятностью должен был сделать командующим Нельсона или Бронштейна. Дальше было тщательнейшее обследование с применением гипнодинамических методов, которое показало, что я подвергся гипновнушению. В это сначала никто верить не хотел, поскольку общеизвестно, что хотя такое внушение возможно и широко используется в медицине, но работает оно только при наличии доброй воли пациента и отсутствия сопротивления с его стороны. А меня ведь на это сопротивление еще и специально тренировали... Но потом появилась версия, что как раз в беседе с дочерью я вполне мог подвергнуться такому внушению, ведь я не ждал от Виктории никаких враждебных действий, внимательно ее слушал и верил в искренность ее слов, а способности к гипновнушению у нее, как оказалось, имеются.

– А что она сама говорит по этому поводу?

– Она ничего необычного в нашей беседе не помнит. Но это следует только из моих осторожных расспросов. Следователей я к ней не допустил, хоть они и рыли землю рогом. Я до сих пор не верю, что она могла сделать это намеренно, и я не хочу, чтобы у нее возникла мысль, что я хоть в малейшей степени подозреваю ее в предательстве, так что допрашивать ее не будут.

– Но как же в таком случае узнать правду, господин президент?

– Через несколько минут я познакомлю вас с дочерью, майор. Мы посидим какое-то время вместе за чаем с имбирным печеньем, а потом я вас покину. Дела государственные, знаете ли, не терпят отлагательства. А вы, майор, погуляете с Викой по парку и поговорите с ней. Рассказывать ей

можете все, что хотите, но так, чтобы и она рассказала вам, откуда в ее голове возникла идея, что ее папа не просто знающий политик, а еще и гениальный флотоводец.

– И вы считаете меня лучшим кандидатом для такой беседы, господин президент? – искренне удивился я.

– Вы молоды, майор, но при этом неплохо знаете людей и отлично соображаете. Я бы мог привлечь к этому Нельсона или Баррингтона, но это бы имело несколько иной эффект. Да и еще один факт может сыграть важную роль, – усмехнулся Тобольский, – приглашая Вику на эту встречу, я обещал познакомить ее с человеком, благодаря которому ее папа вернулся домой живым.

* * *

Виктория Толбольская-Ржевская оказалась красивой женщиной лет тридцати пяти. Открытое лицо, приятная улыбка, минимум косметики, строгий брючный костюм и смешинка во взгляде. Мне такие типажи всегда нравились. Отчасти такой в тридцать пять должна бы стать и Инга, но в наше время загадывать так далеко как-то не принято.

– Здравствуйте, Игорь, – ответила дочь президента на мое приветствие и изящно устроилась на придвинутом к столику диванчике, – это правда, что вы выгнали моего папу из большой неприятности?

– В некоторой степени, Виктория, только в некоторой степени. Кроме меня в этом процессе участвовало еще очень много отважных джентльменов, – улыбнулся я. Например, адмирал флота Нельсон, генерал-полковник, прошу прощения, уже генерал армии Князев и особенно подполковник Мбиа и его люди.

– Не скромничайте, Игорь, – улыбнулась Вика, – ведь это вашего огромного робота я видела на том снимке, где папу выносят из разрушенного убежища?

Я лишь улыбнулся в ответ.

– Папа, а в каком звании Игорь был до этого сражения? – неожиданно спросила Виктория.

– Майор, – усмехнулся в ответ Тобольский.

– То есть майор Лавров спас президента Земной Федерации от гибели, а количество звездочек на его погонах так и осталось равным единице?

– Я тебе еще не все рассказал, дочь. Майор Лавров в этом сражении командовал не только тем большим роботом. Он вел в бой самый крупный

в Федерации линкор Титан и авианосную группу в придачу. Именно его корабли уничтожили большинство единиц флота противника, применив новое оружие, в разработке которого ведущая роль опять же принадлежит сидящему напротив тебя человеку.

– И этот человек – майор! Папа, если честно, я первый раз вижу, как ты лично общаешься с настоящим майором. Не с генералом армии, не с адмиралом флота, а именно с майором. Может мне стоит подождать, и ты пригласишь к себе лейтенанта? Я что, что-то смешное сказала? Прекратите немедленно, или я обижусь...

– Ты просто не в курсе, Вика, – убрав салфеткой слезинку из уголка глаза, ответил с улыбкой Тобольский, – майор Лавров уже встречался со мной здесь однажды, и был он тогда как раз лейтенантом. Правда, покинул он эти стены уже капитаном, назначенным на генеральскую должность, но вошел-то он сюда именно лейтенантом, так что ты попала в самую точку.

– Так почему же все-таки Игорь до сих пор майор, а папа?

– Ну, хорошо, Вика, я скажу. Не хотел я трогать эту тему сейчас, но, видимо, придется. У меня в планшете лежат два рапорта, с которыми я не знаю, что делать. Один от Нельсона, другой от Князева. Нельсон в своем опусе утверждает, что офицера, повинного в уничтожении трех десятков вражеских линкоров, нужно наградить высшим флотским орденом, то есть Орденом Полумесяца. Но согласно статуту этого ордена присвоить его можно только флотскому офицеру в звании не ниже капитана первого ранга, а стало быть, майора Лаврова нужно произвести именно в это звание.

– А чего хочет генерал Князев? – с улыбкой спросила Вика, которую ситуация начала откровенно забавлять.

– А Князев пишет в своем сочинении, что он устал объяснять своим подчиненным, почему они должны выполнять приказы младшего по званию и просит прекратить этот субординационный бардак, присвоив майору Лаврову звание полковника, что хоть как-то приведет в соответствие его чин и должности, которые он занимает.

– И что ты решил? – не успокаивалась Вика, а я сидел, слушал Тобольского и не понимал, а что тут решать-то? Я десантник, я был им всю жизнь, даже две. Зачем мне звание капитана первого ранга и синий флотский мундир, если я румпель от шницеля не отличаю?

– Так потому Лавров все еще и майор, что я не могу ничего решить. Этот молодой человек имеет интересное свойство. Мало того, что он поднял своими научно-техническими разработками уровень нашего оружия на недостижимую ранее высоту, так он это оружие еще и лично норовит

испытывать и применять, и, надо признать, в этом вопросе его трудно кем-то заменить. Лавров по военной специальности десантник, и зная его, я понимаю, что это не только формальность, не только форма и эмблема, но и его внутреннее содержание. Вот только в данный исторический момент талантливый полковник или даже генерал десантных войск нужен Федерации гораздо меньше, чем столь же талантливый адмирал, и, если честно, я не знаю, что делать.

Я молчал, тихо выпадая в осадок. Вика тоже притихла, о чем-то размышляя.

– Ладно, молодые люди, – подвел черту под беседой Тобольский, – вынужден вас оставить. Вы тут общайтесь, сколько захотите, а мне пора дела делать. Приятно было побеседовать.

Тобольский поцеловал дочь, кивнул мне и исчез за дверью входа в крытую часть павильона.

– Так о чем папа хотел, чтобы вы со мной поговорили, Игорь? – посмотрела на меня с улыбкой Виктория, – не заламывайте бровь, майор, я очень неплохо знаю своего отца. У него не было никаких причин нас знакомить, если только он не хотел, чтобы вы что-то рассказали мне или спросили у меня, что он сам по каким-то причинам говорить или спрашивать не хочет.

– Не буду отпираться, – улыбнулся я в ответ, – ваш отец действительно хотел, чтобы наш разговор состоялся. На него очень повлияли последние события, и ему самому говорить о них довольно трудно. Конечно, такой опытный политический боец, как президент Тобольский, может выдержать и не такое, но это в общении с чужими людьми, а вы для него человек совсем не чужой. Мне кажется, вам нужно кое-что узнать о том, что случилось в системе Грумбридж, чтобы лучше понимать уже совершенные и будущие поступки своего отца.

– Это кажется вам лично или это просьба президента? – уже без улыбки спросила Виктория.

– Это кажется мне лично, президент об этом меня не просил. Вы немного сгущаете краски, Вика. Не было никакого инструктажа на тему того, что должен сказать дочери президента майор Лавров, а что ему говорить ни в коем случае не следует. Был разговор, в котором маршал Тобольский обмолвился, что встречался с вами перед сражением и был удивлен тем неподдельным интересом, который его дочь проявила к предстоящей битве, ведь раньше она о войне с ним почти не говорила.

– Еще бы я не заинтересовалась этим сражением, если мой отец собирался лично возглавить флот! – с возмущением ответила Виктория.

Сигнал тревоги заорал в моем мозгу мартовским котом. Не склеивалась эта фраза Виктории с рассказом Тобольского, очень нехорошо не склеивалась.

– Вика, давайте прогуляемся, вы не против? На ходу лучше думается, а весна, пусть и ранняя, всегда поднимает настроение.

– Пойдемте, если хотите, – без особого энтузиазма ответила дочь Тобольского.

Мы вышли на липовую аллею и неторопливо двинулись к видневшемуся в паре сотен метров красивому пруду.

– Ваш муж офицер, Виктория?

– Да. Он контр-адмирал, служит в адмиралтействе.

– И он ничего не рассказывает вам о войне?

– Ну, почему же, рассказывает, даже больше, чем я бы хотела знать об этом. Может быть, поэтому я и не говорю на эту тему с отцом. А вы, Игорь, женаты?

– Пока нет.

– Но девушка-то у вас, надеюсь, есть, Майор? – улыбнулась Виктория, – что-то я не верю в то, что кандидаток не нашлось.

– Есть. Она тоже офицер-десантник, как и я. Мы даже вместе служим в департаменте минобороны по новой технике и вооружениям.

– О! Служебный роман, классика жанра. Это не мешает работе?

– Пока не мешало, а там посмотрим. Я бы, наверное, давно предложил ей официально оформить наши отношения, но... Виктория, а вам не бывает страшно, когда ваш муж уходит со своим кораблем в бой? Мне казалось, что все жены флотских офицеров знают о службе своих мужей чуть ли не больше, чем они сами.

– Мой муж не командует кораблем, Игорь, он служит в штабе флота, а штаб не принимает непосредственного участия в боях, так что такие переживания мне незнакомы.

– Но ведь ваш отец возглавил идущий в бой флот в битве за Грумбридж. Неужели и в этом случае вы не переживали, когда узнали о его решении?

Виктория наморщила лоб, как будто, что-то усиленно вспоминая, потом тряхнула головой и посмотрела на меня.

– Игорь, представляете, я не помню, как он мне об этом говорил. Вот вы спросили сейчас, и я попыталась вспомнить, что чувствовала, когда он сообщил мне об этом... и не могу.

Виктория выглядела удивленной и растерянной. Видимо, провалов в памяти она раньше за собой не замечала. Я молча шел рядом с дочерью

президента и ждал ее реакции на совершенное ей только что открытие.

– Это именно то, из-за чего вы сейчас здесь, Игорь? – спросила, наконец, Вика.

– Вполне возможно.

– Что происходит, Игорь? Почему я не помню слов своего отца?

– Я тоже очень хочу это понять, Вика, но без вашей помощи ничего не выйдет, – как можно деликатнее ответил я.

– И что от меня требуется?

– К сожалению, я и сам пока этого не знаю. Давайте просто поговорим о вашем отце, я расскажу вам о бое за Грумбридж, а вы вспомните, если получится, конечно, какие события в вашей жизни всему этому предшествовали.

Линда появилась в жизни дочери президента вроде бы случайно. Познакомились, они на каком-то из приемов, регулярно устраиваемых благотворительным фондом, возглавляемым Викторией Тобольской-Ржевской. Сначала они с Линдой обменивались редкими сообщениями, потом встретились пару раз по незначительным делам фонда, а дальше их отношения довольно резко перешли сперва в приятельские, а после и в дружеские. Все, это не вызывало никаких особых вопросов, за исключением скорости, с которой произошли все эти превращения из незнакомых людей в хороших друзей.

Линда всегда восхищалась отцом Виктории. Она считала его образцом мужчины и лидера, ведущего за собой людей. Линда явно была бы рада, если бы Вика познакомила ее с президентом, но Виктория не торопилась делать это, руководствуясь каким-то инстинктивным чувством, в котором сама себе не до конца отдавала отчет.

Они с Линдой никогда не говорили о войне, если только разговор как-то не касался службы Викиного мужа, но утром того дня, когда состоялась последняя встреча Виктории с отцом перед его отлетом к Грумбриджу, они сидели в кафе бизнес-центра, где арендовал офис благотворительный фонд, и говорили именно о войне. Верее, не о самой войне, а о том, как неудачно последнее время руководят войсками и флотом генералы и адмиралы Федерации. Нормально Вика запомнила только начало разговора. Она еще успела удивиться, почему эта, такая чуждая для нее, тема вдруг так ее заинтересовала. Дальше Вика помнила разговор только урывками, но после долгих попыток восстановить в памяти события того дня не совсем уверенно сказала мне, что, похоже, знание о том, что папа возглавит флот, появилось у нее именно после этого утреннего разговора вместе с глубоким убеждением, что это единственно правильное решение.

– Игорь, вы явно знаете больше, чем говорите, – встревоженно сказала мне Виктория, – что все-таки случилось тогда? Неужели я как-то связана с тем, что папа чуть не погиб?

Я колебался, но не видел другого выхода, кроме как рассказать дочери Тобольского почти все, что знал сам. Заговор был на лицо, и тянуть с его раскрытием означало однозначно играть на руку его организаторам, а Виктория являлась, что называется, ключевым свидетелем.

– Вика, вы подверглись враждебному воздействию, это почти наверняка. Скорее всего, в вашем завтраке в то утро присутствовали сильные психотропные вещества сразу двух классов, снижающие критичность восприятия информации и усиливающие ваши природные способности к гипновнушению вместе с вашей собственной внушаемостью. Боюсь, вашему здоровью был нанесен серьезный вред. Вам срочно необходимо пройти обследование, чтобы исключить опасные последствия применения этой химии.

– Пожалуй, вы правы, – задумчиво согласилась Вика, – в последнее время я чувствую себя не слишком хорошо. Голова болеть начала, вялость иногда подступает, чего раньше я за собой не замечала, но списывала на переживания из-за этой истории с папой. А теперь получается, что это я толкнула его на неверное и опасное решение...

– Не вы, Виктория, точно не вы. Вас опоили психотропами и использовали в своих целях люди, которых нужно найти как можно быстрее, но президент очень беспокоится за вас, за ваше здоровье и психику, и не хочет, чтобы с вами работали следователи. И еще он очень боится, что вы решите, будто он в чем-то вас винит, хотя это совершенно не так.

– Глупости. Какими же вы, мужчины, все-таки иногда оказываетесь примитивными и толстокожими. Я никогда не поверю в то, что папа мог меня заподозрить в желании ему навредить. Я немедленно звоню отцу и лечу туда, куда он скажет. Если нужно, пусть меня допрашивают следователи или вводят мне в кровь нужные препараты, чтобы я все вспомнила и рассказала.

Флайкар службы безопасности выскочил из-за ближайшей группы деревьев и почти бесшумно опустился на берег пруда.

– Просим прощения, Виктория Ивановна, произнес генерал Терентьев, начальник службы безопасности президента, появляясь из-за исчезнувшей в пазах двери, – все разговоры в резиденции, кроме встреч самого президента с посетителями, прослушиваются службой безопасности в обязательном порядке, так что мы в курсе вашей беседы. Ваш отец ждет

вас, прошу вас пройти в машину, я доставлю вас к нему.

Вика растерянно оглянулась на меня. Мартовский кот в моей голове гнусно орал вместе с дрессированным червяком, который так помог мне в истории с коррупционным скандалом. При всех моих достижениях в различных видах единоборств, я вряд ли смог бы противостоять вооруженным и хорошо обученным безопасникам, но в жизни бывают ситуации, когда у мужчины не остается другого выбора, кроме как вступить в бой, даже заведомо безнадежный. Однако, даже в такой ситуации настоящий боец не должен терять ясность мысли.

Я принял расслабленную позу, улыбнулся и начал говорить какую-то бессмысленную фразу про то, что вот и хорошо, что так все удачно складывается...

В прыжок я вложил все, чему меня учили в прошлой и в этой жизни.

– Красота удара никому не нужна, курсант, – звучал в моей голове голос майора Стейница, – она работает против тебя самого. Траектория движения твоего кулака, стопы, локтя или колена должна быть максимально короткой, это увеличит скорость нанесения удара. Забудь про эффективные круговые движения, просто бей.

– Если противников много, вы можете попытаться заставить их мешать друг другу, но если это слаженная группа, вас спасет только скорость, – вторил ему тихий басок Ильи Проскурова, – поэтому надевайте утяжелители, молодой человек, и еще тридцать выпрыгиваний из упора лежа.

– Не стремитесь уйти с линии атаки всем корпусом, ученик, и не пытайтесь блокировать удары. Это все потеря времени, – объяснял Ли Чанг, – пусть кулак или стопа противника пройдет вплотную к вашей голове, даже пусть поцарапает вам кожу, но ваш уклон должен быть минимальным, а сами вы в это время уже обязаны двигаться вперед и наносить свой удар. Только так вы сможете опередить врага.

Я прыгнул с места, из позы, которая почти любому показалась бы крайне неудобной для начала атаки, но мои учителя не зря считались лучшими бойцами Федерации, они знали, к чему и как нужно готовить своих учеников. Генерала Терентьева я лишь сильно толкнул в грудь, используя его массу для смены траектории своего прыжка и одновременно отправляя генерала в полет на безопасника, стоявшего сзади-справа, у борта флайкара. Сам я продолжил свой прыжок к дальнему противнику, менее всего ожидавшему от меня атаки. Оружия в руках у сотрудников СБ не было. Видимо, они надеялись проделать все тихо, и не хотели заранее нервировать нас. Безопасников готовили очень неплохо.

Несмотря на скорость и неожиданность моего прыжка, при подлете к цели меня уже ждал встречный прямой удар в лицо. Щеку обожгло болью, но кулак противника прошел мимо, зато мое колено и локоть почти одновременно встретились со скулой и печенью врага, впечатав его в борт флайкара. Я не промедлил ни секунды и, оттолкнувшись даже не от земли, а от борта машины и не успевшего еще упасть тела противника, вновь прыгнул, хотя видел, что уже не успеваю. Второй безопасник, увернувшийся от летевшего в него спиной вперед генерала, уже выхватил пистолет, и сейчас кисть его руки доворачивала ствол оружия в мою сторону.

Тихие хлопки разрядников я сперва принял за звуки естественного происхождения, но когда генерал Терентьев, крепко приложившийся о борт флайкара, и безопасник, так и не успевший навести на меня пистолет, задергались от попаданий парализующих пуль и начали безвольно оседать на землю, я понял, что в бой вмешалась третья сила.

– Ну вы даете, майор, – покачал головой полковник службы собственной безопасности министерства обороны, появившийся откуда-то из-за спины Виктории, так и стоявшей с застывшим на лице ужасом, – Не ожидал от вас такой прыти. Мы страхуем вас с момента прибытия в резиденцию, и останься вы на месте, ваше лицо бы не пострадало.

– Останься майор на месте, – все еще подрагивающим голосом произнесла Виктория, – и сохранить лицо ему удалось бы только в прямом смысле этого выражения. А теперь, если господин президент и дальше будет тянуть со своим решением, заботиться о сохранении лица придется уже ему, по крайней мере, перед собственной дочерью.

Линду едва успели спасти. Пуля снайпера разорвала ей сердце, но поскольку за ней уже велось плотное наблюдение, помощь подоспела вовремя, а схваченный чуть позже стрелок потом выразил глубокое сожаление, что не имел возможности выстрелить жертве в голову.

Из всей группы организаторов заговора захватить живым удалось лишь лорда Бэдера. Он и не пытался бежать из своего поместья, понимая, видимо, что при таких ставках все равно найдут где угодно и либо убьют, либо приведут к президенту, как беглого преступника, а так хоть сохранится видимость достойного проигрыша.

Остальные заговорщики попытались скрыться из Солнечной системы, воспользовавшись быстроходной яхтой сэра Джона Пауэлла, но как только стало ясно, что патрульные корветы не успевают перехватить их до ухода в прыжок, поступил приказ открыть огонь. Президенту Земной Федерации вполне хватало внешних врагов, и играть в гуманизм с внутренними он не

собирался.

Как сообщили официальные источники информации, из допроса Бэдера выяснилось, что организация, пустившая корни в старой Англии, успела оплести своей паутиной почти все транснациональные корпорации Федерации, в той или иной степени влияя на решения, принимаемые их советами директоров. Целью своей заговорщички видели теневой контроль над финансами и промышленностью, а в перспективе и смену власти и формы правления на что-то вроде олигархии. Все это, скорее всего, в лучшем случае было полуправдой, а в худшем просто враньем, предназначенным для впечатлительных обывателей. Тем не менее, у правоохранительной системы и служб безопасности метрополии и колоний неожиданно привалило работы на годы вперед, а в некоторых удаленных системах пришлось даже привлекать армию. В подробности этой истории я вдаваться не стал, хотя мне бы, наверное, рассказали. Но мне как-то хватало собственных проблем, и я не стал лезть в подробности подковерных разборок, которых всегда хватало в истории обоих виденных мной миров.

* * *

С подготовкой удара по тыловым планетам кваргов возникли вполне ожидаемые проблемы. Флот Федерации, потерявший в сражении за Грумбридж две трети тяжелых кораблей и авианосцев, оказался не способен выделить из своего состава достаточные силы для этой операции, не оголяя вконец и так недостаточно хорошо охраняемые собственные звездные системы.

Генерал армии Князев уже чуть не подпрыгивал в нетерпении, гоня на учениях свеженький десантный корпус, сформированный из дрон-подразделений. Жители Каллисто уже успели привыкнуть к бесконечным учебным штурмам своей многострадальной луны. Для обеспечения разнообразия Князев сунулся было с аналогичной идеей на Ганимед, но генерал-полковник Шиллер вежливо попросил его воздержаться от таких упражнений на его полигоне, поскольку после предыдущего раза гражданская администрация и так смотрит на него косо.

Решение нашлось, как это часто бывает, после оценки проблемы свежим взглядом, и нашел его, как ни странно, генерал армии Баррингтон, приглашенный обсудить вопросы логистики при снабжении войск и кораблей в рейде.

– Послушайте, господа офицеры, – удивленно произнес он, выслушав Нельсона и Князева, – а зачем вам в этом деле нужны тяжелые корабли и авианосцы? Ну, допустим, для поддержки десанта с орбиты понадобится от трех до пяти крейсеров, а больше-то зачем?

– А что мы станем делать с эскадрой прикрытия системы, в которой точно наберется семь-восемь линкоров и один, а то и пара авианосцев? – не менее удивленно возразил Нельсон, – И как мы будем давить орбитальные крепости, если все-таки доберемся до планет?

– Но вы же оба участвовали в бою за Грумбридж, господа... Скажите мне, сколько вражеских линкоров было уничтожено в этом сражении артиллерийским огнем тяжелых кораблей?

– Ну, тут трудно сказать точно, – задумался Нельсон, – по ним ведь не только линкоры работали, но если примерно, то около двадцати пяти.

– А дрон торпедами?

– Не меньше сорока, если считать и первое сражение, и наш контрудар.

– Вот! Вы сами ответили на свой вопрос. Вам не нужны ни линкоры, ни авианосцы. Берите с собой пять крейсеров для поддержки десанта, а все остальное – Невидимки с дрон-торпедами и с беспилотными истребителями последнего поколения, которые управляются из командирских машин или даже прямо с носителей.

– Несбалансированный флот получится, – озадаченно ответил Нельсон. Невидимки с дрон-торпедами – корабли одноразовые, выпустили боезапас и превратились в пустые транспорты, совершенно бесполезные в бою.

– А вы разве собираетесь там долго воевать? Задача-то другая совсем. Вошли в систему, уничтожили эскадру прикрытия, разрушили верфи, заводы и другие пустотные объекты, подавили орбитальную оборону, высадили десант, зачистили там все, как следует, и быстро назад в прыжок.

– Хм... – усмехнулся Князев, – звучит неплохо, особенно про «зачистили, как следует».

– А снабжение я вам при таком варианте могу обеспечить совершенно элементарно. Вместе с десантными транспортами генерала армии Князева пойдут несколько больших грузовых кораблей, груженых дрон-торпедами и резервными истребителями. Опыт перегрузки их на Невидимки в открытом космосе у нас уже есть, спасибо Лаврову с его идеей про контрудар по Грумбриджу. Тогда намучались с этим изрядно, но зато теперь эта процедура неплохо отработана.

– Лаврова-то с собой берем? – с усмешкой спросил Князев, – он же

наверняка с нами увяжется, а его попробуй отговори... Он хоть по званию пока и не особо крут, но по должности не младше нас будет, да и не хочу я его отговаривать. Мне командир дивизии беспилотных роботов нужен...

– Это вы начальника департамента минобороны хотите дивизией командовать поставить? – усмехнулся Нельсон, – а не слишком роскошно для дивизии?

– Ну, у вас же он командовал линкором, пусть и здоровенным, а это и есть дивизия, а может и бригада даже, если с армией сравнивать. Вообще-то я бы Лаврову и корпус доверил без проблем, но что тогда там буду делать я?

– А вот это, господа, очень правильный вопрос, – поднял вверх указательный палец Баррингтон и погрозил им обоим собеседникам, – А что, собственно, собираются делать в этом рейде по тылам врага адмирал флота и генерал армии? Вот вы, господин Князев, что там будете делать? Корпусом командовать? Так это должность для генерал-лейтенанта, вы ее уже на две ступени переросли. Авы, господин Нельсон? Вы будете командовать пятью крейсерами и тремя десятками носителей дрон-торпед и беспилотных истребителей? Так это дело для контр-адмирала, как максимум.

Оба старых товарища, ходившие вместе в десятки сражений, дослужившиеся до практически высших воинских званий, слегка обалдело смотрели на генерала Баррингтона, понимая, что возразить-то им, по сути, и нечего.

– Вы, господа офицеры, прислушайтесь к словам опытного человека, я все же изрядно постарше вас буду. Вы свои звания заслужили честно, но в вашем сознании вы до сих пор до них еще не доросли. Вспомните, хотя бы, что вы на Ганимеде учудили. Генералу Шиллеру эту историю до сих пор припоминают. Он, конечно, и сам хорош..., ну да я не об этом. Вы что, реально считаете, что уйдя в глубокий рейд, возможно, на несколько месяцев, вы принесете Федерации больше пользы, чем оставшись здесь? А вы не думали, что кто-то должен управлять флотом и армией все это время? Вы, господа – высшие офицеры, выше вас только маршал Тобольский, который, сами знаете, какой флотоводец. Вы на кого хотите оставить флот и армию Федерации? На адмирала Бронштейна? А когда он последний раз водил флот в сражение? Кто кроме вас и Лаврова сегодня умеет применять наше новое оружие? По-настоящему применять, с максимальной эффективностью? А ведь если сюда вопреки расчетам генштаба и адмиралтейства завтра заявятся кварги, кто-то должен будет их встретить и наддать им так, чтобы даже дорогу сюда забыли. Кто, кроме вас сможет это

сделать?

– И какие у нас варианты? – задумчиво произнес Князев, – вы ведь правильно сказали, что кроме нас никто не имеет опыта боевого использования нового оружия, а вся рейдовая группа практически на этом оружии и держится, и флот, и десант.

– Я знаю, к чему вы нас подталкиваете, – немного грустно улыбнулся адмирал Нельсон, – нам пора перестать быть теми курсантами в душе, которыми мы с генералом до сих пор оставались, искренне считая, что это просто замечательно. Наверное, и впрямь пора, а жаль. Да к тому же у нас действительно есть человек, который владеет этим оружием даже лучше нас, поскольку сам его и создавал, и который уже не раз доказал, что управление крупными соединениями флота и армии ему вполне по плечу. Доставайте ваш планшет, господин десантник, – обратился Нельсон к Князеву, – будем писать рапорт главнокомандующему.

– Перед отправкой сбросьте документ мне, – с легкой усмешкой попросил Баррингтон, – я тоже поставлю подпись.

* * *

После инцидента в резиденции Тобольского прошло уже две недели. Я полностью погрузился в дела своего департамента, чуть не каждый день участвуя в совещаниях с группой ученых, занимающейся работой над новыми принципами движения в гиперпространстве. Дело двигалось, хотя и со скрипом, и постоянно требовало моего вмешательства, чтобы научные изыскания не уходили в заведомо тупиковые направления, коих в этом разделе физики имелось более чем достаточно. Зато я понял, что очень сильно недооценивал интеллектуальный потенциал местных ученых. Получая от меня аккуратные подсказки, а иногда и просто намеки, они раскручивали их с невероятной скоростью, я только и успевал блокировать полет их мыслей, если они начинали развиваться в совсем уже неверном направлении, но таких случаев становилось все меньше и меньше. Я понял, что если и дальше дело пойдет такими темпами, то вскоре я смогу продемонстрировать президенту не просто технологию, позволяющую увеличить дальность единичного гиперпрыжка, но и нечто большее.

Вызов в резиденцию Тобольского поступил по официальному каналу, и я понял, что неопределенности в моей дальнейшей судьбе, видимо, теперь поубавится. В этот раз меня провели в зал приемов. Торжественная обстановка, флаги метрополии и колоний, строй высших офицеров армии и

флота, в центре зала небольшая трибуна изящной формы с гербом Земной Федерации. Руководитель церемонии указал мне место в строю. На мои майорские погоны генералы и адмиралы больше не поглядывали с удивлением, как это бывало раньше в подобных случаях, привыкли. Я немного удивился, что никто не предупредил меня заранее, но, видимо, на то были какие-то причины.

Потом в зал под звуки гимна вышел президент и порадовал нас десятиминутной речью о том, как нам сейчас тяжело, но мы не сдаемся и делаем все возможное в тылу и на фронте, чтобы не только не допустить наглого агрессора вглубь территории Федерации, но и ответить ударом на удар и дать врагу понять, что он нигде не может чувствовать себя уверенно, даже на своих исконных планетах. Последнее утверждение было достаточно свежим для подобных речей, на что, судя по лицам присутствующих, обратил внимание не только я.

Церемония мало отличалась от той, в которой я участвовал при награждении Золотой Звездой. Все так же выходили из строя названные помощником президента офицеры, звучали поздравления с присвоением генеральских и адмиральских званий и назначениями на новые должности. Иногда при этом еще и вручались награды.

Я окинул взглядом зал и среди приглашенных гостей обнаружил дочь президента Викторину, чему совершенно не удивился, но когда мой взгляд скользнул дальше, я чуть не выпал из строя без всякого вызова. С соседнего с Викой кресла нахально мне улыбалась капитан Инга Котова. И ведь ничего не сказала, конспираторша. Ну, ничего, доберусь я до тебя...

Закончить мысль о способах мести коварной подруге мне не дали, настал мой черед выходить к президентской трибуне.

Тобольский встретил меня легкой улыбкой. Обычно заслуги и достижения награждаемого офицера оглашал помощник президента, а сам маршал лишь вручал награду, жал руку и иногда добавлял пару слов от себя, но тут главнокомандующий остановил помощника жестом руки.

– Майор Лавров, – подобающим моменту голосом произнес президент, – за храбрость и стратегические таланты, проявленные вами в сражении за систему звезды Грумбридж, за высокий личный вклад в уничтожение более чем тридцати тяжелых кораблей врага и спасение почти трехсот миллионов граждан Земной Федерации, совместным решением правительства и генерального штаба вы награждаетесь Орденом Полумесяца. Кроме того, за особые заслуги перед армией и флотом персональным указом президента вам присвоено звание контр-адмирала. Придется вам все же сменить цвет мундира, Игорь Яковлевич, –

неожиданно назвал меня Тобольский по имени и отчеству.

* * *

В качестве первой цели мы выбрали систему Дельты Треугольника. Именно там, еще в первом разведывательном рейде, мы с Юн Гао обнаружили крейсер кваргов, поврежденный неизвестным оружием. Однако, кроме крейсера, имелось в этой системе и много еще интересных объектов, например, комплекс верфей и несколько пустотных заводов по переработке сырья, добываемого в поясе астероидов и на спутниках впечатляющего газового гиганта, пятой планеты системы. Вот за ними-то мы сюда и пришли.

Путь к Дельте Треугольника был нам уже более-менее знаком, именно этой дорогой мы с Юн Гао возвращались домой из рейда в подконтрольный кваргам космос. Тем не менее, неприятных неожиданностей мы все же опасались, поэтому двигались довольно медленно, высылая вперед перед каждым прыжком несколько малых разведчиков и лишь потом, после их доклада, прыгая вслед за ними. Пару раз мы ловили якорные сигналы гипермаяков, оставленных Юн Гао и Мбиа на пути их движения к дальней границе владений кваргов, но наш путь лежал несколько в стороне от маршрута разведчиков, и сигналы маяков едва различались на фоне естественных шумов.

Три недели пути сильно нас вымотали, но любое ожидание рано или поздно заканчивается. Мы прибыли. Разведчики, совершившие прыжок на окраину системы, обнаружили значительные изменения в промышленной инфраструктуре кваргов, произошедшие с того времени, когда сюда наведывались мы с Юн Гао. На орбите газового гиганта добавилось пустотных доков и в двух из них, особо выделявшихся размерами, строились знакомые нам гигантские линкоры. Две населенные кваргами планеты обзавелись дополнительными системами обороны. Орбитальных крепостей у каждой осталось по четыре, но к ним добавились десятки мониторов, таких же, какими противник пытался защитить низкие орбиты Лейтена-5. Меня это насторожило. Обычно мониторы использовались только для быстрого создания орбитальной обороны недавно захваченных планет, где еще не имелось орбитальных крепостей.

Эскадра прикрытия оказалась более чем внушительной. Десять линкоров, один из которых класса Титан, два авианосца, четыре крейсера и эсминцы с корветами в изрядном количестве. Но самым неприятным стало

то, что появление нашей эскадры кварги обнаружили сразу, несмотря на то, что я не стал вводить в последний прыжок крейсера и эсминцы, ограничившись только Невидимками. После нашего выхода из гипервоя в районе орбиты восьмой планеты силы кваргов сразу пришли в движение, но в нашу сторону устремилась не вся их эскадра, а лишь три десятка эсминцев и корветов, сопровождаемых массой каких-то более мелких кораблей явно внутрисистемного класса.

– Странная реакция, – произнес я вслух посетившую меня мысль, – они, похоже, нас не видят, но каким-то образом узнали о том, что мы здесь, причем даже как-то вычислили примерный район нашего выхода из гипервоя.

– Может быть нам сменить курс, господин контр-адмирал? – предложил командир Невидимок, капитан первого ранга Эверс, – сразу станет понятно, на что способны эти их новые системы контроля пространства.

Я нашел идею здоровой, и все тридцать Невидимок, сохраняя строй, совершили поворот на девяносто градусов, двигаясь теперь вдоль орбиты восьмой планеты. Минут через двадцать стало понятно, что наш маневр противник засек, его корабли изменили курс, вновь нацеливаясь на нашу эскадру.

Мы явно столкнулись с чем-то новым, с какой-то технологией, которую кварги раньше не применяли. Лезть в таких условиях в центр системы я считал неоправданным риском, но собрать максимум сведений о новом оружии врага было необходимо. Пока в действиях противника я не видел ничего опасного для нас. К нам приближалось почти семь десятков кораблей, но самыми крупными среди них были эсминцы, а на самые мелкие даже дрон-торпеды тратить не хотелось.

– Противник отреагировал на смену курса нашей эскадрой с запозданием в семнадцать минут, – сообщил мне Эверс, – я не знаю, что они используют, но это что-то не слишком точное и быстрое.

– Господин контр-адмирал, разрешите обратиться, – развернулся ко мне оператор контроля пространства.

– Я вас слушаю, лейтенант.

– Судя по времени реакции и отсутствию точного захвата цели, противник использует сеть масс-детекторов, вот только чтобы это хоть как-то работало, детекторов нужно много, а разрешающая способность у них должна быть на два порядка выше, чем у наших лучших образцов. Нас учили, что этот метод когда-то рассматривался в качестве альтернативы широкополосным сканерам, но так и не был принят на вооружение из-за низкой точности и высокой стоимости.

– Ну да, – задумчиво произнес Эверс, – было такое. Дорого, неточно, но зато полностью игнорирует наши средства РЭБ. Меня другое интересует, почему именно здесь? Они развернули дорогу и явно новейшую свою разработку в тыловой системе, пригнали сюда мониторы и усилили ими оборону планет. Кварги боятся, что система Дельты Треугольника подвергнется атаке, но они не могли узнать о наших планах, никак не могли, а значит, они ждут не нас.

– Да в том-то и дело, что именно нас они и ждут, – возразил я, – зачем еще им понадобилась бы сеть масс-детекторов? Пока у нас не появились новые средства маскировки, кварги прекрасно обходились своими сканерами. Давайте пока исходить из того, что противник далеко не глуп и понимает, что наше новое оружие дает нам возможность скрытно выходить на рубеж атаки и бить по узлам инфраструктуры, где бы они ни находились. Мы уже продемонстрировали это, когда атаковали верфи со строящимися линкорами. Неужели вы думаете, что кварги не приняли после этого меры для исключения подобных ударов в будущем? Довести свои средства РЭБ и сканеры до нашего уровня они не смогли, вот и решили пойти другим путем, пусть и более сложным и дорогим, но дающим хоть какую-то защиту от нашей тактики применения дрон-торпед.

– А мониторы на низких орбитах зачем? – не успокаивался Эверс.

– Да все за тем же. Не трудно предположить, что по планетам мы тоже можем ударить, если уж прибудем в систему. Все, прекращаем обсуждение, через тридцать минут здесь будут передовые силы противника и нам нужно организовать им теплую встречу. Невидимкам с первого по пятый выдвинуться навстречу противнику и лечь в дрейф. Торпедный залп по готовности, истребителям сопровождать торпеды до рубежа автономной атаки и уничтожить малые внутрисистемные корабли противника. Торпеды тратить на них не будем. Только пусть с командирскими машинами вперед не лезут, хватит с кваргов и беспилотников.

В этот раз вооружение Невидимок мы сконфигурировали иначе, чем в битве за Грумбридж. Практика показала, что дрон-торпеды без прикрытия истребителей плохо переносят атаку mosquito сил противника, поэтому теперь каждый носитель имел на борту три десятка дрон-торпед при трех командирских машинах и двадцать беспилотных истребителей, управляемых двумя пилотируемыми ведущими. К сожалению, систему управления торпедами и истребителями прямо с борта Невидимок к нашему рейду подготовить еще не успели.

Выделенных мной сил по всем прикидкам должно было хватить с избытком, но я не собирался рисковать и экономить. Солидный запас

торпед и беспилотных истребителей, загруженный в транспортные корабли, давал мне такую возможность. Но сюрпризы на сегодня еще не закончились.

Легкие силы кваргов изменили строй. Видимо, выдвижение в их сторону пяти Невидимок не прошло незамеченным. Вперед вышли те самые малые внутрисистемные корабли, и... распались на десятки частей, оказавшихся зондами-разведчиками, практически, сканерами с двигателями и передатчиками. Образовав густой строй, волна зондов рванулась вперед, а вслед за ней начали форсированный разгон эсминцы и корветы.

Что-то ситуация перестала мне нравится. Я бы, наверное, отдал выдвинутым вперед Невидимкам приказ отступать, не ввязываясь в бой, но возможности нового оружия и тактики противника требовалось выяснить как можно детальнее.

– Невидимкам один-пять немедленный торпедный залп, истребителям страт, – принял я решение, – сразу после ухода торпед и истребителей разрыв дистанции с противником.

Через несколько минут с командирских машин, ушедших навстречу врагу, один за другим посыпались доклады об обнаружении противником. Зонды, сквозь строй которых сейчас прорывались к целям истребители и торпеды, сами оружия не имели, но их сканеры из-за ничтожного по космическим меркам расстояния прекрасно видели цели и транслировали эти данные на свои корабли, в результате чего эффективность наведения управляемых ракет и точность зенитного огня возрастали на порядок.

– Истребителям сосредоточить огонь на зондах.

Впрочем, мой приказ запоздал, пилоты сами разобрались в ситуации не хуже меня. Охота за небольшими, не слишком маневренными, но очень многочисленными аппаратами требовала от истребительного прикрытия времени, которого не было. С каждой секундой зенитные средства противника выбивали все больше торпед. Изначально с пяти Невидимок к целям их ушло сто пятьдесят. Сейчас, несмотря на все усилия истребителей и собственные отчаянные маневры, лишь около пятидесяти адских машинок продолжали путь к кораблям кваргов, но шли они уже в автономном режиме, и до целей им оставалось совсем немного.

– Есть попадания в корабли противника, – доложил оператор контроля пространства. На тактической проекции семнадцать вражеских вымпелов замерцали и погасли, но оставшиеся тринадцать кораблей, в основном, корветы, продолжили разгон, стремясь догнать и уничтожить носители, осуществившие запуск торпед. О том, что они все еще где-то здесь врагу сообщила сеть масс-детекторов, обнаружить которые мы пока так и не

смогли. Не до конца выбитые зонды противника расходились широким веером, пытаясь нащупать своими сканерами не такие уж и маленькие корпуса Невидимок, а наши истребители, понесшие немалые потери и истратившие на охоту за зондами практически весь боезапас, не могли ничем помочь своим кораблям-носителям и вынужденно вышли из боя.

– Невидимкам один-пять курс на основные силы эскадры. Шесть-девять, выдвинуться вперед и прикрыть торпедным залпом и истребителями отступление группы один-пять. Истребители отправить первыми для зачистки сети зондов противника. Торпедный залп с задержкой в три минуты после старта истребителей, – озвучил я новый приказ. Кажется, в схеме противодействия новой тактике кваргов что-то стало вырисовываться.

Кварги использовали все свои носители зондов в первом столкновении с Невидимками, поэтому сейчас волну истребителей встретила уже не столь густая сеть летающих сканеров, к тому же она вынуждено растянулась на куда большую площадь, чем в начале боя, да и кораблей у противника осталось всего тринадцать, так что плотность зенитного огня не шла ни в какое сравнение с той, что встретила первую волну торпед. Через пятнадцать минут все было кончено. Тринадцать вспышек осветили на мгновение пустоту космоса, а половина дрон-торпед вернулась на Невидимки, не найдя для себя целей. Подобрав истребители и командирские машины торпедных звеньев, первая десятка Невидимок начала разгон для прыжка к нашей временной базе за пределами системы. Им требовалось пополнить боезапас торпед и беспилотных истребителей. В этом бою мы потеряли девять командирских машин, и места погибших должны были занять пилоты из резерва. Я еще раз убедился, что пилотируемые истребители должны исчезнуть с первой линии боя. Все для этого уже есть, осталось только продавить это решение в адмиралтействе и с достаточной интенсивностью накрутить хвост безмерно мной уважаемому министру военной промышленности.

Передо мной встал нелегкий выбор. Со всей очевидностью я понимал, что штурм планет и уничтожение эскадры прикрытия нам не по зубам. Атака легких сил однозначно была для кваргов лишь проверкой новой техники и тактики ее применения в боевых условиях. И мы, и они убедились, что тактика эта хоть и не идеальна, но, по крайней мере, в значительной степени нейтрализует наше оружие, нанесшее кваргам столь сокрушительный урон в сражении за Грумбридж. Враг знает о нашем присутствии в системе, и если сейчас мы сунемся к центральным планетам, он даст нам бой, задействовав все силы эскадры прикрытия. Тяжелых

кораблей у нас, считай, нет, не рассматривать же всерьез пять крейсеров, которые все вместе не устоят против одного линкора класса Титан и получаса. Значит, мы будем атаковать торпедами. Да, мы можем их выпустить девять сотен в одном залпе и прикрыть этот удар шестью сотнями истребителей. Это внушает. Но я был уверен, что кварги припасли у себя в закромах изрядное количество носителей разведзондов, благодаря которым они выстроят на пути торпед отменную сеть летающих сканеров, и если даже эсминцы с корветами сумели так сильно проредить нашу торпедную волну, то что говорить о возможностях зенитной артиллерии и ракет ближнего радиуса систем ПКО крейсеров и линкоров. Не нужно забывать и о двух авианосцах, а это почти три сотни истребителей. Они свяжут боем наше прикрытие и не дадут ему уничтожать сеть зондов. В результате к целям прорвутся единичные торпеды. Возможно, несколько кораблей мы все-таки уничтожим, но потом уйти нам не дадут, а без торпед Невидимки всего лишь удобные мишени для пушек и ракет.

Тем не менее, передо мной стояла конкретная задача, поставленная генштабом и утвержденная лично маршалом Тобольским. Я должен был дать понять кваргам, что спокойной жизни в тылу у них не будет, а значит, прежде чем лезть в очередную атаку, им нужно обезопасить собственные звездные системы. Чтобы объяснить это противнику с максимальной доходчивостью мне требовалось нанести существенный ущерб его инфраструктуре. Если сейчас моя эскадра отступит, наш рейд будет иметь обратный эффект, кварги решат, что выстроили достаточно эффективную систему противодействия нашему оружию, и теперь их тылы в безопасности.

У меня в запасе были почти сутки, пока первая десятка Невидимок не вернулась в систему, пополнив боезапас. Я вызвал на связь всех командиров своих боевых кораблей, и теперь с проекционного экрана на меня смотрели тридцать четыре лица, ожидая моего решения.

– Итак, господа офицеры, – начал я постановку задачи, – сегодня мы должны продемонстрировать кваргам, что безопасность их собственной инфраструктуры является их первейшей задачей, поэтому именно инфраструктура и станет нашей целью. В этой операции от вас мне понадобится умение действовать самостоятельно. В составе эскадры мы ничего не добьемся. Совместными усилиями четырнадцать тяжелых кораблей и два авианосца раздавят нас с минимальными собственными потерями. Но их всего шестнадцать, считая крейсера и авианосцы и не считая мелочь, а нас тридцать пять. Если мы будем действовать по разным векторам, прикрыть все направления они не смогут. Наши крейсера,

конечно, не могут решать задачи по уничтожению орбитальных заводов, их туда просто не подпустят, но отвлечь силы противника им вполне по плечу. Сейчас каждый из вас получит общий план боя и свой собственный маневр. Общий смысл заключается в том, что наша эскадра рассеивается, и каждый корабль занимает исходную позицию за пределами системы, образуя вокруг нее некое подобие сферы. Атаку мы начинаем одновременно, а дальше ваши решения будут зависеть от действий противника. Мы не знаем точно, какова чувствительность их сети масс-детекторов. Экспериментально установлено, что на пять идущих плотной группой Невидимок она реагирует. Что будет в случае одиночного корабля, неизвестно. В любом случае, многие из вас столкнутся с выходящим вам на встречу противником. Если на вас выходит одиночный корабль, вы наносите удар торпедами под прикрытием истребителей. Авианосцев у них всего два. Быть одновременно везде они не смогут, значит, эффективное противодействие торпедному удару мы можем ожидать только в двух местах. Те из вас, кому «посчастливится» попасть на направления, прикрытые истребителями с авианосцев, в бой не вступают. Ваша задача лишь держать противника в напряжении и не давать ему перебросить авианосцы на другое направление. Аналогичный образ действий предписывается тому, на кого выйдет линкор класса Титан. С ним в одиночку вы однозначно не справитесь, а значит, ваша задача просто приковывать его к себе, не вступая в бой. Если сильно прижмут, разгоняйтесь и уходите в прыжок. Для каждого Невидимки в плане операции указана своя цель, но в ходе боя она может быть изменена, все зависит от тактики противника. Я не исключаю, что они решат не выходить нам на встречу, а прикрыть наиболее важные объекты, вроде доков со строящимися линкорами. В этом случае будем громить те орбитальные объекты, которые останутся без прикрытия. Даю вам тридцать минут на ознакомление с личными задачами и жду вопросов и уточнений.

* * *

Эскадра прикрытия висела в пространстве на орбите третьей планеты Дельты Треугольника. Видимо, кварги считали, что из этой точки они успеют парировать любую угрозу, с какого бы направления она ни появилась, но беда пришла со всех направлений сразу.

Такого поворота адмирал кваргов явно не ждал, а может быть, сеть масс-детекторов отреагировала на одновременный вход в систему

большого количества разрозненных целей как-то неадекватно. Во всяком случае, некоторое время эскадра прикрытия никак не реагировала на наши действия, а потом еще минут двадцать совершала какие-то странные эволюции вокруг третьей планеты, смысл которых от меня ускользал. Итоговое решение командующего вражескими силами я охарактеризовал бы как «ни два, ни полтора». Линкор класса Титан, оба авианосца, еще два линкора и крейсер двинулись к пятой планете прикрывать верфи и орбитальные заводы. С ними потянулась примерно половина оставшихся в распоряжении противника легких сил. В том, что эти цели противник не бросит на произвол судьбы ни при каких обстоятельствах, я изначально был совершенно уверен.

Еще по паре линкоров осталось у второй и третьей планет, а остальные корабли разделились на три группы, в каждую из которых входило по одному линкору, одному крейсеру и от трех до пяти эсминцев и корветов, ну и, конечно, весьма значительное количество носителей зондов для противоторпедной сети. Каждая из этих групп выдвинулась по своему направлению навстречу нашим Невидимкам. Из каких соображений эти направления были выбраны, я так и не понял. Возможно, командир кваргов считал их наиболее опасными с точки зрения атаки на какие-то важные объекты в системе. Одиночным Невидимкам такая цель была явно не по зубам, но вот группа из семи кораблей вполне могла рассчитывать на успех, ведь авианосцы ушли к пятой планете, а на семи Невидимках базировались сто сорок истребителей, способных очень неплохо проредить сеть зондов перед торпедным ударом. Я скорректировал задачи своим кораблям. Теперь к незащищенным обогатительным заводам в поясе астероидов продолжали полет только три Невидимки. Еще четыре носителя дрон-торпед и все пять наших крейсеров изображали атаку на верфи у пятой планеты, неспешно двигаясь в ее направлении. Я шел на одном из крейсеров этой группы. Реально атаковать мы не собирались, но своими действиями удерживали на месте самую опасную группу кораблей противника. Я опасался, что оставшиеся без дела четыре линкора, охраняющие планеты, двинутся на помощь своим товарищам, но, видимо, защита планет являлась для кваргов приоритетной задачей и тяжелые корабли остались на месте. Все три сражения начались почти одновременно и по одинаковому сценарию. Невидимки выпустили волну истребителей, а кварги ответили им встречным развертыванием сети зондов. Наши истребители набросились на беззащитные аппараты, но тут выяснилось, что противник еще не исчерпал запас своих козырей. Мощь зенитных систем его тяжелых кораблей стала для нас неприятным сюрпризом. По сравнению с тем, чем располагали

крейсера и линкоры кваргов в сражении за Грумбридж, число зенитных орудий и пусковых установок ракет ближнего радиуса действия было увеличено ими примерно втрое. Истребители начали нести ощутимые потери уже в самом начале боя, но продолжали пробивать путь дрон-торпедам, которые еще даже не покинули ангары Невидимок. Не у всех командиров моих кораблей выдержали нервы. Видя избиение своих истребителей, некоторые из них выпустили торпеды преждевременно. Да, этим они отвлекали зенитные средства противника от истребителей, но, по хорошему, все должно было быть наоборот. Каждая уничтоженная огнем зенитных систем торпеда уменьшала шансы выживания для самих Невидимок, ведь любой недобитый торпедным залпом корабль врага представлял для них большую опасность.

В одном случае все закончилось весьма неплохо. Семь наших кораблей, общее командование которыми принял капитан первого ранга Эверс, ценой потери почти всего москитного флота смогла вывести на рубеж автономной атаки больше половины выпущенных Невидимками торпед. Такого удара вражеская группа кораблей выдержать не смогла, и после ряда вспышек и взрывов, означавших попадания дрон-торпед, на месте линкора, крейсера и эсминцев противника остались лишь обломки и космический мусор.

А вот в двух других сражениях результат вышел весьма спорным. Там к целям прорвалось хорошо если четверть торпед, и если тяжелые корабли врага в обоих случаях либо погибли, либо полностью потеряли боеспособность, то многие эсминцы и корветы вообще избежали попаданий и продолжили атаку. Невидимки были вынуждены уходить по разным векторам, надеясь, что догнать их всех противник не сможет. Надежда эта оказалась лишь частично обоснованной, и восемь из четырнадцати кораблей мы потеряли. Дополнительной, но очень неприятной проблемой стало то, что вынужденные максимально быстро уйти с места боя Невидимки не смогли подобрать командирские машины, управлявшие дрон-торпедами и беспилотными истребителями. В принципе, такой сценарий планом операции учитывался и для спасения пилотов мы располагали десятком малых разведчиков, обладавших на порядок лучшей маскировкой, чем Невидимки. Но в данном случае пилотов, оставшихся без своих базовых кораблей, оказалось уж слишком много. Спасти из них удалось меньше половины.

Обогащительные заводы в поясе астероидов мы уничтожили. Невидимки потратили на них всего по десятку торпед, так что мы еще вполне располагали ударной силой для продолжения диверсионной

деятельности. Флот противника существенно уменьшился, но и мы понесли потери, истратив к тому же большую часть боезапаса. Я принял решение уничтожить еще несколько обнаруженных нами небольших пустотных объектов и уходить из системы. Сигнал о нашей атаке наверняка ушел в центральные системы кваргов, и довольно скоро можно было ожидать прибытия представительного комитета по встрече, знакомство с которым в мои планы совершенно не входило. Задачу свою мы частично выполнили, хотя особого удовлетворения я не испытывал. Кварги в очередной раз показали себя гибким и умным врагом, который, несмотря на отдельные ошибки, способен держать очень сильные удары и подниматься после нокдаунов, продолжая бой.

* * *

После операции в системе Дельты Треугольника наши силы уменьшились почти на треть. Даже пополнив боезапас с транспортов, мы теперь обладали значительно меньшими возможностями, чем в начале рейда, но это не означало, что нам пора домой. Мне предстояло выбрать следующую цель атаки, но судьба распорядилась иначе, решив, что ее подопечный уже достаточно напрыгался самостоятельно, пора бы и честь знать.

После прыжка от границ системы Дельты Треугольника мы вновь поймали якорный сигнал одного из маяков Юн Гао, но на этот раз этим дело не ограничилось и, получив от нас кодированный ответ, маяк передал нам информационный пакет с сообщением от разведчиков. Юн Гао нашел третью силу, да так удачно, что теперь совершенно не ясно было, что с ней делать. Вынырнув на окраине очередной звездной системы, разведчики окунулись в гущу боя. Флот кваргов методично давил сопротивление отчаянно отбивающейся орбитальной обороны пяти обитаемых планет неизвестной расы. На тот момент, а происходило это сутки назад, все пять планет еще неплохо держались, но по оценкам Юн Гао и Мбиа, шансов у них было не много. Во всяком случае, флот кваргов уже безраздельно господствовал в системе, ни одного корабля потенциальных союзников разведчики не обнаружили.

– Трое суток пути, – прокомментировал полученное сообщение генерал-лейтенант Свенсон, командующий нашими десантными силами, – если бы речь шла о какой-то из наших систем, я бы сказал, что одна-две планеты до нашего прибытия могут продержаться, хотя, конечно, бои уже

будут идти на поверхности, и положению обороняющихся я бы завидовать не стал.

– Мы совершенно не подготовлены к этой встрече, – ответил я на молчаливый вопрос офицеров моего штаба, – но упускать такой шанс у нас нет никакого права, нет лучшего способа знакомства с потенциальным союзником, чем помощь ему в бою. Отправьте сообщение Юн Гао, что мы выдвигаемся к ним и нам нужны последние данные по положению в системе. Подготовить флот к разгону и прыжку на координаты маяка разведчиков.

* * *

Система Йоты Персея, желто-оранжевого карлика, собирающегося в ближайшее, по космическим меркам, время стать субгигантом, встретила нас бурной активностью у пяти центральных планет.

Орбитальная оборона, как и предсказывал генерал Свенсон, более не подавала признаков жизни, но на поверхности планет бои продолжались с высокой интенсивностью. Сразу после выхода из прыжка мы приняли сигнал Юн Гао, передавшего нам свежую информацию о противнике. Кваргов в системе оказалось немало. Семнадцать линкоров, десять крейсеров, три авианосца, целый флот десантных транспортов, ну и эсминцы с корветами, куда ж без них. Кораблей класса Титан разведчики не обнаружили, и это было, пожалуй, единственной приятной новостью.

Двадцать два наших Невидимки и десяток малых разведчиков вышли из прыжка на окраине системы. Кварги нас не заметили, все-таки Йота Персея была для них враждебной территорией и развернуть здесь сеть масс-детекторов они, видимо, не успели. Силы противника оказались вынужденно размазаны между всеми пятью штурмуемыми планетами, поскольку десанту везде требовалась поддержка с орбиты. Лишь авианосцы, бесполезные при захвате планет, висели в пространстве отдельной группой под охраной десятка эсминцев и пары крейсеров.

– Их здесь даже больше, чем было у Дельты треугольника, – констатировал Эверс, – какие будут распоряжения, господин командующий?

– Здесь они не дома и явно не готовились к отражению нашей атаки, – ответил я капитану первого ранга, стараясь придать своему голосу уверенность, – к тому же их силы разобщены и заняты боем. Авианосцы противника расположены так, что при нашей внезапной атаке на вражеские

линкоры, висящие на орбитах планет, они не смогут быстро прийти им на помощь.

– Опять пойдем одними Невидимками? – в голосе Эверса звучало сомнение, – бить надо одновременно по всем кораблям у планет, значит, на каждую группу из пяти тяжелых кораблей противника придется по четыре-пять Невидимок. Это мало, но при полном торпедном залпе шанс есть, вот только после удара нас быстро догонят и порвут эсминцы и корветы, как это уже было у Дельты Треугольника.

Я колебался. Во многом Эверс был прав. Да, практически, во всем, но вот так просто взять и уйти из системы Йоты Персея и упустить шанс наладить взаимодействие с врагами Кваргов я не мог.

Все-таки мы совершили серьезную ошибку, не взяв в рейд ни одного линкора. Наше торпедное оружие оказалось опасным не только для врага, но и для нас самих. Мы сосредоточились лишь на одной его слабости, на уязвимости торпед при атаках москитными силами противника, и упустили тот факт, что Невидимки обречены на уничтожение, если после израсходования всех наших торпед у врага еще остаются боеспособные корабли, пусть даже только эсминцы и корветы. Мы, конечно, можем потащить за собой в атаку пять наших крейсеров, но тогда о неожиданном ударе можно смело забыть, туши крейсеров кварги засекут на очень приличном расстоянии.

С какой стороны ни зайди, получался тупик, но я чувствовал, что выход есть. Слишком много слабостей имелось в диспозиции противника. За нас играла внезапность, ведь кварги о нас пока не знали. Кроме того, противник вел бой, причем уже несколько суток, а значит, его корабли наверняка имели повреждения и неполный боекомплект. Ну и раздробленность сил кваргов просто просилась в мой будущий план атаки в качестве ключевого фактора. Когда план все-таки созрел, я долго крутил его в голове с разных сторон, но поняв, что сам уже не могу смотреть на него достаточно критично, вновь созвал совещание командиров кораблей.

– Господа офицеры, – перешел я к сути после того, как в нескольких фразах обрисовал всю вопиющую невозможность просто развернуться и отступить из системы, – мы проведем операцию в два этапа. В первом ударе участвуют только невидимки, построенные в три волны. Удар будем наносить по авианосцам противника...

* * *

Все двадцать два Невидимки покинули систему и развернувшись по большой дуге встали на курс, перпендикулярный плоскости эклиптики. Построившись тремя эшелонами, они начали разгон к точке дислокации вражеских авианосцев и прикрывавших их кораблей. Такое построение имело достаточно простой смысл – если у первой волны что-то пойдет не так, ее отступление прикроет торпедным залпом и истребителями вторая, а затем и третья волна Невидимок. За час до рубежа пуска торпед мы выключили двигатели и продолжили движение по инерции. Трудно сказать, что именно позволило нам подобраться так близко к врагу. Понятно, что отсутствие сети масс-детекторов сильно осложняло противнику наше обнаружение, но в плюс к этому, видимо, добавилась полная неожиданность нашего появления в системе и наличие отвлекающих факторов в виде пяти одновременно идущих штурмов планет. Первая волна Невидимок произвела торпедный залп, практически, в полигонных условиях. Истребители с авианосцев взлететь не успели, а зенитные комплексы, традиционно многочисленные на этом типе кораблей, оказались не готовы к отражению атаки, да и их эффективность без внешнего целеуказания оставляла желать лучшего.

Вмешательства второй волны не потребовалось, торпед первых восьми Невидимок хватило на все цели, включая легкие корабли кваргов, так что бой завершился, не успев начаться. Отстрелявшись и подобрав командирские машины, восемь исчерпавших боезапас Невидимок ушли из системы, не снижая скорости и не меняя курса. Они прошли сквозь плоскость эклиптики и вновь стали удаляться от границ системы, туда, где в нескольких часах хода их уже ждали транспортные корабли, готовые загрузить в трюмы носителей новые дрон-торпеды.

Кварги отреагировали на потерю авианосцев крайне болезненно. Надо признать, командующий их флотом в панику не впал и принял решение практически мгновенно. От пяти атакуемых врагом планет сходящимися курсами на перехват нашей эскадре вышли двадцать тяжелых кораблей. У планет для поддержки десанта осталось лишь по одному крейсеру. Судя по всему, адмирал противника предполагал сначала собрать свои корабли в единый флот и только потом ударить по нашим силам, но безучастно наблюдать за реализацией этого замысла мы не стали. Готовых к бою Невидимок у нас осталось четырнадцать, и делить их я счел нецелесообразным. Наша эскадра сменила курс, выходя навстречу четверем линкорам и крейсеру, идущим от пятой планеты в намеченную врагом точку сбора.

Противник никак не отреагировал на наши действия, видимо, потеряв

нас после уничтожения авианосной эскадры. Патрульных и разведывательных кораблей, как, впрочем, и эсминцев у врага в системе Йоты Персея оказалось на удивление мало, что тоже не способствовало эффективному контролю пространства его флотом, особенно при нашем уровне средств маскировки.

– Господин контр-адмирал, – обратился ко мне генерал Свенсон, – вам не кажется, что это какие-то другие кварги? Те враги, что встретили нас в системе Дельты Треугольника, вели себя совсем иначе и воевали на порядок эффективнее, а эти, такое ощущение, оказались совершенно не готовы к нашим методам ведения войны.

– Согласен с вашим выводом, – кивнул я генералу, – думается мне, до модернизации кораблей и переобучения личного состава этого флота у командования кваргов просто еще не дошли руки. Не собирались эти кварги воевать с нами, они пришли сюда совсем для других целей, – и я кивнул на изображения пяти атакуемых планет, подсвеченные зеленым на тактической проекции. Если это так, то тем проще для нас, но строить на этом нашу тактику пока рано, гипотеза нуждается в дополнительной проверке.

Проверка не заставила себя ждать. Атака Невидимок, выстроенных двумя волнами по семь кораблей, привела к быстрой и бесславной гибели четырех линкоров и крейсера противника вместе с немногочисленным эскортом, состоявшим из эсминцев и корветов. Никаких носителей зондов для формирования противоторпедных сетей кварги не применяли, видимо, просто не имея их в наличии, а значит, этот флот действительно не готовился к противостоянию нашему новому оружию, а после гибели авианосцев противник лишился и последнего более-менее эффективного средства борьбы с дрон-торпедами. Что ж, не использовать слабость врага в данной конкретной точке времени и пространства с нашей стороны было бы глупо.

Шесть часов спустя мы приступили ко второму этапу операции. В этот раз нам не требовалось скрывать свои намерения, скорее даже наоборот. Границу системы пересекли пять крейсеров, за которыми двигался весь флот десантных транспортов под охраной десятка эсминцев. Впереди и по бокам, как и предписывалось боевым уставом, проверяли путь разведчики. Невидимки тремя группами держались чуть в стороне, чтобы иметь возможность оперативно отреагировать на появление тяжелых кораблей противника, оставаясь необнаруженными до последнего момента. Наш курс недвусмысленно выводил эскадру к пятой планете. Мы выбрали для первой атаки именно ее, поскольку в случае непредвиденных негативных

изменений в обстановке у нас оставалась возможность быстро разогнаться и уйти в прыжок. На таком расстоянии от звезды зону гравитационного ограничения на вход в гипер можно было покинуть достаточно быстро.

Кварги заметили нас еще до входа в систему, корабли такого размера, как крейсера и большие войсковые транспорты от сканеров спрятать крайне сложно. Вероятно, командующий флотом противника решил, что другого шанса разом покончить с нашим наглым вмешательством в почти выигранное им сражение ему может и не представиться. Он видел перед собой довольно слабую группу противника, не шедшую ни в какое сравнение с его собственными силами, причем группу, состоящую из кораблей, с которыми он знал, как бороться. Конечно, противник ни на секунду не забывал о наличии у нас Невидимок, доставивших ему столько проблем, но отступить в подобных обстоятельствах кварги не привыкли. В этот раз противник спешить не стал. Дождавшись у пятой планеты прибытия всех имеющихся в наличии сил, адмирал кваргов начал разгон навстречу нашей эскадре. Тяжелых кораблей у врага вновь оказалось двадцать, в этой атаке приняли участие действительно все силы противника, у планет осталось только по одному эсминцу. Легкие силы кварги тоже стянули со всей системы, понимая, что для эффективного противодействия дрон-торпедам нужно выстроить перед линкорами и крейсерами хотя бы какое-то подобие сети из легких кораблей. Будь у нас хоть один линкор, такое построение противоречило бы здравому смыслу, эсминцы и корветы были бы просто выбиты огнем линкора с дальней дистанции. Но линкора у нас не имелось, а дальность огня орудий главного калибра крейсеров не позволяла повернуть такой фокус, не подставляясь под ответный огонь линкоров.

Наверное, командующий силами кваргов примерно так и рассуждал, и был он, судя по всему, достаточно опытным флотоводцем, вот только в таких условиях воевать ему раньше не приходилось, да и о наших силах он имел неверное представление. В системе Йоты Персея мы еще ни разу не давали залп торпедами более чем с восьми Невидимок одновременно, и каждый раз после этого следовала довольно длительная пауза в боевых действиях. Видимо, примерно на такую ударную мощь нашего флота противник и ориентировался, поэтому, когда шесть Невидимок выпустили торпеды и подняли звенья беспилотных истребителей навстречу надвигающемуся флоту врага, кварги не дрогнули, примерно этого они и ждали. Вот только целями нашего залпа стали не линкоры и крейсера. Почти две сотни торпед под прикрытием истребителей обрушились на легкие силы противника. С минимальными потерями преодолев зону

заградительного огня, выставленного орудиями вражеских тяжелых кораблей, торпеды ударили по эсминцам и корветам, которых противнику удалось наскрести по всей системе почти сотню. Сбивать дрон-торпеды зенитными средствами малых кораблей занятие нетривиальное, а если вспомнить, что делать это требовалось под постоянными атаками истребителей, то и вовсе безнадежное.

Импровизированная противоторпедная сеть кваргов расцвела многочисленными вспышками взрывов и практически перестала существовать, но планы командующего вражеским флотом это никак не изменило. Да, легкие силы погибли, но они приняли на себя залп самого опасного оружия людей, и дали время тяжелым кораблям для ответного удара, а ударить было чем.

Все двадцать линкоров и крейсеров противника рванулись вперед, переводя двигатели в запредельные форсажные режимы, лишь бы быстрее сократить расстояние до эскадры людей и развеять ее по космосу залпами главного калибра. Однако, не сложилось.

– Невидимкам семь-девятнадцать полный залп, – нарушил тишину командного поста приказ капитана первого ранга Эверса. Три носителя с почти сотней торпед мы решили пока оставить в резерве, мало ли...

Зенитным системам линкоров и крейсеров противника удалось сбить от силы процентов двадцать дрон-торпед. Системы непосредственной обороны этих кораблей рассчитывалась совсем на другие реалии космического боя, и ничего удивительного в произошедшем я не видел. Результат выглядел вполне закономерным, за единственным исключением, одному линкору противника каким-то чудом удалось выжить, несмотря на семь полученных попаданий. Конечно, корабль после этого напоминал груды металлолома, но он сохранил ход и способность вести огонь из пары орудий.

Решение о его судьбе следовало принимать быстро, поскольку в течение ближайших сорока секунд наши корабли должны были войти в зону досягаемости его пушек.

– Отправьте ему предложение сдаться, – отдал я распоряжение оператору связи. Тот удивленно глянул на меня, но подчинился. Армия и флот Федерации неоднократно пыталась наладить с врагом хоть какую-то коммуникацию, но на эти попытки мы всегда получали в ответ молчание. Кварги сдавались редко и только на поле боя при непосредственном соприкосновении войск, тем не менее, предложение капитуляции входило в набор стандартных сигналов любой армейской или флотской системы связи.

Чуда не произошло и на этот раз, хотя, я уверен, кварги наш сигнал приняли и поняли, но ответом нам послужил не огонь из уцелевших орудий, а яркая изумрудная вспышка, знакомая каждому опытному офицеру флота. Противник задействовал систему самоуничтожения корабля, предпочтя смерть возможному плену. Уж в чем в чем, а в силе духа командиру вражеского линкора отказать было нельзя.

Увидев, что произошло с их флотом, эсминцы кваргов покинули орбиты планет, соединились с флотом десантных транспортов и начали разгон для ухода в прыжок. Догнать мы их не могли, да и желания особого не испытывали. Сигнал о нашем вторжении в систему наверняка ушел в метрополию кваргов еще в самом начале сражения, так что уход этих кораблей не играл в общем раскладе никакой роли.

Но теперь перед нами в полный рост вставал вопрос, что же делать дальше. Вид с низкой орбиты на планету третьей расы привел нас в состояние, близкое к шоку. Под нами простирались голые безводные равнины холодной планеты, явно подвергнутой чему-то, что мы назвали бы терраформированием, но то ли оно не было доведено до конца, то ли третью расу результат и так устраивал.

Ничего похожего на наши города и прочую наземную инфраструктуру мы не обнаружили, зато местами поверхность планеты покрывали некие образования, напоминающие черепаховые панцири, вернее даже не одиночные панцири, а целые груды взаимно перекрывающихся выпуклых наростов, сформированных из материала, в котором наши сканеры различали присутствие металлов, кремния, серы и сложных органических соединений. Эти образования носили следы повреждений, и пестрели пробоинами от попаданий бомб и снарядов. Некоторые из них были практически полностью разрушены, другие еще продолжали борьбу за жизнь.

Наземные силы и атмосферная авиация кваргов не прекращали атаки, а из руин странных полуживых строений третьей расы по ним вели интенсивный ответный огонь. Выглядел этот бой совершенным сюрреализмом. Вспышки выстрелов и взрывы знакомых и понятных нам снарядов и ракет сочетались с ответными залпами, не сопровождавшимися никакими световыми эффектами ни при выстрелах, ни при попаданиях. Наросты, напоминающие панцири черепах, не были монолитными. На краткие мгновенья в них открывались отверстия, подобные жаберным щелям, и из них вылетали серии продолговатых снарядов, выглядевших при замедленном воспроизведении, как мячи для регби, покрытые отсвечивающим металлом панцирем, явно выращенным, а не

произведенным на заводском оборудовании. Снаряды эти при подлете к цели хаотично меняли траекторию движения, но тип используемых ими двигателей оставался неясен.

На проекционном экране перед нашими глазами проходили сцены боя. Мы видели, как получивший прямое попадание Малый Дракон сбился с шага, его броня в месте удара снаряда противника начала пузыриться и течь, источая густой дым с желтыми и оранжевыми оттенками. Робот споткнулся, остановился, конвульсивно дернулся несколько раз и завалившись набок неподвижно застыл, продолжая дымить, но уже не только желто-оранжевым, а и вполне себе черным дымом от сгорающего в появившемся пламени масла и других технических жидкостей.

По воздушным целям третья раса тоже вела интенсивный огонь, но в основном не из руин квазиживых городов, хотя и оттуда по самолетам стреляли. Наконец-то, мы увидели то, что с натяжкой можно было назвать боевой техникой наших потенциальных союзников. Никаких иных сравнений, кроме мутировавших и покрывшихся металлизированной броней динозавров в моей голове не возникло. Двухногие ящеры размером с наших Бизонов, выпрыгивали из проходов, образуемых расходящимися в стороны наростами, слагающими стены и купола городов. Они сходу открывали огонь по пехоте, роботам и авиации кваргов. Никаких стволов, направляющих и прочих признаков наличия оружейных систем на них мы не видели. Снаряды вылетали прямо из их тел, в которых на мгновение открывались отверстия. Сверху этих монстров прикрывали летающие твари примерно такого же вида, но несколько меньших размеров и с крыльями. С почти неподвижными крыльями! Бронированный летающий ящер с мощным двигателем – это сильно, а если он еще и может весь изгибаться в полете, его маневренность в атмосфере становится просто запредельной, что и ощущали на себе в полной мере пилоты кварговских атмосферников.

Теперь нам стало понятно, почему кварги так долго возились со штурмом планет. Такой противник легко не сдастся. Тем не менее, сейчас ситуация выглядела для третьей расы безнадежно, если, конечно, не принимать во внимание наше возможное вмешательство. Большая часть городов представляла собой почерневшие бесформенные груды странной субстанции, сочетающей в себе органику, керамику и различные металлы, а активное, сопротивление продолжали только два из них. Количество мобильных боевых единиц потенциальных союзников не шло ни в какое сравнение с накатывающими на руины городов волнами атакующих. Несмотря на высокие потери, господство в воздухе тоже оставалось за кваргами и в защитных стенах городов то и дело возникали новые

пробоины. Зато старые следы от попаданий медленно зарастали, оставляя на панцирях стен грубые шрамы, вот только скорость этого процесса не могла сравниться с интенсивностью получения строениями третьей расы все новых и новых повреждений.

– Генерал-лейтенант Свенсон, ваш выход! – вызвал я на связь генерала-десантника, – высадить на поверхность планеты первую дивизию беспилотных роботов. Крейсерам Москва, Вадуц и Люксембург подавить наземные противоракетные средства противника и создать десанту безопасные коридоры для захвата плацдармов. Крейсеру Монтевидео обеспечить орбитальную поддержку силам потенциальных союзников над объектом их инфраструктуры в северном полушарии. Крейсеру Сантьяго поддержать с орбиты южный очаг сопротивления.

Я стоял в командном посту крейсера Москва и наблюдал с помощью тактической проекции, как внизу разворачивается десантная операция. Первая волна уже высадилась и сейчас расширяла плацдарм. Где-то там, на поверхности, сейчас шел в атаку полный дивизион тяжелых роботов во главе с командирским Бизоном Инги Котовой. Сама Инга, как и ее подчиненные, управляла атакой с борта крейсера с помощью экзоскелета, собирающего всю информацию о движениях ее тела и передающего ее через систему ретрансляторов на планету, где управляемый Ингой Бизон повторял их в мельчайших деталях. Я сдержал данное себе обещание, Инге больше не понадобится самой ходить в атаку, пусть за нее воюет железо, а на капитана Котову у меня уже давно созрели совсем другие планы.

– Атакован с поверхности противокосмическими средствами потенциальных союзников, – пришел доклад от командира крейсера Монтевидео. Имею повреждения в носовой части. Броня пробита, но пока ничего критического. Продолжаю вести огонь по силам кваргов, атакующих город.

– Увеличьте немного дистанцию, возможно третья раса принимает вас за противника.

– Выполняю.

– Пилоты наших атмосферников докладывают, что ящеры ведут по ним огонь, у нас есть потери, – пришло сообщение от генерала Свенсона.

– Ответного огня не открывать, от боя уклоняться, – отдал я категорический приказ.

– Господин командующий, – вновь обратился ко мне Свенсон, – они не понимают, что мы союзники, хотя уже давно следовало бы разобраться...

– Мы слишком похожи на кваргов, – высказал я свое предположение, – они ведь не видят, кто управляет самолетами и роботами. Мы для них на

одно лицо, техника у нас похожая, по крайней мере, построена по схожим принципам, оружие тоже почти одинаковое. Возможно, они считают, что это наша внутренняя разборка. Может мы добычу так эмоционально делим, уже почти добитую.

– И что нам теперь предпринять?

– Продолжаем бой. На огонь ящеров не отвечаем. Лейтенант, – обратился я к оператору систем связи, – вы фиксируете какие-нибудь посторонние сигналы? Эти рептилии между собой как-то общаются?

– Прошу минуту, господин контр-адмирал, – оператор на некоторое время замолчал, что-то активно настраивая на своем рабочем месте, – сигналы, нехарактерные для нас и кваргов есть, но их система не вполне ясна. Используется диапазон длинных волн электромагнитного спектра, и что-то иногда проходит на нескольких частотах гиперсвязи, но на переговоры и обмен данными это не похоже, по крайней мере, у нас это выглядит совсем иначе.

– Сформируйте какой-нибудь уникальный сигнал на этих частотах, который помог бы союзникам отличать нас от кваргов, и перешлите его в системы связи машин, участвующих в десанте.

– Первый полк вышел на подступы к северному очагу сопротивления. Кварги оттеснены от города ящеров, но еще отбиваются, хотя их сопротивление слабеет, – доложил Свенсон.

– К городу не лезть. Давим сопротивление кваргов и отходим.

Для очистки планеты от противника нам понадобились почти сутки. Все это время наши войска регулярно попадали под огонь потенциальных союзников, но каждый раз просто разрывали дистанцию и отходили. Получившие передышку города ящеров зарастили большинство пробоин и выглядели уже более-менее целыми. Я дождался доклада Свенсона об установлении полного контроля над планетой и отдал приказ эвакуировать войска. Нас ждали еще четыре подобных операции, и я боялся, что до появления в системе Йоты Персея нового флота кваргов мы можем не успеть, но опасался я зря.

Четвертая планета встретила нас совершенно по-другому. Нет, бои на ней продолжались едва ли не более ожесточенные, чем на пятой, но вот ящеры вели себя иначе. Может быть, сыграл роль наш демонстративный уход после уничтожения кваргов на Йоте Персея-5, но после начала высадки я почти сразу получил доклад от Свенсона.

– Летающие ящеры огонь по нашей авиации не открывают. В процессе преследования отступающей пехоты противника Бизоны и Вараны прорвались прямо под стены города рептилий. Союзник ведет огонь только

по кваргам, в нашу сторону не сделано ни одного выстрела.

– Ну, наконец-то, – усмехнулся я, – похоже, мы начинаем друг друга понимать. Господин генерал-лейтенант, готовьте к высадке вторую и третью дивизии, остальные три планеты будем отбивать одновременно.

Крейсеру Монтевидео становилось откровенно нехорошо. Субстанция, ударившая в его носовую часть оказалась редкостной дрянью. Броня в месте попадания проплавилась и потекла, кусок борта вокруг пробоины покрылся какой-то липкой на вид пленкой, которая постепенно, но неуклонно захватывала все большее пространство. Бронеплиты под ней приобретали нехороший белесый цвет и начинали пузыриться, выделяя в космос газообразные продукты химической реакции. Вглубь корпуса через пролом эта пакость тоже проникала, отлично справляясь с металлическими конструкциями, и чуть хуже, но тоже довольно бодро корежа пластик и керамику. Пока пораженный участок не затронул жизненно важных узлов и механизмов корабля, но при таких темпах его разрастания критические повреждения были не за горами. Самым неприятным оказалось то, что никакие из имеющихся на борту средств не приводили к остановке распространения этой заразы. Края пораженного участка обрабатывали кислотами и щелочами, жгли огнем и поливали различными техническими жидкостями. Огонь чуть замедлял расширение пятна пленки, но не останавливал его полностью, а спалить собственный корабль команде как-то не улыбалось. Командир крейсера уже хотел было отдать приказ вырезать весь пораженный участок и выбросить его в космос, но сделать этого не успел.

С поверхности пятой планеты в космос поднялся первый увиденный нами космический корабль третьей расы. Напоминал он грецкий орех в скорлупе, разросшийся до размеров эсминца. Материал брони, а это точно была именно броня, очень напоминал те самые наросты, похожие на панцири черепах, из которых состояла внешняя защита городов рептилий. Двигатели корабля не оставляли в атмосфере инверсионного следа, а в космосе не излучали ничего, что могли бы зафиксировать наши сканеры. Летал «орех», надо сказать, не слишком быстро. Повисев немного на орбите пятой планеты, он неспешно разогнался и взял курс к точке пространства, где команда Монтевидео упражнялась в изящной словесности, пытаясь локализовать последствия дружественного огня с поверхности.

Кораблю союзников никто не препятствовал. Его аккуратно сопровождали разведчики, но держались они на почтительном расстоянии с жестким приказом ближе не лезть. «Орех» подошел к неподвижно

висящему в пространстве крейсеру почти вплотную, аккуратно затормозил и облетел Монтевидео по кругу, остановившись точно напротив пробоины в корпусе. Обшивка корабля рептилий разошлась в нескольких местах, открывая узкие ходы внутрь корпуса корабля, и оттуда вылетели десятки небольших продолговатых предметов, оказавшихся свернувшимися в клубки сильно уменьшенными копиями ящеров, которых мы видели на поверхности. Точнее говоря, не совсем копиями. Эти создания явно не предназначались для боя. Развитые передние конечности позволяли им ловко цепляться за детали обшивки Монтевидео. Закрепившись на корпусе, ящеры стали обрабатывать пораженные участки брони и внутренней структуры потоками зеленого порошка, под высоким давлением вылетающего из открывшихся в их ладонях отверстий. Команда Монтевидео отступила внутрь корабля за аварийные переборки и с большим интересом наблюдала через внешние камеры за тем, как рептилии осуществляют ремонтные работы на их крейсере.

Все мы были уверены, что ящеры ограничатся уничтожением той гадкой химии, которой они бессовестно уделали нос нашего крейсера, но не тут-то было. Покончив с липкой пакостью, ящеры протянули со своего корабля какие-то довольно мерзкого вида шланги и трубки, и начали заделывать пробоину, вернее, не заделывать, а заращивать. Все, кто не был занят на боевых постах, с отпавшими челюстями наблюдали за этим действием. По толстым трубам на крейсер подавалась какая-то пастообразная субстанция, а по более тонким шлангам шла оранжевая жидкость. На краю пробоины все это смешивалось и начинало бурно расти, но не во все стороны, а строго в нужном направлении, образуя ту самую панцирную броню, которую мы уже много раз видели. Через полтора часа дыра в носовой части Монтевидео оказалась заделана, и крейсер обзавелся отменной бородавкой, делавший его внешний вид совершенно неподражаемым. Кто-то потом сказал, что крейсер сначала продырявили, а потом заткнули дырку изнутри здоровенной черепахой. Сравнение оказалось очень наглядным. Тем не менее, герметичность отсеков была восстановлена, о чем не замедлили сообщить уцелевшие измерительные приборы, но заходить в отремонтированный отсек до прибытия в Солнечную систему я запретил. Пусть лучше с этим делом разбираются ученые, имеющие соответствующую защиту и оборудование, а то мне одной астероидной горячки уже за глаза и за уши хватило, чтобы на свою, мнэ..., ну, допустим, голову, искать дополнительные приключения.

Тем временем, корабль рептилий свернул свой «ремкомплекс», впустил обратно на борт мелких ящеров и слегка отвалил от борта

крейсера, но никуда не ушел, а так и остался висеть рядом.

– Господин контр-адмирал, – обратился ко мне генерал Свенсон, задумчиво разглядывая корабль союзников, – а ведь эта штука вполне влезет в грузовой трюм большого войскового транспорта...

– Хотите пригласить союзников в гости, генерал-лейтенант? – усмехнулся я в ответ.

* * *

– Господин президент, – обратился я к Тобольскому после завершения обсуждения моего доклада о контакте с третьей расой, – я бы хотел пригласить вас на испытания новой техники, которые мой департамент планирует провести на следующей неделе. Точную дату и время мы можем подстроить под ваш график.

– Они настолько важны, чтобы на них присутствовал глава Федерации? – удивленно приподнял бровь маршал, – мой график расписан не на неделю, а на месяцы вперед.

– Они не просто важны, господин верховный главнокомандующий, – уверенно заявил я, – мы хотим продемонстрировать вам технологию, которая обеспечит нашу победу, но и потребует от нас мобилизации всех ресурсов и вложения огромных средств. Такое решение сможет принять и впоследствии провалить через все инстанции только один человек в Земной Федерации – ее президент.

– Я в курсе, что вы не склонны бросать слова на ветер, контр-адмирал, и если вы говорите такое..., я, пожалуй, распоряжусь изменить свой график. Согласуйте дату и время с моим референтом.

* * *

– Поступило сообщение из системы звезды Барнарда. Они начнут через семь минут. Обратный отсчет включен, – доложил оператор систем связи.

Президент бросил на меня заинтересованный взгляд, но вопросов задавать не стал. Перед нами на главном проекционном экране крейсера Москва демонстрировалось объемное изображение толстого кольца, диаметром чуть меньше полутора метров, обвешанного энергоблоками и массой дополнительного оборудования футуристического вида и дизайна.

Кольцо висело в межзвездной пустоте далеко за пределами пояса Койпера. При весьма ограниченных возможностях нашей техники гравитационные искажения были нам совершенно ни к чему.

– Господин президент, – решил я не держать главу государства в неведении, – в случае удачи нашего эксперимента из транспортного кольца, которое вы видите на экране, через несколько минут появится вот такой предмет, – и я показал Тобольскому стограммовый металлический цилиндр.

– И что это будет означать? – заинтересованно спросил маршал.

– Только то, что мы овладели технологией мгновенного перемещения материальных тел через гиперпространство на расстояния, на порядки превышающее дальность линейного гиперпрыжка.

– Этот цилиндр придет от звезды Барнарда?

– Да, господин президент. Там смонтировано такое же транспортное кольцо...

– Тридцать секунд до переноса, – предупредил нас профессор Штейн.

Внутренняя часть кольца подернулась легкой рябью и утратила прозрачность. Мое сердце сжалось и пропустило удар, слишком хорошо я помнил эту серую муть, возникающую каждый раз за несколько секунд до прохода корабля через гиперпортал.

– Ноль – бесстрастно произнес профессор.

Серая пленка внутри кольца дрогнула и исчезла, а в наше пространство, медленно вращаясь, выплыл серый стальной цилиндр.

Наша научная группа разразилась радостными возгласами, а президент повернулся ко мне и посмотрел на меня твердым взглядом.

– То, что я сейчас увидел, означает мгновенный маневр любыми силами в любую точку пространства, если на старте и на финише есть такие устройства. Я прав?

– Так точно, господин верховный главнокомандующий. Именно это я и имел в виду, говоря о том, что эта технология обеспечит нашу победу.

– Сколько нужно времени и денег, чтобы я увидел, как через такое кольцо проходит колонна линкоров и авианосцев?

Я назвал сумму и сроки, даже не пытаясь сослаться на их сугубо оценочный характер.

Тобольский с минуту молчал, потом потер рукой лицо, словно стряхивая какое-то наваждение, и вновь посмотрел на меня.

– Некоторое время назад, контр-адмирал, вы произнесли слова о переводе экономики на военные рельсы и о национализации военной промышленности. Тогда я считал такую меру преждевременной, но

события последних месяцев, этот заговор финансистов и промышленников, и особенно то, что я увидел сегодня... В общем, очень похоже, что настало время вернуться к вашему предложению.

* * *

Оформление обложки полностью выполнено автором Gagrid с <http://illustrators.ru/users/gagrid?page=1> по заказу автора книги.